

Монтегю Родс Джеймс

**РАССКАЗЫ О ПРИВИДЕНИЯХ
АНТИКВАРИЯ – СОБИРАТЕЛЯ
ДРЕВНИХ КНИГ**

**БЛЕДНЫЙ ПРИЗРАК
И ПРОЧАЯ НЕЖИТЬ**

16+

Монтегю Джеймс

**Рассказы о Привидениях
Антиквария – Собирателя
Древних Книг. Бледный
Призрак и Прочая Нежить**

«Автор»

2021

Джеймс М. Р.

Рассказы о Привидениях Антиквария – Собирателя Древних Книг.
Бледный Призрак и Прочая Нежить / М. Р. Джеймс — «Автор»,
2021

В этом томе представлен перевод трех книг Монтегю Родса Джеймса (англ. Montague Rhodes James; 1 августа 1862, Кент — 12 июня 1936) - английского писателя, историка и специалиста по средневековью: 1) Рассказы о Привидениях Антиквария - Собирателя Древних Книг (Ghost-Stories of An Antiquary – London EDWARD ARNOLD 41 Maddox Street \, Bond Street 1905); Рассказы о Привидениях Антиквария: Часть 2: Еще Больше Рассказов (Ghost Stories of an Antiquary: Part 2: More Ghost Stories - London EDWARD ARNOLD 41 Maddox Street \, Bond Street 1911); Бледный Призрак и Прочая Нежить (A Thin Ghost and Others - London EDWARD ARNOLD 1919) Для работы я взял книги с полными версиями рассказов, причем в них были пояснения автора и издателя, что очень мне помогло, особенно при работе над трудными для перевода местами текста. Англичане своего соотечественника (М.Р. Джеймса) считают классиком, поэтому я постарался учесть все стилистические особенности.

© Джеймс М. Р., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Рассказы о привидениях антиквария – собирателя древних книг.	5
Часть первая	
Предисловие	5
Альбом Каноника Альберика	7
Погубленные Сердца	18
Меццо Тинто	27
Ясень	37
Номер 13	49
Граф Магнус	62
Ты только свистни, дружок, и я приду	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Монтегю Джеймс

Рассказы о Привидениях Антиквария – Собирателя Древних Книг. Бледный Призрак и Прочая Нежить

Рассказы о привидениях антиквария – собирателя древних книг. Часть первая

Предисловие

Я писал эти рассказы через большие промежутки времени, причем большинство из них были затем прочитаны моим великодушным друзьям и, как правило, эти чтения происходили в канун Рождества. Один из моих друзей предложил снабдить эти рассказы иллюстрациями, на это я согласился, в свою очередь предложив, что если он создаст подходящие иллюстрации, то я уже буду всерьез рассматривать вопрос их возможной публикации. Четыре рисунка он успел закончить, а после этого, совершенно неожиданно он нас покинул. Это и является причиной того, почему почти все мои рассказы остались без иллюстраций. Те из моих друзей, кто знал этого художника, прекрасно понимают, почему я придаю такое огромное значение той незыблемой форме, которую способны составить вместе с моими рассказами даже два отдельных его эскиза. Другие примут их как великую возможность вспомнить о том, кого многие из них всегда считали своим самым лучшим другом.

Рассказы мои сами по себе не претендуют на очень высокие оценки критиков. В том случае, если какие-нибудь из них все-таки смогут вызвать у читателя приятное чувство присутствия чего-то сверхъестественного во время прогулки в полном одиночестве по безлюдной дороге или во время бдения в предракетный час возле угасающего костра, тогда можно считать, что цель, которую я ставил перед собой перед написанием этих рассказов, была достигнута.

Два из них, – я имею в виду те, которые идут по порядку первые в этом томе, – были изданы в журнале “National Review”, а затем и “Pall Mall Magazine”. При этом я хотел бы поблагодарить главных редакторов этих издательств за то, что они решили пойти мне навстречу и разрешили их опубликовать в этой книге.

*Монтегю Родс Джеймс
King's College, Cambridge,
Allhallows, Even, 1904.*

Альбом Каноника Альберика

Сен-Бертран-де-Комменж¹ – вымирающее селение, затерявшееся высоко у вершин Пиреней², оно находится недалеко от Тулузы³, а до Баньер-де-Люшона⁴ от него вообще рукой подать. Там до Революции располагалась епархия, а сейчас известно это местечко своим собором, посетить который всегда найдется немало желающих. Однажды весной 1883 года в этот далекий уголок Старого Света (при всем желании я не могу назвать его городом, так как в нем проживает менее тысячи человек) приехал один англичанин. Он был сотрудником Кембриджского Университета, который специально хотел проехать из Тулузы в Сен-Бертран, чтобы посетить Собор Богоматери⁵, прославивший этот горный край, а своих друзей, в отличие от него не проявлявших особого интереса к археологии, он оставил в гостинице в Тулузе. Те, в свою очередь, пообещали на следующее утро заехать за ним. Они решили, что тому хватит и полчаса на то, чтобы осмотреть собор, а затем они все вместе направятся по дороге в Ош⁶. Правда, случилось так, что приехал он туда ранним утром и поэтому решил времени зря не терять, а как можно быстрее взяться за работу. Он хотел, как можно больше узнать об этом великом памятнике истории и записать всё в свой блокнот, к тому же он решил запечатлеть на

---

¹ Сен-Бертран-де-Комменж (фр. Saint-Bertrand-de-Comminges, окс. Sent Bertran de Comenge) – коммуна во Франции, находится в регионе Юг – Пиренеи. Департамент – Верхняя Гаронна. Входит в состав кантона Барбазан. Округ коммуны – Сен-Годенс.

² Пиренеи (фр. Pyrénées, исп. Pirineos, окс. Pirenèus, кат. Pirineus, баск. Pirinioak) – горная система во Франции, Испании, и Андорре, между Бискайским заливом и Средиземным морем.

³ Тулуза (фр. Toulouse [tu'luz], местн. [tu'luzə], окс. Tolosa [tu'luzə], лат. Tolosa) – город на юге Франции, столица региона Юг – Пиренеи и префектура (административный центр) департамента Верхняя Гаронна и округа Тулуза. Один из самых крупных культурных, научных и промышленных центров Франции; четвёртый по населению (427 тыс. человек, 2004) город после Парижа, Марселя и Лиона. Девиз – *Per Tolosa totjorn mai* (ок.), что значит «всего больше для Тулузы».

⁴ Баньер-де-Люшон (фр. Bagnères-de-Luchon, окс. Banhèras de Luishon) – курортный посёлок во Франции (округ Сен-Годанс, департамент Верхняя Гаронна). Посёлок знаменит геотермальными источниками, вода которых содержит большое количество сульфата натрия. Основной доход жители получают от лечебного и спортивного туризма. Древнейшее сооружение (кроме храмов) в Люшоне относится к эпохе неолита. Первые упоминания об источниках появились в древнеримскую эпоху, второй курорт открылся в 18 веке. Среди отдыхающих были известные писатели и главы государств. В селе есть романская церковь 12 века и множество построек 18–19 вв. Недалеко от него находится горный склон Сюпербаньер, популярный у лыжников.

⁵ Кафедральный собор Богоматери располагается примерно в часе езды от Тулузы – в коммуне Сен-Бертран-де-Комменж. Эта коммуна носит имя епископа конца 11 и начала 12 веков Бертрана Лиля, канонизированного католической церковью около 1222 года под именем святого Бертрана де Комменж. Кафедральный собор коммуны Сен-Бертран-де-Комменж является одним из наиболее знаменитых соборов на Пиренеях. Он был построен при святом Бертроне в 12 веке, но с тех пор два раза обновлялся, в результате чего сочетает в себе несколько разнородных по стилю частей. Нартекс, хор и клуатр, примыкающий к южной стороне собора, являются романскими, главный неф выполнен в готическом стиле и относится к 14 веку, а в 16 веке, в эпоху ренессанса, в интерьер собора была помещена отдельная небольшая деревянная церковь. Массивные стены, поддерживаемые контрфорсами, и квадратная башня-донжон напоминают о том, что в средние века соборы часто использовались как крепости. В тимпане глубокого романского портала изображена сцена поклонения волхвов. Выбор именно этой сцены обусловлен – помимо того, что собор посвящен Деве Марии – тем фактом, что в кафедральный собор стекались паломники, чтобы поклониться мощам святого Бертрана. И в самом деле, на искусно выполненном барельефе позади Марии, показывающей волхвам младенца Иисуса, изображен епископ Бертран как бы приглашающий нас войти в собор. В соборе находится несколько примечательных захоронений, в том числе, мавзоль святого Бертрана, датируемый примерно первой половиной 15 века. Мавзоль расписан в несколько регистров сценами из жизни святого. В северной капелле располагается надгробие епископа Гуго Кастильского (середины 14 века). Надгробие выполнено из белого и черного мрамора. К южной стене собора примыкает просторный клуатр, построенный еще во время епископата святого Бертрана. К сожалению, от первоначальной постройки почти ничего не осталось, так как галереи клуатра были поновлены в 14 и 16 веках. Три галереи из четырех выполнены в романском стиле, четвертая – готическая. В ней находятся могилы семи каноников. Кафедральный собор в Сен-Бертран-де-Комменж имеет статус объекта всемирного наследия и охраняется ЮНЕСКО.

⁶ Ош (фр. Auch [ɔʃ]; оксит. Aush [awʃ]) – город во Франции, административный центр округа Ош и департамента Жер и главный город исторической области Гасконь во Франции. Расположен на западном берегу реки Жер, к западу от Тулузы.

фотопластины каждую часть замечательного собора, стоявшего на вершине холма. Для этой цели несколько десятков таких пластин он прихватил с собой.

Чтобы осуществить задуманное, пусть даже не полностью, но вполне подобающим образом, необходимо было на весь день получить себе в помощники церковного служителя. За дьячком или выражаясь точнее ризничим (я предпочитаю последний термин, хотя возможно он и не совсем точен) послали незамедлительно. В этом ему помогла бестактная и властная дама – хозяйка местной гостиницы Шапо Руж. Причем, когда тот явился, наш англичанин, вопреки своим ожиданиям, нашел, что это довольно интересный субъект, за поведением которого стоит понаблюдать. Интерес, который тот вызывал, возник отнюдь не из-за его внешности, а выглядел он точно таким, как и десятки других церковных служителей во Франции, – маленький, шупленький, иссохший старичок. Внимание он привлек тем, что поглядывал как-то исподтишка или, может быть, тем, что вид у него был какой-то затравленный. Тот постоянно озирался, от нервного перенапряжения мышцы его спины и плечи воспалились и превратились в горб, казалось, он боится, что вдруг появится демон и его куда-нибудь утащит. Наш англичанин не мог понять кто перед ним: то ли душевнобольной, страдающий манией преследования; то ли человек терзаемый угрызениями совести за содеянное ранее преступление или, что тоже вполне вероятно, затравленный муж, находящийся под каблуком у жены. Хорошенько всё взвесив, он решил – здесь, скорее всего, будет последнее. Тем не менее, хотя такое впечатление у него и появилось, боялся наш ризничий гораздо более страшного преследователя, чем сварливую жену.

Как бы там ни было, наш англичанин (в дальнейшем я его буду звать Деннисстоун) в скором времени настолько погрузился в свои записи, стремясь при этом как можно больше снимать на камеру, что лишь только иногда бросал случайный взгляд на ризничего. Правда, когда бы тот на него не посмотрел, тот всегда находился по близости, либо старался прижаться к стене, либо свернуться калачиком на одном из ярко окрашенных сидений в церкви. Наблюдая за этими причудами Денисстоун начал выходить из себя. Ему всё это уже начинало действовать на нервы, и он уже начал подумывать, а не отпустить ли старика на обед. Ведь, того и гляди, свалится на него жезл Святого Бертрана⁷ (кстати сказать, тот был из настоящей слоновой кости) или упадет свисающий из купели крокодил, покрытый толстым слоем пыли, и стукнет, не дай Бог, так, что старичок хлипенький дух испустит.

– Вы, наверное, хотите домой? – спросил он спустя некоторое время; – Я и сам смог бы закончить свои записи. Кстати, если хотите, вы можете закрыть меня здесь. Вы совсем замерзли, смотрю, вон как дрожите. Мне нужно еще часа два. Не возражаете, если я останусь?

– О, Боже! – произнес плюгавый старикашка, которого это предложение повергло в неопишуемый ужас, – Да я себе такое даже на мгновение представить не могу. Оставить Вас одного в этой церкви? Конечно нет, что Вы, в самом деле; какие там два часа, три часа. Я уже позавтракал и совсем я не замерз, благодарю за беспокойство, месье.

– Ну, что ж, дружище, – подумал про себя Денисстоун: – Я тебе предложил – твое право отказаться, так что пеняй на себя, если что не так.

Церковные хоры, до невероятной степени ветхий орган, алтарная преграда, находящаяся здесь со времен Епископа Джона де Маллона⁸, осколки витражей и отдельные клочки гобелена, также как и отдельные антикварные предметы из сокровищницы были осмотрены им с особой тщательностью и изучены менее чем за два часа. Всё это время ризничий путался у него под ногами то и дело озираясь по сторонам, будто его какая-то шальная муха укусила, особенно

---

⁷ Святой Людовик Бертран, Луис Бертран (исп. Luis Bertrán, 1 января 1526 года, Валенсия – 9 октября 1581 года, Валенсия) – католический святой, миссионер из ордена доминиканцев, «апостол Южной Америки».

⁸ Джон де Маллон (John de Mauléon) – епископ Собора Богоматери в 16 веке. В 1535 г. он установил в этом Соборе орган, который считается одним из самых лучших на Юго-Западе Франции.

странно он себя вел в тот момент, когда до его слуха доносились непонятные звуки, нарушающие тишину в огромном пустом здании. И действительно, временами слышались весьма странные звуки.

– Вдруг, – рассказывал мне Деннисстоун. – Я могу в этом поклясться, до моего слуха донесся слабый металлический голос. Какой-то дьявольский смех, он всё нарастал и нарастал, наполняя собой всю церковь. В этот момент я с подозрением покосился на ризничего. А тот от ужаса стоял белый, как простыня, от макушки до пяток. – Это он... то есть... там нет никого... дверь закрыта на замок, – было всё, что тот пролепетал. И мы в недоумении целую минуту таращились друг на друга, будучи не в состоянии вымолвить ни слова.

Произошел еще один случай, который поразил Деннисстоуна гораздо сильнее. Он рассматривал большую темную картину, висевшую за алтарем. Эта была одна из серии о чудесах Святого Бертрана. Её композицию можно было разобрать с трудом, но под ней была надпись на латыни:

Qualiter S. Bertrandus liberavit hominem quem diabolus diu volebat strangulare.

(Святой Бертран спасает человека, которого Дьявол долгое время пытается задушить).

Деннисстоун с улыбкой повернулся к ризничему, и веселая шутка уже была готова сорваться с его губ, но тут он увидел, как старик встал на колени и молится, до смерти перепуганные глаза устремлены на картину, руки сложены лодочкой, а по щекам ручьями текут слезы, и опешил. Он притворился, что не заметил ничего, но ему так и хотелось спросить, – Неужели подобная мазня производит на старика такое сильное впечатление? И тут ему показалось, что сумел найти ключ к разгадке того, в чем причина этого странного поведения, которое весь этот день настолько сильно его обескураживало. Вдруг он понял, что перед ним явно какой-то мономаньяк, но что являлось объектом его мономаний⁹?

Уже было около пяти. Короткий световой день близился к концу и в церкви стали появляться тени. При этом странные звуки – приглушенные шаги, отдаленные голоса, доносившиеся до них весь день, из-за сумерек и обострившегося к вечернему часу слуха, стали казаться еще более отчетливыми и стали слышаться чаще.

Впервые за весь день ризничий начал проявлять признаки нетерпения. После того, как камера и записная книжка были наконец уложены, он издал вздох облегчения и торопливо подозвал рукой Деннисстоуна, указывая на дверь, расположенную в западной части церкви, под башней. Настал час звонить к молитве Богородице¹⁰. Несколько раз звонарь дернул за упругую веревку, и Великий Колокол Святого Бертрана, который висел выше всех на колокольне, грянул свою песню. Голос его разливался по всей округе, обволакивая сосны и устремляясь вниз по долинам, сливаясь с мелодией горных потоков, призывая всех живущих в окрестности присоединиться к ликованию ангелов воспевающих ту, которую считают самой святой среди женщин. А потом всё стихло, и маленькое горное селение опять погрузилось в абсолютную тишину, а Деннисстоун с ризничим покинули церковь.

На пороге они разговорились.

– Кажется, месье говорили, что интересуются древними церковными книгами.

– Да, было такое дело, я уже собирался вас спросить, если в вашем селении библиотека.

---

⁹ Мономания (от др. – греч. *μόνος* – один, единственный и *μανία* – восторженность, увлеченность, мания) – в психиатрии: навязчивая или чрезмерная увлеченность одной идеей или субъектом; одностороннее однопредметное помешательство. Разновидность паранойи. Термин был введен Эскиролем.

¹⁰ «Ангелус» (молитва Богородице) 2) = Angelus bell колокол, призывающий к чтению такой молитвы

– Нет, месье, таковой у нас нет. Наверное, какая-то библиотека раньше при капитуле¹¹ и была, но наше селение уже порядком обезлюдело... – затем, в нерешительности, он замолчал, после чего, набравшись смелости, продолжил: – Но, если месье действительно – *amateur des vieux livres*, то есть, настоящий ценитель антикварных книг, у меня дома есть то, что могло бы его заинтересовать. Я живу тут неподалеку, всего в каких-нибудь ста ярдах.

И снова Деннисстоуна охватила радость, и вновь проснулось в нем заветное желание найти в забытом и заброшенном уголке Франции какой-нибудь бесценный манускрипт. Только воодушевление и пыл как-то сразу угасли. – Наверняка, этот безмозглый старикашка хочет мне предложить какой-нибудь глупейший католический служебник, что-нибудь из печати Кристофора Плантена¹², где-то, так, 1580 года издания. Чтобы о местечке, находящемся в такой близости от Тулузы, ничего не знали охотники за книжным антиквариатом? Такого просто не может быть. Но, в любом случае, пойти туда надо, иначе я буду чувствовать себя последним идиотом, если этого не сделаю, и буду упрекать себя в этом всю оставшуюся жизнь за то, что упустил такой шанс. Впрочем, вполне может быть, та книга, которую он хочет мне показать, действительно стоящая. – думал Деннисстоун. Поэтому они и пошли. По дороге Деннисстоун, опять обратил внимание, теперь уже на меняющееся поведение своего попутчика. Потому что довольно быстро страх и подавленность стали переходить в решительность, тем самым, весьма озадачив Деннисстоуна, который шел и думал про себя, при этом, стараясь не показывать виду: – «Уж, не решил ли этот дьячок заманить его куда-нибудь на окраину с целью ограбить и прикончить там, сочтя за богача, приехавшего к ним из Англии»? – И тут он понял, как надо поступить; он начал беседу со своим гидом и вдруг, как бы между прочим, говорит, дескать, завтра утром он ждет своих друзей, которые должны заехать за ним сюда. К его удивлению, ризничий, услышав эти слова, в мгновение ока освободился от всех своих страхов и тревоги.

– Это очень хорошо, – ответил тот, и на его измученном лице промелькнула улыбка. – Это очень хорошо. Месье путешествует в компании своих друзей: друзья всегда должны быть рядом. Как здорово путешествовать вместе с друзьями..., порой...

Выглядело так, словно последнее слово его собеседник произнес в запоздалом раздумье, которое с новой силой окунуло несчастного во тьму уныния и страха.

Вскоре они подошли к дому, который заметно выделялся среди находящихся по соседству. Это был каменный дом, он был гораздо больше других по размеру, на двери его был прикреплен щит Альберика де Малона. Потом Деннисстоун рассказывал мне, что Альберик де Малон был потомком по боковой линии Джона де Малона, епископа Собора Святого Бертрана. Альберик де Малон был каноником¹³ в Комминдже с 1680 по 1701 года. Все верхние окна этого огромного особняка были заколочены, поэтому он и казался пустым, обветшалым и

---

¹¹ Капитул – (лат. *capitulum* уменьшит., от *caput* голова). 1) у католиков место собрания духовенства. 2) присутственное место, где хранятся, раздаются и обратно получают жалованные ордена.

¹² Христофóр Плaнтéн или Плaнтéйн (лат. *Christophorus Plantinus*, фп. *Christophe Plantin*, нидерл. *Christoffel Plantijn*; май 1520, Сен-Авертен – 1 июля 1589, Антверпен) – нидерландский издатель и типограф французского происхождения, гуманист. Получил классическое образование, издавал книги на латинском языке, интернациональном для Европы того времени. Начиная с середины XVI века Плантен являлся ведущим издателем Европы, основателем фирмы *Officina Plantiniana*, имевшей филиалы во всех землях Германии и Нидерландов, Англии и Шотландии, Франции, итальянских государств, Испании и Португалии. Издательство Плантена выпустило более 40 книг, включаемых в число значимых для истории книгопечатания; известнейшими его изданиями стала Антверпенская Полиглотта (1568–1573) и первый атлас земного шара – *Theatrum Orbis Terrarum* (1580). В 1570 году получил звание Главного королевского печатника, дававшее ему монополию на издание богослужебных книг в испанских владениях; общий их тираж в 1571–1574 годах составил около 75 000 экземпляров. Династия его наследников занималась книгоизданием до 1865 года. Исследователями XX века Плантен рассматривался как яркий представитель фламандского Ренессанса, оказавший существенное влияние на издательское дело и книжное искусство Германии и Франции. Полностью сохранившаяся типография с печатными станками и всем содержимым с 1877 года является Музеем Плантена-Моретуса.

¹³ Каноник (соборный священник в католической и англиканской церквях)

скучным, точно таким же пустым и скучным выглядел весь Комминдж, и это явно было следствием упадка и разложения.

Встав на пороге, ризничий замешкался.

– Может быть, – произнес он, – может быть, месье, у Вас нету времени?

– Вот и не угадали, любезнейший. Уйма, уйма времени – вплоть до завтрашнего утра мне абсолютно нечего делать. Ну, давайте, показывайте, что там у Вас.

В этот момент открылась дверь, и выглянуло женское лицо, которое было гораздо моложе, чем лицо ризничего. Правда, вся та же угнетенная подавленность омрачала его, и глаза говорили не о страхе за свою собственную жизнь, а о страхе за жизнь близкого человека. Совершенно несложно было понять, что дверь открыла дочь ризничего. Несмотря на ту тревогу, которая отражалась в каждой черте её лица, Деннистоун сумел разглядеть, что перед ним милая и приятная девушка. Когда она увидела своего отца в компании крепкого и хорошо сложенного незнакомца, в её глазах вспыхнули искорки. Она обменялась с ним всего несколькими фразами, из которых Деннистоун, единственно, что смог разобрать, так это слова ризничего: – «Он опять смеялся в церкви», – услышав эти слова, девушка ничего не ответила, а лишь внимательно и со страхом посмотрела на отца.

Всего через минуту они оказались в гостиной. Это была небольшая комната с каменным полом и высокими потолками, полная причудливых теней, отбрасываемых большим очагом в котором горели дрова. Огромное распятие, которое висело на одной из стен, упираясь чуть ли не в потолок, делало эту комнату чем-то похожей на часовню. Тело Христа на Распятии было окрашено краской в естественные тона, а сам крест был черным. Под распятием стоял старинного вида массивный сундук. После того, как принесли лампу и расставили стулья, ризничий подошел к сундуку и с нарастающим волнением, как показалось в тот момент Деннистоуну, достал оттуда большую книгу, обернутую в белую материю. Поверх ткани, в которую была завернута книга, грубой рукой красной нитью был вышит крест. Еще до того, как ризничий развернул книгу и убрал кусок материи, Деннистоун поразила её объем и формат. – Уж слишком она большая для простого молитвенника, – подумал он, – причем, она далеко не такая как антифонарий¹⁴; похоже, на этот раз, я нашел действительно стоящую вещь. – В следующий момент, после того как книга была открыта, Деннистоун понял, – да, действительно, наконец-то, ему посчастливилось наткнуться на то, о чем он даже и мечтать не смел. Перед ним был крупный фолиант¹⁵, созданный, приблизительно в конце семнадцатого столетия, с золотым гербом каноника Альберика де Малона отштампованным на корешке. Объем его был, примерно, сто пятьдесят книжных листов и почти на каждом из них была прикреплена страница из заставочной рукописи, украшенной миниатюрами и орнаментом. О таком ценном приобретении Деннистоуну не могло присниться даже в самых волшебных снах. Первыми шли 10 рукописных листов из Книги Исхода с рисунками и орнаментом, датированными не позднее 700 года после Рождества Христова. Далее следовала полная коллекция иллюстраций из

---

¹⁴ Антифона́рий (лат. antiphonale, antiphonarium, [liber] antihonarius), в богослужении католиков обиходная книга с песнопениями и текстами для служб официина. Различают монастырский антифонарий и антифонарий, используемый в богослужении для мирян («приходской», или «канонический»); богослужение по монастырскому антифонарию более детализированное, протяжённое и несколько иное по структуре.

¹⁵ Фолиа́нт (нем. Foliant, от лат. folium – лист) – книга формата in folio, в которой размер страницы равен половине размера традиционного типографского листа. Страницы такого формата получаются фальцовкой в один сгиб, приблизительно соответствуют современному формату А3 (около 29×40 см) и обозначаются 2° или fo. При печати на одном типографском листе размещалось 4 страницы – по две на каждой из сторон. В широком смысле под фолиантом понимают любое издание большого формата. Существовали также книги меньших форматов: in quarto (лат. quart – четверть) с размером страницы в 1/4 типографского листа и in octavo (лат. oktav – восьмая часть), в котором размер страниц составлял 1/8 типографского листа, а на самом листе при печати размещались 16 страниц. Фолианты были характерны для ранних этапов книгопечатания и со временем были вытеснены книгами меньших форматов и, за редким исключением, исчезли из современной полиграфической практики. Известными фолиантами являются Библия Гутенберга и Первое фолио.

Псалтиря, созданного в Англии. Великолепнейшее издание, которое можно было отнести, где-то, к 13 столетию, наверное, это был один из самых лучших Псалтирей. Затем шли двадцать листов, исписанных латинским унциальным шрифтом¹⁶, благодаря тем нескольким словам, которые он смог разобрать, ткнувшись то в одном месте, то в другом, он решил, что, по всей вероятности, перед ним не что иное, как один из ранее неизвестных трактатов, принадлежащих одному из Отцов Церкви. – А не может ли это быть фрагментом из рукописи Папия¹⁷ «Изложение Изречений Господних», о существовании которой в Ниме¹⁸ уже было известно в Двенадцатом столетии? – подумал Денистоун.

В любом случае, он твердо решил, что эта книга будет принадлежать ему и поедет с ним в Кембридж, даже если придется потратить на неё все имеющиеся денежные средства, имевшиеся на его счету в банке, и остаться в Сент-Бертране до того, как ему снова переведут деньги. Он взглянул на ризничего, желая увидеть на лице старика хотя бы ничтожный намек на то, что тот поддастся на уговоры и продаст ему эту книгу. Ризничий был бледен, лишь только губы шевелились.

– Если, месье соблаговолят заглянуть в конец книги, – сказал он.

Денистоун так и сделал, а там его ждали новые сокровища, на каждом новом листе. К тому же, в самом конце книги он наткнулся на два листа бумаги, по сравнению со всем увиденным им ранее эта вставка была более поздней, что его серьезно озадачило. – Скорее всего, – решил он, – эти листы, современники алчного и бессовестного каноника Альберика, который, а это вне всяких сомнений, ограбил библиотеку капитула Сент-Бертрана и скомпоновал этот альбом. На первом из этих листов был тщательно выполненный чертеж, на котором человек, побывавший в Соборе Сент-Бертрана, без труда бы узнал план южного крыла и галерею Сент-Бертрана. Также, на нем были изображены интересные знаки, похожие на символы планет. По углам страниц были слова, написанные на иврите, а северо-западная часть галереи была отмечена крестом, нанесенным золотой краской. Внизу, под чертежом, были написаны несколько строк на латыни:

Responsa 12(mi) Dec. 1694. Interrogatum est: Inveniamne? Responsum est:
Invenies. Fiamne dives? Fies. Vivamne invidendus? Vives. Moriarne in lecto meo?
Ita.

Ответы от 12 декабря 1694 года. И было спрошено: – Смогу найти я то, что так искал? Ответ: – Найдешь.

---

¹⁶ Унциальный шрифт, унциальное письмо (особый тип почерка средневековых греческих и латинских рукописей; характеризуется ровными буквами, без острых углов и ломаных линий)

¹⁷ Папий Иерапольский или Гиерапольский (греч. Παλιός; ок. 70 – 155 (165) – раннехристианский святой, писатель, один из апостольских мужей. Евсевий Кесарийский называет Папия епископом Иераполя во Фригии. Папий является автором не дошедшего до нас пятитомного труда «Изложение изречений Господних» (греч. Κυριακῶν λογίων ἐξηγήσις). Сочинение Папия сохранилось в виде фрагментов и цитат в произведениях других авторов. Источником книги Папия были рассказы «старцев», очевидцев земной жизни Иисуса Христа. Так, согласно свидетельству Иринея, он лично знал Иоанна Богослова и был дружен с Поликарпом. По словам Папия, некоторые из приведённых им рассказов он слышал от живших в Иераполе дочерей апостола Филиппа. Сообщения Папия проливают бесценный свет на ранние годы существования христианства; в числе прочего он упоминает Евангелие от Матфея на арамейском языке. Папий умер в 155 или в 165 году в городе Смирна. В православной и католической церквях Папий почитается в качестве святого. Несмотря на это, Евсевий относился к Папию с известным предубеждением, считая его заражённым иудео-христианским миллениаризмом, который проповедовал Иоанн Пресвитер.

¹⁸ Ним (фр. Nîmes, окс. Nimes) – город на юге Франции. Ним расположен на границе Прованса, в 35 км к северу от средиземноморского побережья, в 20 км к западу от Роны, у подножия плато Гарриг. Ним (лат. Nemausus) в древности был столицей галльского племени вольков-арекомиков, которые покорились римлянам в 121 г. до н. э. На месте кельтского поселения император Август основал новый город. Благодаря удачному местоположению в винодельческом регионе и предоставленным императорами привилегиям, Ним стал одним из самых крупных городов Южной Франции. В V в. его разграбили вандалы и вестготы, за которыми в VIII в. пришли арабы (изгнаны в 737 г.). С X в. Ним входил во владения графов Тулузских, был очагом движения альбигойцев, в 1229 г. присоединён к домену короля Франции. В XVI в. граждане Нима приняли протестантизм и устроили избиение католиков (т. н. нимская резня). После отмены Нантского эдикта здесь наблюдались волнения гугенотов.

- Так что же, стану я богатым? – На все Божья Воля.
- А суждено ль мне стать тем, кому все завидуют? – На все Божья Воля.
- Умру ли я своей смертью и в своей постели? – На все Божья Воля.

– Прекрасный образец творчества охотников за сокровищами. Эти строки очень сильно напоминают мне записку каноника Квотермейна из Старого Собора Святого Павла¹⁹, – произнес Деннисстоун и перевернул лист.

То, что он увидел на следующей странице, как потом он мне об этом частенько рассказывал, поразило его настолько сильно, что вряд ли существует такая картина в этом подлунном мире или рисунок, которым удастся произвести на него такое же сильное впечатление. Впрочем, хотя рисунка этого больше не существует, а сохранилась лишь только его фотография (которая хранится у меня), то, что он говорит, – действительно верно. Рисунок, о котором я рассказываю, был сепией²⁰ конца 17 столетия, с первого взгляда могло показаться, что на нем изображена одна из Библейских сцен. К этому выводу можно прийти посмотрев на архитектуру, изображенную на рисунке (представлена внутренняя часть дворца), фигуры людей изображены в квазиклассическом стиле, который художники, два столетия назад считали наиболее подходящим для изображения Библейских сюжетов.

Справа, на троне восседал царь, его трон стоял высоко, и чтобы добраться до него, нужно было подняться на 12 ступеней. Над царем нависал балдахин, с каждой стороны от трона сидели львы. Скорее всего, это был Царь Соломон. Царь подался вперед, вытянув руку со скипетром, как бы повелевая. Его лицо выражает ужас и отвращение, к тому же, на нем видна печать властности и уверенности в собственной силе. Левая часть рисунка выглядит чрезвычайно странной, стоит сказать, что чего-либо более странного найти сложно. Но внимание и интерес привлекает именно она.

На тропинке перед троном мы видим четырех солдат окруживших припавшую к земле съезжившуюся фигуру, которую я опишу позднее. Пятый солдат лежит мертвым на земле, у него шея свернута набок, а глаза выкатились из орбит. Все четверо солдат, стоявшие вокруг этого существа, смотрят на царя. Чувство страха, которое мы видим на их лицах, наполняет их всё сильнее. Кажется, лишь только безраздельная преданность своему повелителю удерживает их от того, чтобы не сорваться с места и убежать без оглядки. Причиной невероятного ужаса, который просто-таки начинает их охватывать всё сильнее и сильнее, является то самое корчащееся и съезжившееся чудовище, которое они окружили. Я не в силах найти слов, для того чтобы передать впечатление, которое производит на любого кто бы ни посмотрел, изображение этой фигуры. Помню, как однажды я показал фотографию этого рисунка преподавателю морфологии. Я должен сказать, что это был человек трезвого рассудка, начисто лишенный всякого воображения. Весь следующий вечер он не мог оставаться один, впоследствии он мне рассказывал, что после того, как он увидел это, много ночей подряд он боялся темноты и не мог заснуть, когда свет гасили в комнате. Тем не менее я попробую описать главные черты этого существа, по крайней мере те, которые мне удалось заметить. Первое, что бросалось в глаза, это копна грубых спутанных черных волос. А немного присмотревшись, начинаешь

---

¹⁹ Кафедральный собор Святого Павла (Сент-Пол) в Лондоне построен на месте, где римские времена находился языческий храм богини Дианы. На его месте, по преданию, была основана первая христианская церковь Лондона. Но первые достоверные исторические сведения о существовании в Лондоне храма во имя Святого апостола Павла, считавшегося святым покровителем и заступником Сити, относятся только к началу VII века. Старый собор Сент-Пол, сгоревший в 1666 году, сохранился только в многочисленных средневековых изображениях. Он являлся сложным сочетанием норманнского, романского и готического стилей, так как многократно строился и перестраивался после частых пожаров с XI по XVI столетия. Он имел самую высокую колокольную в средневековой Европе высотой 520 футов (около 156 метров).

²⁰ Сепия (*гр. Sepia*) – 1) каракатица – род головоногих моллюсков отряда декапод (десятиногих); 2) коричневая краска, получаемая из красящего вещества, вырабатываемого особым органом (чернильным мешком) в теле этого моллюска, а также изготавливаемая искусственно; употр. в живописи; рисунок, сделанный такой краской, тоже называется – сепией; фотография коричневого тона.

различать то, что грубая черная шерсть покрывает все до безжизненности худое тело, почти скелет, но, несмотря на жуткую худобу, на костлявом теле заметно выделяются напряженные жилы и мускулы, похожие на тугую скрученную проволоку. Руки темные и бледные, покрытые так же как и тело, грубой длинной шерстью с отвратительными костлявыми пальцами, точь-в-точь такими же как когти. Глубоко в центре глаз, горящих желтым огнем, сидят иссиня-черные зрачки, они пристально смотрят на царя, находящегося на троне, а в глазах этих пылает лютая ненависть, свойственная только демонам Ада. Представьте себе паука – птицееда, обитающего в Южной Америке, но только в человеческом облики, наделенного почти человеческим разумом, и вы получите хотя бы некоторое представление о том ужасе, который внушало это омерзительное создание. Кому бы я не показывал эту фотографию – все говорили одно: «Этот рисунок выглядит как живой, будто его рисовали с натуры».

Когда оцепенение, вызванное сильным потрясением после просмотра этого рисунка, понемногу прошло, Деннисстоун украдкой посмотрел на хозяев, у которых он находился в гостях. Как раз в этот момент ризничий закрыл глаза руками, а его дочь судорожно перебирала четки, уставившись на распятие, висевшее на стене.

Воцарилась тишина, которую внезапно нарушил сам Деннисстоун: – Эта книга продается?

Среди хозяев дома была всё та же нерешительность, всё те же колебания не оставляли их. Всё это он уже видел раньше, всё это было ему хорошо знакомо, но тут последовал ответ: – Пожалуйста, если, месье желает.

– Сколько Вы за неё просите?

– Я бы за неё хотел получить двести пятьдесят франков.

Деннисстоун опешил. Даже у самых отъявленных мерзавцев среди охотников за антиквариатом иногда есть совесть, но Деннисстоун не был таким, и его совесть была гораздо чище, чем у тех, кто гоняется за сокровищами давно минувших эпох.

– Дорогой мой человек! – повторял он снова и снова, – Ваша книга стоит гораздо дороже, куда больше чем 250 франков. Уверяю Вас – она гораздо ценнее.

Но ответ был неизменным: – Мне нужно только 250 франков – не более.

Действительно, упустить такой шанс – было просто преступлением. Чек был выписан, деньги уплачены, а удачную сделку, как в таких случаях и положено, скрепили бокалом вина. После чего ризничий сразу начал преображаться. Он перестал подозрительно озираться по сторонам, выпрямился, и как-то даже повеселел, начал смеяться или, лучше сказать, попытался рассмеяться. Да, только вот Деннисстоуну уже пора было уходить.

– Разрешите мне, месье, проводить Вас до Вашей гостиницы? – спросил ризничий.

– Ой, да что Вы, не стоит беспокоиться, здесь всего каких-то сто ярдов. Эту дорогу я хорошо запомнил. Ночь, луна, скажите, кто откажется от такой чудесной прогулки?

Ризничий три или четыре раза повторил свое предложение, но неизменно получал всё тот же отказ.

– В любом случае, месье, Вы можете в любой момент позвать меня, если, не дай Бог, что-нибудь случится, и советую Вам держаться посередине, уж очень плохая обочина у нашей дороги, да и сама она ухабистая.

– Да, да, конечно, – ответил Деннисстоун, которому натерпелось остаться наедине со своей, только что приобретенной, книгой и внимательно её рассмотреть. Вслед за этим он вышел в переднюю, держа альбом под мышкой. Здесь его ждала дочь ризничего. Со стороны могло показаться, что она подобно Гиезию²¹, боится упустить свой шанс и хочет получить какую-нибудь мзду от гостя, с которым её отец заключил такую выгодную для него сделку.

---

²¹ Гиезий – персонаж Четвёртой книги Царств, слуга пророка Елисея. Впервые Гиезий упоминается в 4 главе 4-й книги Царств как слуга Елисея. Ему пророк поручает исцеление сына Сонамитянки, для чего даёт свой посох. Однако Гиезий не справляется с этим заданием (4Цар. 4). В следующей главе описывается, как пророк исцелил сирийского военачальника Неемана от проказы, после чего тот был готов щедро вознаградить, однако Елисей отказался от денег. Тогда Гиезий решил обма-

– Месье, посмотрите, у меня для Вас серебряное распятие на цепочке. Не соблаговолите принять её?

– Надо же, какая чудесная вещь! – ответил Деннисстоун, – Он не носил крестика на шее. И сколько мадемуазель за него просит?

– Ничего, монсеньор, мне не нужно ничего. Это мой подарок, от чистого сердца.

Безусловно, тон которым были произнесены эти и все последующие слова, был искренним, Деннисстоун попытался было отказаться от подарка, но был вынужден уступить под натиском уговоров и позволил девушке одеть ему цепочку на шею. Выглядело так, словно он оказал ризничему и его дочери какую-то неоценимую услугу, за которую они и не знают, как отблагодарить. Он покидал их дом с книгой под мышкой, а они стояли на пороге и долго махали ему вслед, провожая его, пока тот не добрался до дверей своей гостиницы Шапо Руж.

Ужин закончился, Деннисстоун ушел в свою комнату, закрыл замок и остался наедине со своим драгоценным сокровищем. Хозяйка гостиницы проявила к нему особый интерес после того как узнала, что он побывал в гостях у ризничего и купил у того антикварную книгу. К тому же ему послышалось, будто ризничий пришел в гостиницу и они с хозяйкой о чем-то шептались в проходе, за дверями парадного холла. Из их разговора он сумел разобрать всего лишь одну фразу: «Лучше бы Пьер и Бертран заночевали в гостинице», – которая и завершила этот разговор.

Всё это время он не мог побороть в себе нарастающее чувство тревоги, которое волной подкатывалось к нему. – Вероятно, это своего рода ответная реакция нервной системы на такую удачную сделку, – подумал он. В любом случае, чем бы это ни было, он вдруг почувствовал присутствие в комнате кого-то постороннего, и поэтому ему стало гораздо спокойней на душе, когда он сел спиной к стене. Конечно, всё это мелочи, по сравнению с действительной ценностью такого приобретения, ведь, сейчас он был один в своей комнате, перед ним лежал альбом каноника Альберика, который теперь принадлежал ему и только ему, и в него он мог в любой момент заглянуть, если только пожелает взглянуть на чудесную работу древних мастеров.

– Благослови Господь каноника Альберика! – воскликнул Деннисстоун, который имел привычку разговаривать с самим собой и от которой он никак не мог избавиться. – Где он там сейчас? В раю наверно. О, Боже! Хозяйка то, могла бы смеяться и повеселей; а то у меня возникло такое чувство, будто здесь где-то покойник лежит в её гостинице. Ну, так что? Посмотрим еще разок? Я думаю, ты прав. Кстати, что там за распятие мне эта девчонка на шею нацепила? Пристала как – не отделаешься! Прошлый век, похоже, неплохая работа, к тому же. Ну да, конечно. Вот, нужен мне этот хомут на шее! Какое тяжелое! Скорее всего, это распятие её отца, он его раньше носил, да еще к тому же много лет подряд. Я его хорошенько почищу, а потом спрячу куда-нибудь подальше.

Он снял распятие и положил его перед собой на стол. Вдруг, его внимание привлёк какой-то предмет, который лежал на красной скатерти совсем рядом с его локтем. Два или три возможных предположения о том чтобы это могло быть, в мгновение ока промелькнули в его голове.

– Что это? Перочистка? Да, нет. Откуда быть перочистке в гостинице? Может крыса? Да, нет... Что-то, уж, слишком оно черное для крысы. А... вот это что, это огромный паук? Не дай Бог! О, Боже, Великий и Всемогуший! Да это же рука, точно такая же, как и на той картинке в альбоме!

Через какое-то мгновение всё его внимание было сосредоточено на том, что лежало на столе. Он видел перед собой невероятно высохшую костлявую руку, покрытую бледной смуг-

---

ном получить деньги, для чего обманул сирийца, выдав свои пожелания за волю человека Божия. Полученные дары слуга спрятал (4Цар. 4:20–24). Потом Елисей спросил Гиезия, куда тот ходил. Тогда слуга попытался обмануть и его. За это Елисей наказал Гиезия проказой, которой прежде болел Нееман (4Цар. 4:25–27). Последний раз Гиезий упоминается в 8-й главе, когда подтверждает царю (не уточняется какому) чудо, совершившееся по слову Елисея с сыном Сонамитянки (4Цар. 8:4–5).

лой кожей на которой проступали до предела напряженные сухожилия. Грубая черная шерсть, длиннее волос растущих на человеческой руке, покрывала её. Серые, ороговевшие, сморщенные ногти росли из самого основания, загнутые подобно когтям.

Он тут же вскочил со стула, от невероятного ужаса его сердце чуть не остановилось. Очертания того, кто левой рукой опирался на стол, нависали над ним за его стулом. Согнутая крюком рука была поднята над его головой. Тело этого существа в истлевших и изорванных лохмотьях, как и на рисунке, было покрыто грубой шерстью. Видна была костлявая, как у скелета, челюсть. Близкорасположенные клыки, подобные звериным, виднелись за черными губами. Носа не было, глаза горели диким желтым огнем, тем самым создавая сильный контраст с угольно-черными зрачками. Клокочущая ненависть и жажда истреблять жизнь были наиболее сильными эманациями, которые исходили от этого призрака. Чувствовалось, что это существо было наделено разумом, но разумом особого рода. Он был выше рассудка животного, хотя человеческому уступал.

Нависший над ним призрак демона сразу пробудил в душе Денистоуна сильнейшую неприязнь и невероятно глубокое отвращение. Что ему делать? Как быть? Он что-то бормотал, а что сейчас не может вспомнить. Тем не менее, он прекрасно помнит, как судорожно схватился за серебряное распятие, так как чудовище сделало попытку приблизиться к нему. В этот момент он пронзительно завизжал, как визжит раненное животное от жуткой боли.

Пьер и Бертран, двое коренастых парней, работающих при гостинице, вломились в его комнату, в которой они не заметили ничего. Тем не менее, какой-то неведомой силой, которая словно мощный порыв ветра прошла между ними, они были отброшены в сторону. Денистоуна они нашли лежащим без сознания на полу. Эту ночь им пришлось провести с ним, а на следующее утро, в 9 часов, двое его друзей приехали в Сент Бертран. Невероятно потрясенный произошедшим этой ночью, он понемногу начал приходить в себя, при этом, его друзья не хотели верить ни единому его слову до тех пор, пока не увидели тот злоедающий рисунок и не поговорили с ризничим.

На следующее утро, чуть ли не на рассвете, по какому-то делу ризничий зашел в гостиницу. С глубоким интересом он выслушал историю о том, что произошло этой ночью, которую ему рассказала хозяйка гостиницы. Только этот рассказ несколько его не удивил.

– Это он! Это он! Я видел его собственными глазами, – твердил ризничий. Но на все вопросы он отвечал только одно: 'Deux fois je l'ai vu: mille fois je l'ai senti.' ((Два раза я это видел, а тысячу раз чувствовал (перев. с франц.)). Он ничего не рассказал о происхождении этой книги, также не рассказал ничего о том, что ему самому довелось пережить. – Зачем вы терзаете меня? Ведь скоро я уйду на покой, и сон мой будет сладок! – отвечал он.

Летом того же года старик умер, а его дочь вышла замуж и переехала в другое селение, куда-то поближе к Собору Святого Павла. Она так и не смогла понять, почему и откуда на её отца навалилось это бесовское наваждение.

Мы никогда не узнаем о том, имел ли хоть какое-то представление о секрете своего альбома каноник Альберик де Малон. На обратной стороне того демонического рисунка было написано несколько строк на латыни, которые, возможно, сумеют пролить свет на случай, произошедший в Сент Бертрane.

Contradictio Salomonis cum demonio nocturno. Albericus de Mauléone delineavit. V. Deus in adiutorium. Ps. Qui habitat. Sancte Bertrande, demoniorum effugator, intercede pro me miserrimo. Primum uidi nocte 12(mi) Dec. 1694: uidebo mox ultimum. Peccaui et passus sum, plura adhuc passurus. Dec. 29, 1701.

Царь Соломон борется с Демоном Мрака и Ночи. Рисунок Альберика де Малона. «О, Господь, приди на помощь мне. Я твой верный слуга. Святой Бертран, который обращает демонов вспять, помолись за меня я в ужасной беде. Я впервые увидел это чудовище в ночь 12 декабря 1694 г.: скоро оно

придет за мной и настанет мой последний час. Я грешник и от этого я страдаю, и также буду страдать после моей смерти». 29 декабря 1701 г.

В Галлии Христиана²² указывается, что смерть Каноника Альберика наступила 31 декабря 1701 г. Он умер в своей постели от внезапного приступа. Детали подробного рода не часто встретишь в Саммартхани²³.

Я никогда достаточно хорошо не понимал того, как Деннисстоун относится к тому случаю, о котором я рассказал. Однажды он процитировал мне отрывок из Екклесиаста: «Некоторые духи были созданы в наказание, в неистовстве своем нападают они нанося сокрушительные удары». В другой раз и по другому поводу он мне сказал: – Иссайя был очень умный человек, говорил ли он что-нибудь о чудовищах, порождениях тьмы и ночи, обитающих в руинах Вавилона? Эти вещи выше нашего понимания и в наши дни.

Но гораздо больше меня поразило другое его признание, и эти его слова мне как раз по душе. В прошлом году мы опять посетили Коммендж для того, чтобы побывать на могиле покойного каноника Альберика. Его могила – это высокое мраморное сооружение с изваянием каноника в большом парике и сутане, возвышающимся над ней. Под этим изваянием – панегирик, строки из его речей. Я видел, как Деннисстоун разговаривал с викарием Сен-Бертрана, а после того, как мы отправились в обратный путь, он сказал мне: – Ты же знаешь, что я пресвитерианин, но я надеюсь ничего плохого не случится если отпевание за упокой каноника Альберика де Малона отслужить по католической традиции и провести католический похоронный обряд. После чего он добавил, но в его голосе были нотки, свойственные только истинным англичанам, – Вот, уж, никогда не думал, что всё это будет иметь для меня такое значение.

Та книга, которую мой друг Деннисстоун купил у ризничего, теперь хранится в Коллекции Уентворт в Кембридже. Деннисстоун сфотографировал чудовищный рисунок, после чего сжег его сразу после первого своего визита, в тот день, когда он покидал Коммендж.

---

²² Галлия Christiana – шестнадцать больших томов, написанных на латинском языке об истории христианской веры в старой Франции. Эта энциклопедия имела несколько изданий и переизданий, начиная с семнадцатого по девятнадцатый века. Представляет собой подробную историю и гид по всем епархиям и монастырям Франции, содержит в себе биографии архиепископов, епископов, настоятелей и настоятельниц.

²³ Саммартхани (Samarthani) – представляет из себя 4 тома (первый – описывает архиепархии, второй и третий – епархии, третий – аббатства. Вся информация излагается в алфавитном порядке), написанные теологами Чену и Робертом при содействии королевских историографов Братьев Шевале (1571–1650) и Луиза (1571–1656) Сент-Марта (Sainte-Marthe). Является частью Галии Христиана.

Погубленные Сердца

Эта история, если только мне не изменяет память, произошла где-то в сентябре 1811 года. Почтовый дилижанс подъехал к воротам Асворби Холл²⁴, находящегося в самом сердце Линкольншира²⁵. Мальчик, его единственный пассажир, тот час же выпрыгнул из кареты, как только она остановилась. С любопытством уставившись на особняк, он старался рассмотреть его как можно лучше за тот короткий промежуток времени, что пролетает с того мгновения как дернули за веревочку дверного колокольчика до того как откроют входную дверь. Он видел перед собой высокий дом из красного кирпича, построенный с соблюдением всех пропорций во времена царствования Королевы Анны²⁶. Крыльцо, поддерживаемое массивными каменными колоннами, выполненное в безупречном классическом стиле было к нему пристроено в 1790 г. Окна были высокими и узкими, и числа их было не счесть. Массивные деревянные оконные рамы с маленькими форточками были покрашены белой краской. Фронтон²⁷, венчающий фасад здания, пронзало круглое окошечко. Два крыла этого дома – правое и левое, были объединены с центральной частью посредством весьма необычных застекленных галерей поддерживаемых колоннами, соединенными сверху, в центре, горизонтальной балкой. В обоих крылах находились хозяйственные помещения и конюшни. Каждое крыло венчал украшенный орнаментом купол с позолоченным флюгером.

Вечернее солнце озарило здание, заставив маленькие форточки сверкать и переливаться разноцветными огнями под его ласковыми лучами. За домом простирался большой парк, усаженный дубами, а по краям парка росли крепкие и сильные ели, устремляясь своим вершинами высоко в небо. На опушке, в центре парка, находилась часовня, укрытая густыми кронами, её позолоченный флюгер блестел, едва успевая схватить зазевавшийся лучик, пробивающийся сквозь тени деревьев. Часы на башне били ровно шесть, и только порывы ветра приглушали этот мягкий звон. Весь пейзаж оставлял очень приятное впечатление, приправленное небольшим оттенком печали, которая так подобает ранней осени. Свежие впечатления, навеянные вечерним пейзажем, и смутные переживания после долгого пути охватили мальчика, стоявшего на крыльце в ожидании, пока дверь перед ним откроется.

Дилижанс доставил его из Уорикшира²⁸, где, вот уже шесть месяцев как, он стал сиротой.

Теперь, получив приглашение от своего великодушного дальнего родственника, господина Эбни, человека уже довольно пожилого возраста, он приехал жить в Асварби. Со стороны

---

²⁴ Асворби (Aswarby) – деревня, расположенная в графстве Линкольншир, район Северный Кестевен. В действительности, существовал такой особняк, но он не соответствовал тому описанию, которое дает Монтегю Родс Джеймс. Асворби Холл в деревне Аворби в графстве Линкольншир являлся особняком Тюдоров. В 1836 году он был реконструирован, а в 1951 году разрушен. От него остались только входные ворота.

²⁵ Линкольншир (англ. Lincolnshire) – графство на востоке Англии, у берегов Северного моря. Частично входит в состав региона Ист-Мидлендс, частично – в Йоркшир и Хамбер. Столица и крупнейший город – Линкольн. Население – 674 тыс. человек (15-е место среди графств; данные 2004 года).

²⁶ Анна (англ. Anne, 6 февраля 1665 – 1 августа 1714)[1] – королева Англии, Шотландии и Ирландии с 8 марта 1702 года. Первый монарх соединённого Королевства Великобритания (1 мая 1707 года королевства Англия и Шотландия образовали единое суверенное государство). Оставалась королевой Великобритании и Ирландии до своей смерти. Последняя представительница династии Стюартов на английском престоле.

²⁷ Фронтон (фр. fronton, от лат. frons, frontis – лоб, передняя часть стены) – завершение (обычно треугольное, реже – полукруглое) фасада здания, портика, колоннады, ограниченное двумя скатами крыши по бокам и карнизом у основания.

²⁸ Уорикшир (англ. Warwickshire) – церемониальное графство в Великобритании. Графство расположено в центральной части Англии, в регионе Западный Мидленд. Уорикшир граничит с графствами Уэст-Мидлендс, Стаффордшир, Лестершир, Нортгемптоншир, Вустершир, Оксфордшир и Глостершир. Столица графства – город Уорик, крупнейший город – Нанитон. Границы административной территории графства сильно отличаются от исторических. Уорикшир известен как место рождения Уильяма Шекспира (город Стратфорд-на-Эйвоне). Даже в наши времена на знаках на въезде написано «Графство Шекспира». Помимо великого поэта, в графстве родились такие писатели, как Джордж Элиот, Руперт Брук, Майкл Дрейтон. Также Уорикшир известен замками Уорик и Кенилворт – главными достопримечательностями региона.

подобный шаг для господина Эбни выглядел весьма неожиданным. Так как все кто его знал, говорили о нем как о суровом и аскетичном отшельнике, для которого принятие на себя забот, возникающих в связи с переездом к нему на жительство маленького мальчика, несли с собой новые, и как это может показаться, неприятные хлопоты. Только – что правда, то правда, мало кто знал, какой характер был у господина Эбни, как и то чем он занимается. Профессор греческого языка из Кембриджского Университета говорил, что ни один человек в мире не знает больше о языческих религиозных представлениях, существовавших в более древние времена, чем владелец усадьбы в Асварби. Безусловно, в его библиотеке были все существовавшие в то время книги о таинствах и мистике Древнего мира, имеющие отношение к Элевсинским мистериям²⁹, Орфизму³⁰, мистериям Митры³¹, а также там были и работы Неоплатонистов³². В зале, вымощенном мрамором, стоял прекрасный барельеф – «Митра убивающий быка»³³, который за баснословную цену был куплен хозяином особняка и привезен сюда из Леванта³⁴. Он оказывал всяческое содействие тому, чтобы о всех его сокровищах напечатали в «Журнале Джентельмена»³⁵, и написал множество замечательных статей для альманаха «О Музеях по существу», – в которых он рассказывал о религиозных представлениях древних римлян в период падения Римской Империи. Все были просто убеждены в том, что он целиком и полностью ушел в свою работу и погрузился в изучение своих книг. Поэтому его соседи были очень удивлены, когда тот начал наводить справки о Стивене Эллиоте, осиротевшем мальчике,

²⁹ Элевсинские мистерии (елевзинские таинства) (др. – греч. Ἐλευσίνια Μυστήρια) – обряды инициации в культах богинь плодородия Деметры и Персефоны, которые проводились ежегодно в Элевсине (около Афин) в Древней Греции и из всех древнегреческих обрядов считались наиболее важными. Вероучение, обряды, культовые действия держались в тайне от непосвященных, а инициация, как полагали, объединяла человека с богом, вплоть до бессмертия и обладания божественной властью в потустороннем мире.

³⁰ Орфизм – мистическое учение в Древней Греции и Фракии, связанное с именем мифического поэта и певца Орфея. Возникло ориентировочно в VI веке до н. э. – к этому времени относятся первые орфические гимны. По утверждению А. Ф. Лосева, орфизм «никак не моложе Гомера». Учение носило подчеркнуто эзотерический характер, что сближает его с пифагорейством и элевсинскими мистериями.

³¹ Мистерии Митры – мистический религиозный культ, сложившийся вокруг почитания бога Митры, распространившийся в римской армии в I–IV веках н. э. Сторонники культа создали сложную систему посвящения, включавшую семь ступеней инициации и ритуальные трапезы. Они собирались в подземных святилищах, остатки которых в большом количестве сохранились до нашего времени. Особое распространение культ получил в приграничных провинциях империи, среди солдат стоявших там легионов. Информация об этом культе главным образом базируется на интерпретации множества сохранившихся памятников. Наиболее характерны для них изображение Митры, рождающегося из скалы и приносящего в жертву быка.

³² Неоплатонизм – идеалистическое направление античной философии III–VI вв., соединяющее и систематизирующее элементы философии Платона, Аристотеля и восточных учений. Наиболее известным и значительным выразителем идей неоплатонизма является Плотин. Парадигма неоплатонизма сводится к диалектике платоновской триады Единое-Ум-Душа; к концепции ступенчатого удаления-перехода от высшего «единого и всеобщего» к разобщенной материи; к мистически-интуитивному познанию высшего; к освобождению души человека от материальной обремененности, к достижению чистой духовности с помощью аскезы и/или экстаза. Таким образом, неоплатонизм – учение об иерархически устроенном мире, возникающем от запредельного ему первоначала; учение о «восхождении» души к своему истоку; разработка теургии (практических способов единения с Божеством).

³³ Митра убивает быка. Римский барельеф 3 века.

³⁴ Левант (от ср. – франц. *Soleil levant* – «восход солнца»; по-арабски: *ايروس و امشال* аш-Шаам, или Историческая Сирия; на иврите: *כְּנָעַן* Кəנָ'ан, Канаан, Ханаан; по-персидски: *امش* Шумм) – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др.), в более узком смысле – Сирии, Палестины и Ливана. Определения слова Левант разнятся по странам и эпохам, а сам термин первоначально употреблялся в более широком, расплывчатом значении. Левант описывали как «перекресток между Передней Азией, восточным Средиземноморьем и северо-восточной Африкой».

³⁵ *The Gentleman's Magazine* (англ. «Журнал джентельмена») – ежемесячный журнал, созданный Эдуардом Кейвом в Лондоне в январе 1731 года. Первоначально носил название *The Gentleman's Magazine: or, Trader's monthly intelligencer*. Кейв планировал выпустить издание, содержащее новости и комментарии на любую тему – от цен на товары до латинской поэзии, – интересующую образованных читателей. Кейв, который взял псевдоним Сильванус Урбан (англ. *Sylvanus Urban*), стал главным редактором. Он впервые начал использовать английское слово *magazine* («склад») в значении «журнал» (ранее использовалось *journal*). До появления *The Gentleman's Magazine* существовали специализированные журналы, но ни одно не охватывало настолько обширную тематику. Издание, возглавляемое различными редакторами, пользовалось популярностью в XVIII и до середины XIX вв., до закрытия в 1907 году.

приходящемся ему дальним родственником, и более того, решил взять этого мальчика к себе на жительство в Асварби.

Тем не менее, чтобы ни говорили о нем его соседи – было ясно одно, господин Эбни – высокий, худощавый, аскетичный мужчина в полном расцвете жизненных сил, был явно расположен к мальчику и стремился оказать тому сердечный прием. Вследствие чего, лишь только открылась входная дверь, он, будучи вне себя от восторга и при этом потирая руки, вылетел из своего кабинета.

– Добрый день, мой мальчик? Ну, как наши дела? Сколько лет тебе? – сыпал он вопросами, – Я надеюсь, ты не очень устал с дороги и будешь ужинать?

– Спасибо, сэр, но я не голоден, – ответил мальчик.

– Хороший парень, – похвалил господин Эбни. – Так, сколько же тебе лет?

Выглядело немного странным то, что всего за каких-то две минуты, которые прошли с момента их знакомства, он повторил дважды один и тот же вопрос.

– Мне скоро будет двенадцать, сэр, – ответил Стивен.

– Молодец, а когда твой День Рождения? Одиннадцатого сентября?

– Да, да. Очень хорошо. Почти год уже прошел, не так ли? Я хочу – ха-ха, – я хочу записать всё это в мою книгу. Так тебе точно будет двенадцать? Ты уверен?

– Да, точно, сэр.

– Хорошо, хорошо! – В общем так, Паркс, ведите его к миссис Банч, что у вас там на ужин, чай, впрочем, какая разница, покормите его.

– Будет исполнено, сэр, – ответил находящийся рядом Паркс, который проводил мальчика куда было велено.

Из всех, с кем Стивену довелось встретиться в Асворби, миссис Банч была самой доброй. Она сумела заставить его почувствовать себя дома. Менее чем за какие-то четверть часа они стали закадычными друзьями, и их дружба сохранилась на всю жизнь. Миссис Банч была уроженкой здешних мест, и ко дню приезда Стивена в Асворби ей исполнилось 55 лет. В этом особняке она прожила уже двадцать лет. Само собой разумеется, она как никто другой знала дом, усадьбу и все окрестности, хотя, явно была не склонна выбалтывать свои секреты.

Безусловно, в самом доме и в садах вокруг него было очень много интересного, того о чем Стивен, любящий приключения и обладающий пытливым умом, хотел чтобы ему рассказали как можно больше. – Кто построил церковь в конце лавровой аллеи? А кто этот старик на картине, висящей на лестнице, который сидит за столом, а под одной его рукой лежит череп? На эти и подобные им вопросы отвечала ему миссис Банч, чей развитый интеллект обладал всеми необходимыми для этой цели ресурсами. Однако, он задавал и другие вопросы и ответы, которые он получал на них, его устраивали меньше.

Одним ноябрьским вечером Стивен сидел и грелся у огня в комнате домашней прислуги, размышляя об усадьбе и её обитателях.

– А господин Эбни хороший человек? Он попадет в рай? – неожиданно спросил он, со свойственной детям непосредственностью и уверенностью в том, что взрослые способны ответить на все их вопросы, и при этом судить о всем беспристрастно. Ни секунды не сомневаясь, что сказанное ими – является абсолютной правдой, во что нужно без всяких на то сомнений верить.

– Ты спрашиваешь меня хороший ли он человек? Храни тебя Господь, детка! – ответила миссис Банч. – Да господин Эбни добрейший человек, каких сейчас и не встретишь! Я никогда не рассказывала тебе о маленьком мальчике, таком же как ты, которого он подобрал на улице, дай мне Бог не ошибиться, лет семь тому назад? А о маленькой девочке, которую он забрал к себе два года спустя после того, как я поселилась здесь?

– Нет, расскажите мне, пожалуйста, миссис Банч о них, – прямо сейчас!

– Ну, хорошо, – ответила миссис Банч, – о маленькой девочке я многого не расскажу, так как не всё свежо в моей памяти. Я помню, что однажды, возвращаясь с прогулки, господин Эбни привез её с собой. После этого он приказал миссис Эллис, которая тогда была у нас экономкой, позаботиться о ней. Бедное дитя, у ней даже одежды своей не было, – она мне сама об этом рассказывала. Так вот, она прожила у нас, дай Бог не соврать, три недели, наверное так. После чего, может быть, потому что у неё была цыганская кровь или может быть еще по какой-то причине, однажды утром она выпрыгнула из своей кровати, да так, что никто из нас не успел и глазом моргнуть, и исчезла в неизвестном направлении. Не осталось ни следов, ни малейшего указания на то, куда она подевалась. Я до сих пор не могу понять, как так получилось. Господин Эбни очень испугался за неё, он приказал обыскать все пруды. Но, я то точно знаю, и в этом нет никаких сомнений – она ушла к цыганам, потому что я слышала, как они ходили вокруг дома и пели свои песни, как бы зазывая. Это было именно в ту ночь, за час до того как она исчезла. Паркс, тоже говорил, что слышал их голоса в лесу тем вечером. Бедная девочка! Она была такая домашняя! Такая тихая! Такая чудная! Мне так нравилось о ней заботиться.

– А что случилось с мальчиком? – спросил Стивен.

– Ах, несчастный ребенок! – вздохнула миссис Банч. – Он был иностранцем, сам себя он называл Джованни. Одним зимним днем он шел по дороге, играя на своей лютне, а господин Эбни его подобрал. Как раз тогда он расспросил его о том, откуда он, сколько ему лет, куда он направляется и где его родственники. Обо всем, что только нужно узнать. Но с ним произошло то же, что и с той девочкой. Строптивые люди эти иностранцы. Кто его знает, куда он подевался. Однажды утром пропал и все. Для нас это до сих пор остается загадкой. Свою лютню он оставил нам, вон она лежит на полке.

Остаток вечера Стивен провел с миссис Банч, взяв в руки лютню и пытаясь извлечь из неё хоть какую-нибудь мелодию, при этом донимая её вопросами.

В эту ночь ему приснился странный сон. На верхнем этаже дома, в самом конце коридора, там, где находится его спальня, была ванная комната, которой давно уже никто не пользовался. Её всегда держали под замком. Верхняя часть двери была стеклянной, а так как муслиновых занавесок, которые обычно висели на этом окошке, на этот раз почему-то не было, можно было подтянуться вверх и заглянуть туда внутрь. Там, в помещении, по правую сторону стояла оцинкованная ванна, пристроенная к стене, причем её концевая часть (та, где находится сливное отверстие) была направлена к окну.

В ту ночь, о которой я говорю, Стивен, вдруг, неожиданно для самого себя, ощутил, что стоит у двери в ванную комнату и заглядывает в стеклянное окошечко. Сияла луна и её свет пробивался сквозь окна дома, поэтому он сумел разглядеть человеческое тело, лежащее в ванне.

Его рассказ о том, что он увидел, напоминает то, что приходилось видеть мне в знаменитых склепах Церкви Святого Михана³⁶, в Дублине. Этой церкви принадлежит внушающий ужас подвал, в котором хранят мумии тел, обработав их специальным составом, защищающем трупы от разложения на многие сотни лет. Перед Стивеном лежал до невероятности истощен-

---

³⁶ Церковь Святого Михана была возведена в 1686 году на месте церкви викингов, построенной еще в 1096 году. С тех времен внутреннее убранство церкви практически не изменялось. Не очень примечательный фасад данной церкви восполняется роскошным интерьером. Особое внимание следует уделить великолепной резьбе по дереву над хорами. Большой интерес представляет орган 1724 года, на котором играл великий Гендель, а также так называемый "Стул раскаивания", сидя на котором, отягвленные грешники приносили публичное покаяние. На полу у алтаря церкви установлен череп, принадлежащий, как говорят, самому Оливеру Кромвелю. Главная достопримечательность церкви Святого Михана – мощи норманнских рыцарей. Покоящиеся в подвалах храма восьмисотлетние мощи хорошо сохранились благодаря болотному газу, постоянству температуры и особенностям каменной кладки. Среди подвальных достопримечательностей стоит выделить мощи нормана-крестоносца, пролежавшие под церковью Святого Михана свыше 800 лет. Рыцарь был столь высок, что его тело не умещалось в гробу и трупу просто обрубili ноги. На кладбище церкви находится безымянная могила. Считается, что в ней покоятся останки члена общества "Объединенные ирландцы" Роберта Эммета, который возглавил Восстание 1803 года. Также, предполагается, что здесь похоронены руководители Восстания 1798 года братья Генри и Джон Ширы.

ный труп со свинцовой кожей, покрытой каким-то налетом, и с печальным выражением на лице, завернутый в похожий на саван покров. Губы мертвеца скривились в какое-то жалкое подобие вызывающее омерзение улыбки в то время, как руки покойника лежали на груди, сложенные вместе на уровне сердца.

Тут он видит, как слабый, едва слышимый стон срывается с губ покойника и руки начинают двигаться. От ужаса Стивен отпрянул от окна, а потом, придя в себя, ощутил, что он действительно стоит на холодном дощатом полу в коридоре, а всё пространство вокруг него залито лунным светом. С отвагой, которая, на мой взгляд, не свойственна мальчикам его возраста, он приблизился к двери в ванную комнату для того, чтобы снова заглянуть в окошечко и убедиться в том, что этот мертвец, который ему почудился, на самом деле лежит там. Но в ванной никого не было, и после этого он сразу ушел к себе.

На следующее утро после того, как он об этом рассказал миссис Банч, та была настолько потрясена его рассказом, что тут же пошла и заменила муслиновые занавески на стеклянной двери в ванной комнате. За завтраком о своем ночном кошмаре он рассказал господину Эбни, которого этот сон очень заинтересовал, и поэтому тот сделал записи в своей, как он называл её, «книге».

Приближалось время весеннего равноденствия, как об этом часто напоминал мальчику господин Эбни, добавляя при этом, что в древние времена этот период считался очень важным и решающим для молодых. Терзаемый предчувствиями, Стивен очень хотел обезопасить себя и поэтому стал плотно закрывать окно в своей спальне на ночь. На что этот Цензорин³⁷ сделал несколько веских замечаний. За это время произошло два случая, которые произвели глубокое впечатление на Стивена.

Первый эпизод возник после необыкновенно тревожной и тяжелой ночи, которую Стивен с трудом пережил, хотя впоследствии не мог вспомнить ни одного из своих снов, которые, так или иначе, должны были ему этой ночью присниться.

На следующий вечер миссис Банч всё время была занята тем, что чинила его ночную рубашку.

– Боже мой, господин Стивен! – выпалила она с раздражением в голосе, – как это Вы умудрились так порвать вашу ночную рубашку? Вот, смотрите, сэр! Сколько хлопот вы причиняете бедным слугам, которым приходится штопать и чинить вашу одежду!

На ночной рубашке действительно были видны глубокие разрывы и зацепки неизвестного происхождения, которые, без всякого сомнения, требовали много терпения и сил от того, кто брался её починить. Они были видны только на левой стороне груди – длинные разрезы, приблизительно в шесть дюймов, идущие параллельно, некоторые из них не прорывали насквозь ткань, оставляя неповрежденной её структуру. Стивен мог только сказать, что он ничего не знает об их происхождении: хотя был абсолютно уверен в том, что их здесь вчера вечером не было, а появились они ночью.

– Посмотрите, миссис Банч, – сказал он, – на двери в мою спальню такие же царапины, как и разрезы на рубашке. – А к этому, уж точно, я не имею никакого отношения.

Открыв рот, миссис Банч уставилась на эти царапины, потом перевела взгляд на него, затем схватила свечу и быстро выбежала из комнаты. Было слышно её шаги, когда она поднималась вверх по лестнице. Через несколько минут она вернулась.

– Значит так, господин Стивен, сказала она, – мне очень хочется узнать, как эти царапины появились на двери в Вашу опочивальню. Кот или собака их сделать не могли, потому что для них они находятся очень высоко. Крыса их сделать тоже не могла, это само собой понятно. А на что это может быть похоже, так только на китайские когти³⁸, нам о них мой дядя, у которого

---

³⁷ Цензорин (Censorinus) – римский писатель, филолог, теоретик музыки; жил в первой половине III в. н. э.

³⁸ 1) Среди китайцев считается очень почетным иметь длинные ногти. На изображениях у Будды руки всегда завершают

была чайная лавка, рассказывал, когда я и его дочь, моя кузина, были маленькими. Мастер Стивен, мальчик мой, я бы на вашем месте господину Эбни ничего об этом не рассказывала. Я бы, просто, перед тем как лечь спать, запираю дверь на ключ.

– Я так всегда и делаю, миссис Банч, – только прочитаю молитву и сразу запираю дверь.

– Хорошо, молодец, солнышко, всегда так и делай, молись и никто не причинит тебе зла.

Тут миссис Банч вспомнила о том, что ей нужно чинить ночную рубашку и до тех пор, пока не настанет время ложиться спать, провела с иголкой в руках, думая о том какие странные вещи происходят в доме. Всё это случилось в пятницу, в один из мартовских вечеров 1812 года.

На следующий вечер Стивен и миссис Банч были как всегда вдвоем, но после неожиданного прибытия господина Паркса, их дворецкого, который, как правило, старался держаться обособленно и в основном отсиживался у себя в кладовой, их дуэт превратился в трио. Он не заметил присутствия Стивена, и более того, он был в сильном нервном возбуждении, к тому же речь его была не такая размеренная и спокойная как обычно.

– Если хозяин захочет вина, то пусть сам идет в свой винный погреб, – было первое, что он произнес. – А я пойду туда только днем или вообще никогда. Миссис Банч, никак не могу понять, что там такое. Может крысы, а может ветер так завывает в подвале. К тому же я уже не молод, тяжело мне лазить везде по подвалам, как это я проделывал раньше.

– Господин Паркс, вы же знаете это же Холл, ну какие здесь могут быть крысы.

– Я бы не сказал, что они не могут там появиться, миссис Банч. Я много раз собственными ушами слышал, как на судовой расказывали о крысе умеющей говорить³⁹, только я всегда эти разговоры считал глупыми выдумками. Правда, сегодня вечером после того, как я уже опустился до того, что начал подслушивать. Я, приложив ухо к двери самой дальней кладовой, смог отчетливо различить голоса и то, что они говорили.

– Ой, полноте, господин Паркс, всё вы выдумываете! Вот умора! Крысы беседуют в винном погребе! Ах, как интересно!

– Миссис Банч, у меня абсолютно нет никакого желания спорить с Вами. Знаете что, если вы мне не верите, то пойдите к дальней кладовой, приложите там к двери свое ухо и послушайте, вот тогда и узнаете, правду я говорю или нет.

– Какие глупости вы говорите, господин Паркс, – постеснялись бы при детях! Вы же перепугали мастера Стивена до полусмерти.

– Что? Мастер Стивен? – воскликнул господин Паркс, начиная понимать то, что при их разговоре присутствует мальчик. – Мастер Стивен хорошо знает, когда я пытаюсь вас разыгрывать, а когда нет, миссис Банч.

Да, Стивен знал дворецкого и вполне мог сначала подумать, что тот решил подшутить над миссис Банч. Эта история его сильно заинтересовала. Не всё выглядело мило и прелестно, а если и было похоже на шутку, то далеко не совсем. Тем не менее, все его попытки выудить из дворецкого хоть что-нибудь о винном погребе – были безуспешны.

Вот мы и подошли к 24 марта 1812 года. Для Стивена – это был день необычных впечатлений. Ветреным, шумным был этот день. День, который наполнил сад и дом ожиданием чего-то таинственного, непонятного. Когда Стивен стоял у калитки и смотрел в парк он чувствовал,

---

длинные пальцы с длинными ногтями. Поэтому иметь длинные ногти – значит быть в чем то, подобием Будды. Раньше, в Китае, иметь длинные ногти могли позволить себе лишь императоры, приближенная к ним свита, а также люди, которые занимались умственным трудом. Им не нужно было пахать землю и сажать рис. Длинные и ухоженные ногти подчеркивали их отличие от простых людей. Их статус. Они указывали на то, что их владельцы не работают в полях. 2) когти дракона (китайские когти) – выполненные (чаще из металла) приспособления в форме когтей, надеваемые на пальцы рук, также, существует особый вид оружия, который называется «китайские когти», специальные дугообразные ножи, они зажимаются в ладонь, используются для нанесения увечий и ран противнику.

³⁹ Чарльз Дикенс был одним из любимых писателей Монтиегю Родса Джеймса. Здесь мы видим, как он ссылается на произведение Ч. Дикенса «Дьявол и мистер Чипс», в котором корабельный плотник продал душу Дьяволу «за железный чайник и бушель (около 25 кг.) железных гвоздей, да еще в придачу за полтонны медяков и крысу, которая умела говорить».

как ветер проносит над ним бесконечную процессию невидимых людей, несущихся куда-то вдаль, неизвестно куда, без цели. При этом тщетно они пытались остановиться, зацепиться за что-нибудь, что смогло бы задержать их полет и позволить восстановить утраченный контакт с миром живых частью которого они еще совсем недавно были сами.

После ланча господин Эбни сказал:

– Стивен, мальчик мой, ты не мог бы сегодня вечером, к одиннадцати часам, прийти ко мне в кабинет? До этого времени я буду занят, а потом я хотел бы показать тебе то, что имеет отношение к твоему будущему. Это настолько важно для тебя, что тебе обязательно нужно об этом знать. Только миссис Банч или кому-нибудь еще в доме об этом лучше не говорить. Поэтому ты вечером сначала пойдешь к себе в комнату, как ты всегда это делаешь, а потом ко мне.

Стивена охватило волнение. Он с радостью ухватился за представившуюся возможность не спать до одиннадцати часов. В этот вечер, поднимаясь по лестнице, он украдкой заглянул в библиотеку и увидел там жаровню, которую он часто замечал в углу комнаты, перед камином. На столе стоял кубок из позолоченного серебра, наполненный красным вином, рядом с ним лежали несколько исписанных листов. В тот момент, когда Стивен проходил мимо библиотеки, господин Эбни брызнул немного фимиама из серебряной коробки на жаровню, но не заметил того, что мальчик находится рядом.

Ветер стих, наступала спокойная ночь и всходила полная луна. Около десяти часов вечера Стивен стоял у открытого окна своей спальни, обозревая сельский пейзаж. Не смотря на то, что час был поздний таинственные обитатели залитого лунным светом леса, виднеющегося вдали, не собирались уходить на покой. Время от времени странные крики похожие на крики отчаяния, те, которые издают путники, заблудившиеся в лесу, доносились с другого берега болота. Может быть, это было уханьем сов или криками птиц, живущих на болоте, ни на один другой звук они не были похожи. Неужели они приближаются? Теперь эти звуки были слышны уже на этом берегу, а через мгновение начало казаться, что крики раздаются в кустах, растущих близко на опушке леса и аллеях парка. Внезапно они стихли. Стивен уже собирался захлопнуть окно и вернуться к чтению своей любимой книги «Приключения Робинзона Крузо», как заметил две фигуры, стоявшие на покрытой гравием аллее, ведущей от парадного входа особняка в сад. Это были мальчик и девочка. Как ему тогда показалось, они стояли вплотную друг к другу и смотрели, пытаясь заглянуть в окна. Что-то в силуэте девочки ему напомнило то тело, которое ему почудилось в ванне. Он взглянул на мальчика и ужас охватил его.

Девочка стояла не шелохнувшись. Слабая улыбка была на её лице, а руки были сомкнуты на груди, прикрывая область сердца. В то время как мальчик, вернее, его бледный силуэт с черными, как смоль, волосами, одетый в рваные лохмотья вздымал свои руки к небу делая угрожающие жесты, выражающие тоску и неутолимую жажду мести. Лунный свет проходил сквозь его почти прозрачные руки и Стивен видел, что ногти на его руках были невероятно длинные, страшные, похожие на когти, и серебро луны просачивалось сквозь них. Он стоял, воздев руки к небу, тем самым предоставляя для глаз жуткое зрелище. На левой стороне его груди зияла черная дыра. В этот момент Стивен начал улавливать, не с помощью слуха, а где-то глубоко в своем сознании, те самые крики, выражающие непреодолимую тоску и отчаяние, которые он слышал исходящими из леса в Асворби весь этот вечер. Через какое-то мгновение зловещая пара мягко и бесшумно поднялась над аллеей и исчезла из виду, больше он их не видел.

Невероятно испугавшись, он схватил свечу и направился в кабинет господина Эбни. Приближался час, на который ему было назначено прийти. Дверь в кабинет или библиотеку открывалась в холл с одной стороны, и Стивен, испытывая сильный страх, постарался долго здесь не задерживаться. Но войти внутрь было не просто. Дверь была открыта, в этом он был уверен, поскольку ключ, как обычно, был вынут из двери. Он снова постучал в дверь, – в ответ ни

звука. Господин Эбни был занят. Он разговаривал. Но что это? Почему он пытается закричать? Почему его крик захлебывается, так и не вырвавшись из горла? Он тоже видел этих кошмарных привидений, призраков детей? Снова воцарилась тишина. Дверь поддалась после того как её толкнул обезумевший от ужаса Стивен.

* * *

В кабинете, на столе господина Эбни лежали бумаги, способные объяснить Стивену Эллиотту то, в какой ситуации он оказался, но только после того, как тот достигнет возраста, позволяющего понимать подобные вещи. Наиболее важным местом в них было следующее:

«В древние времена среди Великих посвященных, на чью мудрость я, имея определенное понимание сути вещей, которое и побудило меня относиться с доверием к их постулатам, уповаю, существовала методика. Согласно которой, при помощи определенных ритуалов, считающимися варварскими в наши, можно получить величайшее прозрение, а вместе с ним и замечательные духовные и интеллектуальные способности. Так, например, абсорбируя духовную субстанцию своих знакомых и приятелей, индивидуум может получить полное господство и власть над духовным началом, управляющим элементами нашей Вселенной.

Из определенных источников известно, что Симон Волхв⁴⁰ был способен летать по воздуху, становиться невидимым и принимать любой облик, какой он только пожелает при содействии духа мальчика, которого, применим фразу автора «Воспоминания Климентина⁴¹», он умертвил. Я нашел описание этого способа, да еще к тому же с подробными деталями, у Гермеса Трисмегиста⁴². Он утверждает, что успешного результата в обретении магических способностей можно добиться путем поедания сердец не менее чем трех человеческих существ, не достигших возраста 12 лет. Для того, чтобы убедиться на практике в верности данного способа я посвятил, по меньшей мере, двадцать лет своей жизни избрав для себя *corpora vilia*⁴³, то есть тех, кого можно было бы «убрать» не причиняя вреда обществу. Первым моим шагом было умерщвление Фиби Стейнли, девочки цыганского происхождения, которую я лишил жизни 24 марта 1792 года. Вторым был итальянский мальчик из бродяг, его звали Джованни Паоли. Он был умерщвлен мной в ночь 23 марта 1805 года. Третьей, и последней «жертвой», я использую здесь слово несовместимое и противоречащее всем высочайшим порывам моей души, – должен стать один из моих дальних родственников, его имя Стивен Эллиотт. Он должен отдать свою жизнь 24 марта 1812 года.

---

⁴⁰ Симон Волхв (греч. Σίμων ὁ μάγος) – из самарийского местечка Гиттон, современник апостолов, по преданию, основатель существовавшей до III в. гностической секты симониан, или еленгиан (по имени его спутницы Елены). По мнению некоторых древних христианских писателей (Иустин, Ириней, Ипполит, Тертуллиан и пр.), Симон Волхв был родоначальником гностицизма и всех ересей в церкви.

⁴¹ «Климентины» (также «Псевдо-Климентины» или «Клементины») – памятник апокрифической литературы раннего христианства; христианский греческий роман II или III в. н. э., написанный, вероятно, в Сирии и известный в двух версиях, восходящих к какому-то общему источнику. Когда-то приписывался святому Клименту (Клементу Римскому), жившему в I веке. Сочинение представляет собой сравнительное изложение учения иудействовавших христиан и христиан из язычников: автор заметно склоняется на сторону первых. Одна версия существует на греческом языке и носит название: «Беседы (homiliae) Климента Римского» (эту редакцию обычно называют «Гомилии»), вторая – в латинском переводе Руфина (Recognitiones, «Воспоминания» или «Узнавания»). Некоторые их части совпадают дословно, в других обнаруживаются различия в деталях сюжета. Кроме того известны: а) сокращение (epitome) бесед и б) отрывочные фрагменты из «бесед» и «воспоминаний».

⁴² Гермес Трисмегист (греч. Ἑρμῆς ο Τριμέγιστος – «Гермес Триждывеличайший»; лат. Mercurius ter Maximus) – имя синкретического божества, сочетающего в себе черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тота и древнегреческого бога Гермеса. В христианской традиции – автор теософского учения (герметизм), излагаемого в известных под его именем книгах и отдельных отрывках (герметический корпус). В исламской традиции иногда отождествлялся с Идрисом, считавшимся пророком сабиев.

⁴³ Corpora vilia – подопытные животные (лат).

Лучшим способом для достижения необходимого результата является изъятие сердца из тела живого субъекта, сжигание оно и превращение в пепел, после чего пепел, получившийся в результате сгорания трех сердец, должен быть подмешан в пинту красного вина, предпочтительно в портвейн. Во всяком случае, я уверен, что тела первых двух детей хорошо спрятаны, подходящими для этого оказались: не используемая ванная комната, а также винный погреб. Вполне вероятно, могут возникнуть некоторые неприятности с духами мертвых, которых в народе называют привидениями. Но человек философского склада ума и проводящий ритуал надлежащим образом вряд ли будет придавать значение ничтожным попыткам этих существ отомстить за себя. Я с нетерпением предвкушаю то наслаждение, которое дарует мне освобождение и прозрение. Они, в случае удачно проведенного обряда, без всяких сомнений, снизойдут на меня. Причем, это даст мне возможность не только избежать (так называемого) людского правосудия, но и даст возможность отодвинуть свою физическую смерть на весьма долгий срок.

Господин Эбни был найден в своем кресле. Голова его была откинута назад, на лице застыло выражение, в котором смешались дикий гнев, ужас и невыносимая боль. На левой части его груди зияла рваная рана обнажающая сердце. На его руках не было следов крови, а лежащий на столе длинный нож был абсолютно чистым. Вполне вероятно, что эту рану нанес ему дикий лесной кот.

Окно в кабинете было открыто, коронер огласил свою версию причины смерти. По его мнению, господин Эбни был убит каким-то диким животным. Но после того, как Стивен Эллиотт внимательно прочитал записи, отрывок из которых я привел выше, он пришел к другому выводу.

Меццо Тинто

Недавно мне представилась возможность рассказать историю о том, что произошло с одним из моих друзей, которого звали Деннисстоун, во время поисков произведений искусства для нашего музея в Кембридже.

Вплоть до своего возвращения в Англию он не оглашал результаты своей работы публично. Только от своих друзей, и, причем довольно большого их числа, он их скрыть не смог, а вместе с ними о них узнал один влиятельный господин в то время возглавлявший музей искусства в другом Университете⁴⁴. Как и следовало ожидать, этот материал произвел сильное впечатление на человека, чей род занятий и интересы находились в одной плоскости с интересами Деннисстоуна. Само собой разумеется, этот человек захотел узнать как можно больше об источниках, которые в одно мгновение ставили под сомнение тот факт, что ему когда-либо приходилось иметь дело с чем-нибудь настолько значимым. Несомненно, некоторым утешением для него являлось то, что в той организации, членом которой он являлся, ему не давали никаких распоряжений на приобретение древних манускриптов. Этим занималась Библиотека Графа Шелберна⁴⁵. Дирекция этой Библиотеки могла, если им это было необходимо, обшарить самые дальние уголки Европы. В настоящий момент, он был рад тому, что его обязывали ограничить свои стремления расширением и без того признанной непревзойденной коллекции английских тоновых рисунков и гравюр, которой их музей уже владел. При этом, как оказалось, даже такая знакомая вдоль и поперек область имела свои темные уголки, и с одним из таких уголков господин Вильямс неожиданно столкнулся.

Тот, кто хоть немного интересуется гравюрами и тоновым рисунком, знает, что в Лондоне есть человек, способный оказать значительную помощь в его поисках. Господин Дж. В. Бритнелл постоянно публикует превосходные каталоги, в которых представлен большой и постоянно меняющийся ассортимент гравюр, чертежей, старых набросков особняков, церквей, поселков и городков Англии и Уэльса. Эти каталоги для господина Вильямса были, и это вне всякого сомнения, чем-то на подобии азбуки, той, которая должна быть всегда под рукой. Поскольку его музей уже являлся обладателем громадной коллекции гравюр, он был гораздо более заинтересован в системных и хорошо организованных закупках и не столь гнался за количеством. Поэтому он частенько заглядывал в каталоги господина Бритнелла в поисках недостающих сокровищ для того, чтобы заполнить пропуски в своей коллекции, а не охотился за раритетами.

Наконец, в Феврале прошлого года на столе господина Вильямса появился каталог с описанием всех сокровищ из заведения господина Бритнелла с приложенным к нему письмом самого владельца. Письмо это содержало следующее:

Дорогой господин Вильямс,

Мы берем на себя смелость рекомендовать Вам наш каталог № 978, который посылаем вместе с сопроводительным письмом. Мы рады представить его Вам для ознакомления.

Искренне Ваш, Дж. В. Бритнелл

---

⁴⁴ Здесь говорится об Эшмолеанском Музее при Оксфордском Университете. Эшмолеанский музей искусства и археологии (англ. Ashmolean Museum of Art and Archaeology) или Музей Эшмола (Эшмолловский/Эшмолеанский/Ашмолеанский музей) – старейший в мире общедоступный музей. Одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете. Изначально – коллекция редкостей, завещанных университету Элиасом Эшмолом (1677). Нынешнее здание музея возведено в 1841–1845 годах в стиле позднего классицизма (архитектор Ч. Р. Кокерелл).

⁴⁵ Шелберн Петти, Уильям, 2-й граф Шелберн (1737–1805) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании.

В ту же секунду господин Вилльямс схватил в руки присланный ему каталог и на заложённой закладкой странице нашел следующую статью:

978 – Работа неизвестного мастера. Весьма любопытный образец, выполненный манерой «меццо-тинто»⁴⁶: начало столетия, высота 10 дюймов – ширина 15 дюймов, черная рамка, цена – 22 фунта стерлингов.

Особенно интересной эта гравюра ему не показалась, да и цена была слишком высокой. При этом, принимая во внимание тот факт, что господин Бритнелл, который прекрасно знал свое дело и хорошо знал своего постоянного клиента, о ней так лестно отзывался, – господин Вилльямс написал ему ответ на открытке, где просил прислать её для ознакомления вместе с другими гравюрами и рисунками, которые он решил выписать из этого каталога. Затем, даже не мечтая увидеть что-нибудь особенное в посылке после получения заказа, который он только что отправил, он приступил к выполнению своих ежедневных обязанностей.

Любая посылка всегда приходит хотя бы на день позже указанного срока, так же было и с посылкой господина Бритнелля. Ведь говорят – у правила нет исключений. Она пришла в музей с вечерней почтой в субботу. К тому времени господин Вилльямс уже ушел с работы, и посылку в его квартиру при колледже принес смотритель музея, посчитав, что господин Вилльямс вряд ли захочет ждать всё воскресенье, поэтому вернет посылку обратно тут же, если сочтет её содержимое не достойным внимания. Здесь он её и нашел, когда вернулся к себе, собираясь провести вечер в компании своего сослуживца.

Единственной вещью в этой посылке была именно та, довольно большая гравюра, краткое описание которой он прочитал в каталоге господина Бритнелля, выполненная в манере меццо-тинто и помещенная в черную рамку. Следует дать её более подробное описание, хотя я не могу надеяться на то, что вы представите её точно такой – какой увидел её я. В наше время копию этой гравюры вы можете встретить в фойе и холлах старых добрых гостиниц или в прихожих безмятежно дремлющих деревенских особняков. Надо сказать, гравюра эта была довольно посредственная, возможно даже одной из самых худших по сравнению с теми, что существуют в мире. На ней был представлен развернутый в анфас небольшой особняк, построенный в соответствии с традициями прошлого столетия. Прямо на вас смотрят три ряда окон со скользящими рамами в подъемном окне без каких-либо украшений, между ними выступает каменная кладка, к дому ведет дорожка, на углах вазы, а в центре маленький портик. На каждой стороне дорожки – деревья, а перед домом довольно широкий газон. На узком её поле была выгравирована надпись «A. W. F. sculpsit»⁴⁷ и больше ничего. Создавалось впечатление, что это работа не профессионала, а любителя. Какой дьявол подсказал господину Бритнеллю оценить эту халтуру в 22 фунта стерлинга, да и вообще, на основании каких соображений он установил такую высокую цену, для господина Вилльямса было задачей, решить которую в настоящий момент он был не в состоянии. С презрительным выражением на лице он перевернул её. На обратной стороне была прикреплена бумажная этикетка, половина которой была оторвана. Остались только обрывки двух строчек, написанных от руки. В первой строчке были буквы – *ngley Hall*. А во второй – *ssex*.

Вполне вероятно, это поможет определить то место, где находится этот особняк, а сделать это при помощи справочника труда особого не составит. После чего отправить её обратно господину Бритнеллю, да еще пару строчек добавить, чтобы знал, кому всякую заваль посылать.

---

⁴⁶ Меццо-тинто (от итал. *mezzo* – средний, *tinto* – окрашенный; буквально «полутон»), также «чёрная манера» (от фр. *manière noire*), «английская манера» или шабкунст (нем. *Schabkunst* – «искусство скребком») – разновидность тоновой гравюры на металле глубокой печати, в которой изображение создаётся не линиями и штрихами, как в офорте, а плавными тональными переходами. Гравюры меццо-тинто отличаются глубиной и бархатистостью тона, богатством светотеневых оттенков.

⁴⁷ *Sculpsit* (лат.) сокр. *sc.*, *sculps* – выгравировал, исполнил гравюру.

Уже стемнело, он зажег свечи, приготовил чай и пригласил к столу своего коллегу с которым они постоянно играли в гольф (насколько я осведомлен, начальство того Университета о котором я пишу, не отказывало себе в удовольствии приятно проводить часы досуга). Чай послужил прекрасным дополнением к беседе двух заядлых игроков, ведь такую беседу, какую вели они разбирающийся в различных тонкостях писатель никогда не припишет людям не играющим в эту игру.

Они пришли к выводу, что некоторые из их ударов могли бы быть лучше. Также они говорили о том, что в определенные критические моменты игры, единственно, на что приходится надеяться – это на удачу. Случилось так, что его коллега (я буду называть его профессор Бинкс) увидел гравюру в рамке и взял её в руки.

– Что это за место, Вилльямс?

– Вот, именно это я и пытаюсь выяснить, – ответил Вилльямс, подходя к полке на которой лежал справочник. – Переверни её. Не знаю, какой-то «...Холл», то ли Сассекс, то ли Ессекс. Половина надписи оторвана. Видишь? Ты случайно не знаешь, где бы это могло быть?

– А, вот, вижу! Это тебе господин Бритнелл прислал, да? – спросил Бинкс. – Это для нашего музея?

– Да, я хотел её в наш музей отправить. Я бы дал за неё шиллингов пять, не больше – ответил Вилльямс; – Бог его знает, из каких таких соображений он просит за неё две гинеи⁴⁸. Этого я не могу понять. Совсем она никудышная, никакой жизни в ней нет, ни единой нормально нарисованной человеческой фигуры, ни единой чёрточки, способной сделать её хоть немного интереснее.

– Такая работа, уж точно, двух гиней не стоит, – говорит Бинкс. – Хотя, на мой взгляд, не такая уж она и плохая. На ней, как мне кажется, очень хорошо передан лунный свет. И, moreover, я все-таки вижу здесь какие-то фигурки. Или, по крайней мере, одну точно, впереди, на самом краю.

– Дай взгляну, – говорит Вилльямс. – Слушай, действительно, при правильном освещении, когда свет падает под определенным углом. – Так где, ты говоришь, находится эта фигура? – Всё, нашел! Вот она! На самом краю.

И действительно, на самом краю гравюры можно было разглядеть нечто большее чем просто кляксу, – это была голова не то мужчины, не то женщины, очень сильно закутанная во что-то, причем было видно, что человек стоит спиной к тому, кто смотрит на эту гравюру, и взгляд его устремлен на дом. Раньше Вилльямс этого не замечал.

– Ну, и, все равно, пусть даже она немного и лучше, чем мне показалось на первый взгляд, я не могу тратить казенные деньги на какую-то дрянь с изображением места, которое мне не знакомо.

Профессор Бинкс вспомнил, что у него есть еще кое-какие дела и вскоре ушел. Перед тем как идти в столовую Вилльямс предпринял очередную попытку определить место, изображенное на гравюре, которая в результате оказалась тщетной. Он думал: – Если в надписи потеряна только гласная перед удвоенными согласными – ng, мне будет не трудно определить все слово. Нужно выбрать подходящее название из всего промежутка от Гастингли до Лэнгли. Но, кроме них еще очень много названий заканчивающихся точно таким же образом, о чем я даже и не подозревал. Только в этом дурацком справочнике нет списка окончаний.

Ужин в столовой колледжа был в семь часов. Поэтому лучше было не опаздывать. По крайней мере, там его ждали его сослуживцы, которые также как и они с Бинксом, играли в гольф в послеобеденное время, и те фразы, которыми они обменивались сидя за столом, имели отношение только к гольфу. Я постараюсь обо всем рассказать по порядку.

---

⁴⁸ Гиней (англ. guinea) – английская, затем британская золотая монета, имевшая хождение с 1663 по 1813 год. Впервые отчеканена в 1663 году из золота, привезённого из Гвинеи, отсюда и появилось её неофициальное название.

После ужина, я думаю час, а может быть и больше они провели там, что у них было принято называть комнатой отдыха. Позже, ближе к вечеру, Вильямс и несколько его приятелей пошли к нему в его квартиру, там, а это я вам могу сказать с абсолютной точностью, они играли в вист⁴⁹ и курили табак. Во время передышки Вильямс, чтобы хоть как-то позабавить компанию, взял гравюру со стола и передал одному из своих приятелей, которого искусство не особенно и интересовало, при этом он сказал, откуда она у него, не забыв упомянуть и другие подробности, которые нам уже известны.

Этот джентльмен с беспечным видом взял её, посмотрел, а потом говорит, но уже совсем другим тоном, по-видимому, она его заинтересовала:

– А ведь, и на самом деле, очень хорошая гравюра, Вильямс, – она абсолютно точно передает эмоции и чувства романтического периода. На мой взгляд, художнику удалось удивительно тонко подобрать световую гамму. К тому же, и сам рисунок, хотя стоит сказать он немного гротескный, если даже не нелепый, все равно, производит глубокое впечатление.

– Вы действительно так думаете? – спросил Вильямс, который как раз в этот момент был занят. Он готовил виски с содовой для всей компании и был не в состоянии пойти на другой конец комнаты для того, чтобы снова посмотреть на гравюру.

Уже было довольно поздно, и гости начали расходиться по домам. После того, как они ушли, Вильямсу нужно было написать пару писем, сделать некоторую работу и кое-что исправить. Время подошло к полуночи, он уже хотел ложиться спать, зажег ночную свечу и пошел тушить лампу. Гравюра лежала на столе лицевой стороной вверх, точно так, как её оставил последний из тех, кто её смотрел. Когда тушил лампу, он невольно посмотрел на неё. И, от того что он там увидел, он чуть не уронил свечу. Сейчас он говорит, что если бы в тот момент он оказался в абсолютной темноте, он точно свалился бы в обморок. Но, так как, этого не произошло, ему хватило сил дотянуться до стола, поставить на него свечу и опять взглянуть на картину. Несомненно, всё это было до невероятности тяжело, страх овладел его душой, но всё это происходило наяву. В самом центре картины на газоне перед особняком, стиль которого ему определить не удалось, появилось изображение человека, которого в 5 часов вечера там не было. Становилось ясно, что человек этот ползет на четвереньках к дому, он был закутан во что-то черное, в какой-то странный черный плащ, а на спине был виден белый крест.

Я не знаю, как нужно поступать в подобных случаях, я могу только рассказать о том, как себя повел господин Вильямс. Он взял гравюру за края и через весь коридор пронес её в дальние комнаты своих апартаментов. Затем положил её в ящик письменного стола, плотно закрыл дверь, разделяющую его квартиру на две части, и лег в постель. Только перед тем, как лечь спать он сел за стол и записал все необычные перемены, которые произошли на этой гравюре с тех пор, как она попала в его руки.

Сон пришел к нему довольно поздно. Утешением для него служило то, что поведение гравюры не зависит от его собственного восприятия происходящих изменений. Вне всяких сомнений, если бы человек посмотрел на эту гравюру до наступления ночи, то он увидел бы на ней то же самое, что увидел на ней и он. В противном случае у него были все основания предполагать, что с его глазами или рассудком происходят странные вещи, даже и то, что с его психикой приключилось какое-то очень серьезное расстройство. К счастью, вероятность последнего исключалась. Две задачи, которые он поставил перед собой, ждали своего решения на следующий день. Он должен был очень внимательно рассмотреть все малейшие детали этой гравюры, а потом пригласить свидетеля для того, чтобы тот подтвердил его правоту. Кроме того, он должен был определить, какой именно особняк изображен на гравюре. Для этой цели

---

⁴⁹ Вист – командная карточная игра, предшественница бриджа и преферанса. Известна с XVIII века. Вист появился в Англии в XVIII веке в среде посетителей лондонских кофеен. В течение XIX века правила игры развивались и были установлены свои законы, этикет и техника игры. В XX веке уступил свою популярность бриджу.

он собирался пригласить своего соседа Нисбета на завтрак, а затем потратить целое утро на розыски особняка по справочнику.

Нисбет был свободен и пришел в 9.30. Неприятно об этом говорить, но хозяин квартиры еще не успел одеться, чтобы встретить гостя подобающим образом, даже к столь позднему часу. За завтраком господин Вилльямс ни словом не обмолвился о странной гравюре, помалкивал он и о том, что именно из-за неё он его и пригласил. Ему очень хотелось узнать то, что тот увидит на ней, а потом услышать об этом от него. Те, кто знаком с Университетской жизнью не понаслышке, могут представить широкий круг проблем, способный послужить темой для беседы двух приятелей-коллег из Колледжа Кентербери во время милого воскресного завтрака. Не было такого предмета, которого бы они не коснулись – начиная от гольфа до тенниса на траве. Я должен сказать, что господин Вилльямс совсем к тому времени помешался. Он не мог ни о чем больше думать, кроме как о странной гравюре, которая сейчас лежала в комнате за стеной, в ящике его стола картинкой вниз.

Наконец они закурили свои трубки, как и положено по утрам. И вот, настал тот момент, которого Вилльямс так долго ждал. Не будучи способным побороть дрожь, появившуюся в его теле в результате нервного перенапряжения, он помчался в другую комнату, открыл там ящик, вынул гравюру, всё так же лицевой стороной вниз, и в великой спешке вернулся обратно для того, чтобы вручить её в руки Нисбета.

– Теперь, – говорит он. – Нисбет, я хочу, чтобы Вы мне сказали, что именно Вы видите на этой гравюре. Опишите мне буквально всё то, что Вы увидели, если конечно это Вас не затруднит, прямо сейчас. Я скажу потом зачем мне это надо.

– Ну, что ж, – говорит Нисбет, – Передо мной деревенский особняк. Причем особняк английский. Выглядит так, будто всё залито лунным светом.

– Лунный свет? Вы уверены, что это именно лунный свет?

– Абсолютно. Похоже, луна идет на убыль, если Вас, конечно, интересуют детали. А еще я вижу на небе облака.

– Хорошо. Продолжайте. Клянусь, когда я в первый раз смотрел на эту гравюру, никакой луны там и в помине не было.

– Так, что там еще. Больше мне нечего сказать, – продолжал Нисбет. – У дома имеются раз-два-три, три ряда окон, по пять в каждом ряду, за исключением первого этажа, где вместо окна посередине находится крыльцо, и...

– А видите ли Вы фигуры людей? – Спросил Вилльямс с нескрываемым интересом.

– Нет, здесь нет никого, – говорит Нисбет, – хотя...

– Что? Вы не видите фигуры человека на траве перед домом?

– Нет. Не вижу.

– Вы уверены в этом?

– Да, абсолютно. Но я вижу здесь нечто необычное.

– Что?

– Мне кажется, что одно из окон на первом этаже, то, которое слева от двери, открыто.

– Вы в этом уверены? О, Боже! Наверно он уже залез в окно, – с сильным волнением в голосе произнес Вилльямс, и поспешил к софе, на которой сидел Нисбет. Он выхватил гравюру из рук Нисбета для того, чтобы собственными глазами увидеть произошедшие на ней изменения.

Нисбет говорил правду. Ни каких фигур на рисунке не было, а окно действительно было открыто. Минуту Вилльямс простоял в растерянности, будучи не в состоянии произнести ни слова. После чего он пошел в свой кабинет, сел за рабочий стол и быстро записал произошедшие изменения. Затем обратно вернулся к Нисбету с двумя листами и попросил подписать один – тот, на котором были изложено его описание увиденного. Это описание вы уже слышали. Лишь только потом он прочитал свое описание, то которое записал вчерашним вечером.

– Что всё это значит? – спросил Нисбет.

– Всё верно, – сказал Вилльямс. – Я должен сделать одну вещь, – нет, я должен сделать три вещи, вот что я думаю. – Сначала я должен найти Гарвуда – он был последним из тех, кто видел эту картинку. Потом я должен её сфотографировать, пока на ней не начали происходить другие изменения. В завершении всего я должен найти то место, где находится этот особняк.

– Я могу её и сам сфотографировать, – сказал Нисбет, – кстати, я это и сделаю. Только, знаете, всё это выглядит так, будто мы с вами участвуем в какой-то драме. Вопрос в том, развязка уже была или она еще должна произойти? Вы должны найти это место. – Согласен, – сказал Вилльямс, посмотрев на гравюру еще раз. – Думаю, что Вы правы – он залез внутрь. И, если я не ошибаюсь, там, наверху, на самом верхнем этаже, у него будет очень много неприятностей.

– Знаете, я вот что Вам скажу, – сказал Вилльямс. – Я покажу эту гравюру старине Грину (так звали старшего преподавателя в их колледже, который много лет подряд был казначеем в их Университете). Вполне вероятно он знает это место. У нас есть филиалы в Эссексе и Сассексе, он много раз бывал и в том и в другом графстве.

– Очень может быть, он узнает это место, – сказал Нисбет. – Только для начала я её всё-таки сфотографирую. Мне почему-то кажется, что Грина сегодня не будет. Вчерашним вечером его не было в Холле, по-моему, он говорил, что собирается куда-то поехать в воскресенье.

– Да, да, припоминаю, – сказал Вилльямс. – Точно, он собирался в Брайтон. Ну, хорошо, пока Вы её фотографируете – я схожу к Гарвуду и запишу то, что он скажет. А Вы не отрывайте от неё глаз, пока меня здесь не будет. Я уже начинаю думать, что две гиней не так уж и дорого за такую гравюру.

Спустя некоторое время он вернулся и привел с собой Гарвуда. Гарвуд утверждал, что насколько он помнит, фигура человека, которую он видел, была на самом краю картинки, и она не двигалась дальше, то есть, не перелезала через газон. Он помнил, что на одежде этой фигуры было какое-то белое пятнышко, на спине. Правда, он не может с точностью утверждать, что это был крест. Они записали все, что увидели на листке бумаги и подписали документ, а Нисбет принялся фотографировать гравюру.

– А что теперь вы собираетесь делать? – спросил их Гарвуд. – Вы что собираетесь тут весь день сидеть, сложа руки, и смотреть на эту картинку?

– Нет, пожалуй, думаю, что нет, – сказал Вилльямс. – Я горю желанием увидеть всё, что будет на ней происходить. Вы сами свидетели того, что со вчерашнего вечера до сегодняшнего утра на этой картинке произошло многое, но этот человек только залез в дом. Он может также легко сделать там всё что пожелает, и вернуться обратно на свое место. Тот факт, что в настоящий момент окно открыто, я думаю, должен означать то, что он находится внутри. Поэтому я без труда оторвусь от своих наблюдений. Кроме того, пришла мне в голову такая мысль, что в дневные часы ничего особенного с картинкой не произойдет. После обеда мы можем свободно идти гулять, потом у нас чай или еще там что-нибудь, в общем, мы свободны до тех пор, пока не стемнеет. Я свободно могу оставить её здесь на столе и закрыть дверь. Сюда может зайти только мой слуга, и никто больше.

Все трое сошлись на том, что это хороший план. К тому же, если они проведут этот вечер вместе, то вряд ли кто-нибудь из них сможет рассказать об этой гравюре кому-нибудь еще. Поскольку любое, даже самое безобидное упоминание о необычном рисунке и происходящих на нем изменениях было способно перевернуть вверх тормашками всё Оксфордское Фасматологическое Общество⁵⁰.

Мы дадим им передышку до пяти часов.

---

⁵⁰ Оксфордское Фасматологическое Общество – организация, которая занималась изучением паранормальных явлений. Она просуществовала с 1879 по 1885 гг. Было основано Эдвардом Ридли, её организаторами являлись также Ф. Ц. С. Шиллер и Чарльз Оман, который был одним из его четырех президентов, Артур Хедлам, который тоже был его президентом. Общество собирало материалы о духах и привидениях, и других паранормальных явлениях.

Около пяти часов все трое поднимались по лестнице. Они были немного удивлены, когда увидели, что дверь в квартиру Вильямса открыта, но тут же вспомнили о том, что по воскресным дням слуги приходят убирать помещение где-то на час раньше, чем в обычные дни. Тем не менее, их все равно ждал сюрприз. Первое, что они увидели – это гравюру, стоящую на столе и подпертую кипой книг, точно так, как её оставил Вильямс перед уходом, а второе, они увидели слугу Вильямса, сидящего на стуле за столом и с нескрываемым ужасом, смотрящим на картинку не отводя от неё глаз. Как такое могло произойти? Господин Филчер (это имя ему придумал не я) был слугой с хорошей репутацией. Его поведение служило образцом не только для всего обслуживающего персонала в том колледже, в котором он работал, но и для всех колледжей, находящихся по соседству. Даже представить такое было невозможно, что он может сесть за стол своего хозяина или проявить какой-то интерес к его картинам или предметам обстановки. К тому же, тот и сам себя чувствовал как не в своей тарелке. Он дико перепугался и тут же вскочил со стула, когда все трое зашли в комнату. После чего произнес:

– Прошу прощения, сэр, за то, что я позволил себе такую неслыханную наглость – сесть за ваш стол.

– Ничего страшного, Роберт, – прервал его господин Вильямс. – Я как раз собирался спросить Вас, что Вы думаете об этой гравюре.

– Вы знаете, сэр, может быть, вы со мной и не согласитесь, но я бы такую гравюру никогда бы не повесил в той комнате, где бывает моя маленькая дочь, сэр.

– Вы так думаете, Роберт? А почему?

Да, сэр, я так думаю, потому что помню, как однажды она взяла в руки Библию в гравюрах Гюстава Доре⁵¹, ведь даже и половины не посмотрела, а нам пришлось четыре ночи подряд её успокаивать. Уж поверьте мне, сэр, если ей, не дай Бог, ненароком случилось бы увидеть этого скелета, что на этой картинке, или как его там назвать, который тащит бедное дитя, она бы точно в обморок упала. Вы же знаете, сэр, что такое дети, как они впечатлительны, порой самой малости достаточно для того чтобы привести их в полное смятение. Что я скажу Вам об этой гравюре, сэр, на мой взгляд, это совсем не такая картинка, которую можно поставить на видное место, особенно там, куда могут нечаянно войти люди пугливые по своей природе. – Вы что-нибудь будете заказывать на вечер, сэр? – Спасибо, сэр.

С этими словами этот прекрасный слуга, порядочный во всех отношениях, отправился выполнять поручение своего хозяина, и вы можете быть уверены, джентльмены, которых он оставил, не теряя времени, тут же столпились вокруг гравюры и принялись её с интересом рассматривать. Как и раньше, на ней был виден всё тот же дом, а на небе была убывающая луна и по нему плыли облака. Но, если в прошлый раз они видели окно открытым, то сейчас оно было закрыто, при этом, опять перед домом можно было различить какое-то существо похожее на человека, но на этот раз оно не ползло на четвереньках, как прежде. Теперь оно поднялось во весь рост и быстро шагало, делая огромные шаги по направлению к передней части гравюры. Луна светила за его спиной и черная ткань укрывала лицо так, что о существовании его можно было только догадываться, и зрители должны были быть благодарны Богу за то, что они не видели его целиком, а могли разглядеть лишь только его небольшую часть: белый куполообразный лоб и редкие пряди волос. Это существо наклонило голову, в то время, как руки его плотно сжимали что-то, что было очень тяжело разглядеть, это что-то было похоже на ребенка,

---

⁵¹ Поль Гюста́в Доре́ (фр. Paul Gustave Doré; 6 января 1832, Страсбург – 23 января 1883, Париж) – французский гравёр, иллюстратор и живописец. Сотрудничал с российским издательством «Вольф». Библия в гравюрах с библейскими текстами по Синодальному переводу была подготовлена им за период с 1864 по 1866 год. Изящно исполненные гравюры живыми картинками раскрывают перед нашим взором многовековую библейскую историю Ветхого и Нового Заветов: от сотворения мира до Откровения Иоанна. Мы видим образы великих мужей веры, пророков и апостолов, наглядно отображенную историю Израиля и прослеживаем Божий план спасения человечества через Сына Божьего, Иисуса Христа.

но нельзя было разобрать живой он или мертвый. Сквозь одежду можно было без труда различить ноги этого существа, а они были до невероятности худые.

За промежуток времени с пяти до семи вечера все трое друзей по очереди смотрели на эту гравюру. Но на ней ничего не происходило. В конце концов, они решили, что будет лучше оставить её на время, а потом, после ужина в Холле, прийти и наблюдать за дальнейшим развитием событий.

После ужина, как только выдалась минутка, они снова собрались вместе наблюдать за происходящим на гравюре. Гравюра то была на месте, но вот существо это странное куда-то пропало. Дом стоял залитый лунным светом, спокойный и угрюмый. Им ничего больше не оставалось, как весь оставшийся вечер копаться в справочниках и путеводителях. Вильямс оказался удачливей всех и его труд был вознагражден. В 11. 30 вечера он прочел в «Путеводителе по Эссексу» Мюррея⁵² следующее:

16 – 1/2 миль, Эннинггли. Местная церковь архитектурный памятник эпохи Норманнов, но в прошлом столетии она была реконструирована в классическом стиле. На территории церкви расположен склеп семьи Фрэнсис, чей особняк Эннинггли Холл, – превосходное здание эпохи Королевы Анны, находится сразу за церковным садом, в парке, чья площадь составляет около 80 акров. Этой семьи больше не существует, наследник династии исчез при таинственных обстоятельствах в 1802 году, будучи еще младенцем. Его отец – господин Артур Фрэнсис был известен в округе как талантливый гравер – любитель, работающий в стиле меццо-тинто. После исчезновения сына господин Артур жил в полном уединении в своем поместье и был найден мертвым в своей художественной студии на третьем году после того, как произошла трагедия с его сыном. К тому времени он, буквально, только закончил работу над гравюрой, на которой был изображен его особняк. На сегодняшний день эта гравюра признана величайшим произведением искусства и представляет высокую художественную ценность.

Похоже, что на этот раз он попал в самую точку, причем, действительно, после своего возвращения взглянув на эту гравюру, господин Грин узнал в том особняке Эннинггли Холл.

– Господин Грин, а Вы можете нам сказать, что это за фигура? – был естественный вопрос, который сразу же задал Вильямс.

– Понятия не имею, Вильямс. – Но я много чего слышал о том особняке и об этой истории еще до того, как побывал там. Вот, что я знаю. Старик Фрэнсис был до ужаса зол на врагов пытающихся похитить его ребенка, и если вдруг случалось так, что он кого-нибудь начинал подозревать в том, что тот замыслил недоброе, ведь он прекрасно понимал, что его оставят без наследника, он при первой же удобной возможности старался избавиться от него. Таким образом, постепенно, он свел счеты со всеми кого подозревал, кроме одного. В те времена добропорядочные сквайеры могли себе позволить многое, о чем сегодня они даже и мечтать не смеют. Ну, так вот, тот человек, которого он не смог уничтожить был, как это у нас часто говорят, выходцем из очень древнего дворянского рода. Насколько я знаю, в свое время его предки были крупными феодалами. Те же самые сведения о нем я нашел в нашем церковном приходе.

– Это похоже на те события, которые описываются в романе Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»⁵³, – вставил свое слово Вильямс.

---

⁵² Справочники Мюррея для путешественников – путеводители, которые публиковались в Лондоне начиная с 1836 года Джоном Мюрреем. Серии охватывали туристические направления по Европе, некоторых частях Азии и Северной Африки. По словам ученого Джеймса Базарда, стиль Мюррея «служил идеалом для развивающейся туристической индустрии, также как и для британской коммерческой и промышленной организации в целом».

⁵³ «Тэсс из рода д'Эрбервиллей: чистая женщина, правдиво изображенная» (англ. Tess of the d'Urbervilles: A Pure Woman

– Да, да, похоже, Вы правы, Вилльямс, хотя я этой книги и не читал, тем не менее, этот парень мог похвастаться своей родословной. На церковном кладбище есть целая аллея из могил, принадлежащих его предкам, поэтому он так сильно и озлобился. Правда, Фрэнсис никак не мог найти на него управу, потому что тот всегда старался не выходить за рамки закона. Пока, однажды вечером егеря настигли его в роще, что находится на дальнем краю поместья Фрэнсиса, он пытался похитить ребенка. Я могу показать вам то место, оно граничит с землями, некогда принадлежавшими моему дяди. Вы представляете, какая там была драка. Идем дальше. Этот парень, по-моему, его звали Гауди (да, да, вспомнил – Гауди) всё верно. Так вот, этот Гауди застрелил одного из егерей. Бедняга! Как мне его жаль! А Фрэнсису только этого и надо было. Потом был большой суд с присяжными, а вы знаете, какие в те времена были порядки и какие судьи! Приговор был очень строгим. Беднягу Гауди повесили в очень скором времени. Мне показывали то место, где он похоронен, это на северной стороне церкви. Вы же знаете, как у нас заведено: тех, кого повесили, или тех, кто сам наложил на себя руки, хоронят на северной стороне кладбища. Так вот, после того, как этого Гауди повесили, кому-то из его друзей (потому что у того не осталось ни единого родственника, – этакий *spes ultima gentis*⁵⁴), вздумалось пробраться в дом и выкрасть ребенка с целью убить его, чтобы свести с Фрэнсисом счеты, и к тому же, прервать его родовую линию. Не знаю..., может быть, кому-то покажется из ряда вон оскорбительным в этом деле «Эссекского похитителя» предположить, что было бы, если самому Гауди удалось совершить это преступление. Ну, всё! С меня хватит! Не хочу даже и думать об этом. Плесните-ка мне виски, Вилльямс!

Об этой гравюре Вилльямс рассказал Деннисстоуну, а тот, в свою очередь, большой компании в которой находился и я. Вместе со мной в той компании был один саддукей⁵⁵ – он же, профессор офиологии⁵⁶. Мне очень горько признаться, но этот профессор, когда его спросили, что он думает по этому поводу, ответил: – «Ох, уж эти Бриджфордцы⁵⁷! Всё бы им болтать всякую чушь», – тем самым, показав свое отношение, и это было встречено точно так, как этого заслуживало.

Остается только добавить, что теперь эта гравюра находится в Эшмолловском музее искусства и археологии⁵⁸. Она подверглась экспертизе на предмет использования художником при

Faithfully Presented) – роман Томаса Харди, впервые опубликованный в 1891 году. Изначально появился в подвергшейся сильной цензуре и сериализованной версии, опубликованной британской иллюстрированной газетой, The Graphic. Сейчас считается классикой английской литературы, хотя он в своё время получил противоречивые отзывы, шокировав читателей Викторианской эпохи. Исходная рукопись сейчас выставлена на показ в Британской библиотеке, и можно увидеть, что изначально она имела название «Дочь д'Эрбервиллей». В 2006 году роман был включён в список The Big Read, основанный на опросе, проведённом BBC, и получил в нём 26-е место. Эпиграфом к этому произведению служат слова У. Шекспира: «...Бедное поруганное имя! Сердце моё, как ложе приютит тебя».

⁵⁴ *Spes altima gentis* (lat.) – последний образчик семейства.

⁵⁵ Саддукéи (ивр. סַדּוּקִיָּם, ц(е)дуким) – название одной из трёх древнееврейских религиозно-философских школ, возникших в эпоху расцвета династии Маккавеев (ок. 150 г. до н. э.) и просуществовавших вплоть до разрушения иудейского государства римлянами (70 г. н. э.). Эти три направления – саддукеи, фарисеи и ессеи – в основных чертах своих всецело выросли на почве учения Моисея и представляли лишь продукт различного отношения к способу применения его в жизни; но Иосиф Флавий, с целью сделать понимание еврейских сект доступным для своих нееврейских читателей, сравнивает, на основании некоторого внешнего сходства, саддукеев с эпикурейцами, фарисеев – со стоиками, ессеев – с пифагорейцами. Так как ессеи, согласно своему учению, устранились от всякого участия в политической жизни народа, то борьба между остальными двумя школами и резкая противоположность в их взглядах и стремлениях составляет главное содержание исторической жизни еврейского народа за указанный период времени и, в известном отношении, отразилась и на дальнейшей судьбе иудаизма. В перечне 80-ти христианских ересей «Панарионе» (ок. 378 года) саддукеи на 14-м месте и первые среди семи иудейских еретических, с точки зрения христианства, сект.

⁵⁶ Офиология (возм. офидиология) – часть зоологии, трактующая о змеях.

⁵⁷ Уэст-Бриджфорд (англ. West Bridgford) – город в регионе Восточный Мидленд Англии, административный центр церемониального графства Ноттингемшир и района Рашклифф.

⁵⁸ Эшмолловский музей искусства и археологии (англ. Ashmolean Museum of Art and Archaeology) – старейший общедоступный музей в Великобритании. Это одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете. Нынешнее здание музея было возведено в 1841-45 гг. в стиле позднего классицизма (архитектор Ч. Р. Кокерелл). Музей открылся в 1683 г. в компактном здании, спроектированном одним из учеников Кристофера Рена специально для хранения

выполнении рисунка симпатических чернил⁵⁹, правда, безрезультатно. Кстати, господин Бритнелл ничего не знал о свойствах этой гравюры, хотя почему-то был просто уверен в том, что эта работа какая-то особенная. К сожалению, кто бы впоследствии на неё ни смотрел – ничего интересного более заметить так и не смог.

редкостей, завещанных университету Элиасом Эшмоллом (1617-92). Собирал Эшмолловскую коллекцию вовсе не Эшмол, а его товарищ Джон Традескант (1608-52) и отец последнего. В течение 150 лет Эшмолловский музей оставался средоточием оксфордских исследований в области естественных наук, но в XIX веке коллекции были перераспределены между четырьмя оксфордскими музеями. В старое здание въехал Музей истории науки, а собственно Эшмолловский музей был перепрофилирован в сторону археологии и искусства. В новогодний вечер 1999 года из музея было украдено полотно Сезанна. Оно до сих пор не найдено. Эшмолловский музей славится своим собранием древнеегипетского искусства и графики эпохи Возрождения (Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи). В картинной галерее представлены Уччелло, Джорджоне, Рубенс, Рембрандт, Лоррен, Тёрнер, Ренуар и Пикассо. Среди прочих раритетов – Паросский мрамор, скрипка Страдивари «Мессия», собранные Артуром Эвансом (куратор музея в 1884–1908 гг.) древности минойской эпохи, экспозиция старинных колец (одно из них, как считается, навесило профессору Толкину «Властелина колец») и алмаз, якобы принадлежавший королю Альфреду Великому. Музей также располагает богатыми коллекциями старинных монет, средневекового оружия и доспехов.

⁵⁹ Sympathetic ink [ˌsɪmpə ˈθetɪk ɪŋk] симпатические чернила (чернила, используемые для тайнописи).

Ясень

Любой из тех, кому приходилось путешествовать по Восточной Англии, наверняка помнит небольшие сельские домики, которыми напигована вся округа. Такие дома обычно бывают довольно сырыми. Как правило, построены они в итальянском стиле, к тому же, часто вокруг них разбиты земельные участки от восьмидесяти до ста акров. Меня всегда тянуло к таким домам с серыми изгородями из дубовых досок, рядом с ними деревья, горделиво расправившие свои плечи, пруды, в которых дно заросло водорослями и густой непроходимый лес, шелестящий листвой поблизости. Но еще, мне всегда нравились особняки времен королевы Анны, поддерживаемые колоннами и отштукатуренные, с портиками в греческом стиле – такие портики были очень популярны в конце 18 столетия. Потолки в холле такого особняка поднимаются до самой крыши, а внутри к тому же имеется небольшой орган. Мне нравятся библиотеки в таких особняках, в них всегда можно найти что-нибудь интересное, начиная от Псалтыря 13 столетия до маленьких сборников стихов Шекспира. Также мне нравятся и картины, развешанные там по стенам. А больше всего я люблю представлять какой была в таком особняке жизнь, когда его только построили. В те времена, когда высокородные лорды приходили сюда на балы, а не в наше время, когда, даже если у вас и нет большого состояния, развлечений хоть отбавляй и жизнь от этого представляется весьма интересной. Да, я хотел бы иметь такой особняк и иметь достаточно денег, чтобы содержать его и приглашать в него своих друзей на веселые празднества.

Впрочем, я что-то увлекся. Дело в том, что я хотел рассказать вам историю, произошедшую в одном из таких особняков. Я говорю о Кастринггэм Холле⁶⁰ в Суффолке⁶¹. Вполне вероятно, с того момента как вышел этот рассказ в нем уже многое изменилось, но в основном, наверняка, он остался прежним. Всё также сохранился там портик в итальянском стиле, несущий квадратный остов белого дома (внутреннее убранство которого и тогда казалось более древним, чем он выглядел снаружи), парк, граничащий с лесом, и озеро. Но главной достопримечательности, благодаря которой этот особняк всегда можно было отличить от других таких же как он, уже нет. Раньше, если смотреть со стороны парка, то можно было увидеть справа от дома высокий старый ясень, растущий на расстоянии пяти-шести ярдов от стены и почти касающийся её ветвями. Полагаю, он стоял здесь с того самого времени когда Кастринггэм перестал быть военной крепостью а его ров засыпали и построили усадьбу для Елизаветы. Во всяком случае, к 1690 году этот особняк уже, фактически, приобрел тот вид, который известен нам.

В тот год в графстве, где находится Кастринггэм Холл, проходило много судов над ведьмами. Причем, мне кажется, потребуется еще очень много времени, прежде чем мы, просмотрев все имеющиеся материалы, задумаемся над тем, а существовали вообще хоть какие-нибудь причины того, что вызывало всеобщий страх перед ведьмами в Средние Века? Может быть те люди, которых обвиняли в том, что они были ведьмами и колдунами, на самом деле сами себе внушили, что они обладают какими-то сверхъестественными способностями? Впрочем, вполне может быть, они очень хотели, по крайней мере, пусть не обладать таинственной силой, но делать зло своим соседям. Возможно также, что все их признания, которых было очень много, добыты посредством применения жестоких пыток, к которым прибегали охотники на ведьм.

---

⁶⁰ Кастринггэм Холл = это вымысел автора, его местоположение указывается там, где находился дом приходского священника в Грэйт Ливермир. Начиная с 1865 г. по 1909 г. в этом доме проживал сам Монтегю Родс Джеймс, и с этим местом связано действие некоторых из его рассказов.

⁶¹ Суффолк, Саффолк (англ. Suffolk) – церемониальное неметропольное графство на востоке Англии. Входит в состав региона Восточная Англия. Столица и крупнейший город – Ипсуич. Другие крупные города – Лоустофт и Бери-Сент-Эдмундс. Население 709,3 тыс. человек (31-е место среди церемониальных графств и 13-е – среди неметропольных графств; данные 2007 года).

На все эти вопросы, насколько я знаю, ответ еще не найден. Но материалы, имеющиеся у меня, дают мне право самому анализировать и делать выводы. Я не могу всё это сразу и одним махом отбросить прочь, как пустые выдумки и бред. Читатель должен сам составить свое мнение.

Дело было так, однажды в Кастрингэме одну несчастную женщину приговорили к смерти через повешение под торжественное аутодафе⁶². Звали её миссис Мозерсоул, и она отличалась от обычных деревенских ведьм тем, что была намного их богаче и занимала более влиятельное положение в обществе. Несколькими уважаемыми местными землевладельцами были предприняты попытки её спасти. Они сделали всё для того, чтобы оправдать её, и приложили все свои силы к тому, чтобы изменить вердикт присяжных.

Вероятнее всего, роковыми для неё оказались показания тогдашнего владельца Кастрингэм Холла – сэра Мэтью Фелла. Тот под присягой поклялся, что видел её три раза из своего окна, как он утверждал, – «на ясене возле моего дома⁶³». По его показаниям она сидела на ветке дерева одетая только в женскую сорочку и срезала маленькие веточки каким-то странным кривым ножом, а когда она это делала – было видно, что она разговаривает сама с собой. Каждый раз сэр Мэтью делал всё возможное, чтобы поймать эту женщину, но каждый раз её пугали случайные шорохи, которые возникали по его милости. Поэтому, единственное, что ему удавалось увидеть каждый раз, когда он шел в сад её изловить, – это зайца, бежавшего через тропинку по направлению к деревне.

На третью ночь он изо всех сил старался догнать её и бежал до самого дома миссис Мозерсоул. Затем ему пришлось четверть часа стучать в её дверь, прежде чем та вышла очень рассерженная и с виду очень заспанная, как будто только что встала с постели. А он не смог найти никакого оправдания для такого позднего своего визита.

Главным образом на основании этих свидетельских показаний (были и другие, хотя и не такие сногсшибательные и неопровержимые, от других односельчан – прихожан одной церкви), миссис Мозерсоул была признана виновной и приговорена к смерти. Её казнили через неделю после суда в городе Бери-Сент-Эдмундс⁶⁴, а вместе с ней повесили еще пять или шесть других несчастных женщин.

Сэр Меттью Фелл, в то время он был помощником шерифа, сам лично присутствовал при казни. Было тоскливое мартовское утро, моросил мелкий дождь, а телега с приговоренными к смерти тащилась за Северные Ворота на поросший дикой травой холм. Туда, где стояли виселицы. Другие обреченные были вялые и безразличные к своей участи, или же были сломлены пытками, но миссис Мозерсоул была совсем другой, как в жизни, так и перед смертью. Её неистовый гнев, как свидетельствовал в своем отчете о проведенной казни протоколист, оказал настолько сильное влияние на очевидцев, даже на палача, что это послужило неопровержимым

---

⁶² Аутодафе (акт веры) торжественное оглашение приговоров высших судилищ инквизиции в Испании, Португалии и их колониях. Аутодафе означало и приведение в исполнение приговора сожжение осуждённого на костре. Аутодафе появились с началом инквизиции (с 13 в.) как средство борьбы с еретиками. Аутодафе устраивались на главной площади города, присутствовали высшее духовенство, иногда сам король. Особенно часто аутодафе применялись при Торквемаде. На аутодафе было сожжено не менее 30 тыс. чел.

⁶³ Согласно фольклору и мифологии, ясень обладает мистическими свойствами. Так например, ведьмы свои метлы делают из ясеня.

⁶⁴ Бери-Сент-Эдмундс (англ. Bury St Edmunds) – город в Великобритании. Город Бери-Сент-Эдмундс, или Бери, расположен в восточной части Англии, в 60 километрах от побережья Северного моря. Административный центр неметрополитенского района (англ. non-metropolitan district) Сент-Эдмундсбери графства Суффолк региона Восточная Англия. Численность населения составляет 35 015 человек (на 2001 год). Город Бери возник вокруг бенедиктинского аббатства[en], построенного в начале XI века, в котором похоронен восточно-английский король и католический святой Эдмунд Мученик, убитый в 870 году викингами. В Средние века аббатство превратилось в центр паломничества. В 1214 году, в церкви аббатства, во время борьбы за Великую хартию вольностей, собрались бароны Англии, чтобы принести клятву бороться за свои права и свободы с королём Иоанном Безземельным. В XIV веке вокруг аббатства разрастается город, достигший расцвета в XVII–XVIII веках. Источником доходов горожан стало производство и продажа сукон и тканей. Бенедиктинское аббатство было разрушено в XVI веке, во время английской Реформации, развитие же производства тканей в Бери было нарушено прошедшей в конце XVIII – первой половине XIX веков промышленной революцией.

доказательством того, что она является живым воплощением демонической силы в глазах тех, кто видел её. К тому же она не оказывала никакого сопротивления служителям закона. Лишь только смотрела на тех, кто посягнул на её жизнь таким ядовитым змеиным взглядом, что один из присутствующих при казни впоследствии рассказывал – шесть месяцев после этого мысль о ней преследовала его, и он никак не мог от неё отделаться.

При этом, всё, что она, согласно этому протоколу, произнесла, были бессмысленные на первый взгляд слова: – "Будут у вас гости в Холле", которые она полупшепотом повторила несколько раз.

На сэра Мэтью Фелла поведение этой женщины на эшафоте впечатления не произвело никакого. У них по этому поводу состоялся разговор с Викарием их церковного прихода, в компании которого он возвращался домой после казни. Он говорил ему о том, что свои показания в суде он не особенно охотно давал. У него не было мании преследования ведьм, но, как он утверждал впоследствии, он не мог дать никаких других показаний по этому делу кроме тех которые он дал, и что он ни в коем случае не мог ошибиться, рассказывая о том, что видел собственными глазами. Весь этот суд с последующей казнью были ему глубоко отвратительны, потому что он такой человек, которому больше нравится делать добро людям. Тем не менее, он убежден в том, что чувство долга его обязывало поступить именно таким образом, и он всё сделал правильно. Такие мысли терзали душу сэра Мэтью Фелла по дороге домой, а викарий приветствовал подобные откровения, поскольку, как считал он, так на его месте поступил бы любой истинно верующий человек.

После этого события прошло несколько недель. Наконец, когда в мае наступают дни полнлуния викарий и наш достопочтенный сквайр опять встретились в парке. Они вместе шли по дороге, направляясь в Холл. Леди Фелл уехала к своей матери, которая тяжело заболела, и сэр Мэтью остался в доме один. Поэтому для него не представляло особого труда уговорить викария, отца Кроума, зайти к нему на ужин, хотя было уже довольно поздно.

В этот вечер сэр Мэтью был не особенно расположен поддерживать компанию. Главным образом они разговаривали на темы, касающиеся семьи и церковного прихода, к тому же, пользуясь удобным случаем, сэр Мэтью составил для себя в письменной форме памятку, в которой он изложил то, как он собирается обустроить свое поместье и эти записи впоследствии оказались исключительно полезными.

Когда около девяти часов вечера отец Кроум засобирался домой, они вместе с сэром Мэтью решили немного прогуляться по покрытой галькой дорожке, находящейся за домом. Тогда и произошел случай, который произвел очень сильное впечатление на отца Кроума. Они были около ясеня, а он, как я уже говорил, рос рядом с домом, ветвями касаясь его окон, вдруг, сэр Мэтью внимательно посмотрел на дерево и сказал:

– Что это там бежит то вверх, то вниз по стволу? Это случайно не белка? Но белки в это время уже должны спать.

Викарий посмотрел туда и увидел существо, которое копошилось в ветвях, правда, при свете луны он не смог различить какого оно было цвета. Смутные очертания его ему все-таки удалось разглядеть, да и то, всего лишь на одно мгновение. При этом увиденное им глубоко засело в его памяти. Он говорил, что мог бы поклясться в том, что всё это правда, хотя это, впрочем, и похоже на выдумку. Белка там была или нет, но то существо имело больше четырех конечностей.

Кроме этого за такой короткий промежуток времени они ничего не смогли заметить. Спустя некоторое время они расстались. Возможно они встретились бы снова, но судьба распорядилась по-другому.

На следующий день в шесть часов утра сэр Мэтью Фелл не спустился вниз, как он это делал обычно. Не спустился он ни в семь, ни в восемь. Вследствие этого слугам пришлось самим подняться наверх и постучать в дверь его комнаты. Я думаю, нет никакой необходимо-

сти рассказывать о том, с какой тревогой в глазах все слуги этого дома собрались под дверью, прислушиваясь к тому, что происходит в комнате, а потом опять и опять стучали в дверь. В конце концов, они сломали замок, зашли внутрь и нашли своего хозяина мертвым, его окоченевший труп к тому времени уже покрылся красными трупными пятнами. Предположений возникло великое множество, стоит отметить, что после первого осмотра комнаты каких либо признаков борьбы и насилия обнаружить не удалось, но окно в его спальню было открыто.

Одного из слуг послали за священником, а затем, уже по распоряжению священника, другого отправили за коронером. Отец Кроум приехал в Холл сразу, как только смог, и его тут же проводили в ту комнату, где лежал покойник. Среди своих бумаг он оставил записки из которых видно насколько искренне он уважал сэра Мэтью и печалился о его кончине, там также был и отрывок, который я скопировал, поскольку он должен помочь понять то, что в действительности произошло, а кроме этого способен рассказать о том какие суеверия существовали в то время в обществе: – «Каких-либо следов преступного проникновения в дом или признаков борьбы в комнате обнаружено не было, но оконная створка была открыта, впрочем, мой несчастный друг в такую погоду всегда оставлял окно открытым. Он обычно выпивал свой вечерний эль из серебряного кубка вместимостью около пинты, а в этот вечер он из него не пил. Этот эль был тщательно проверен врачом из того же города, Бери-Сент-Эдмунс, господином Ходжкинсом, который, как бы там ни было, не смог, как он впоследствии заявил под присягой в присутствии коронера, определить наличия в нем хоть малейшей дозы отравляющего вещества. После того, как был засвидетельствован отек мягких тканей и появление трупных пятен, свойственных в случаях отравления, был проведен допрос всех, кто проживал рядом с умершим и по этой причине становился подозреваемым в убийстве. Тело, которое лежало на постели, выглядело до такой степени спазмированным и скрученным страшными конвульсиями, что возникало единственное предположение о том что мой дорогой Друг и Покровитель отошел в Мир Иной в страшнейших муках, сопровождаемых жуткой агонией. Всеми фибрами своей души, где-то на уровне подсознания я чувствую, что должно существовать доказательство тому, что это ужасное, варварское преступление было совершено злоумышленниками по заранее разработанному плану – я это знаю. Потому что женщины, которым было поручено омовение и одевание трупа, обе очень известные и уважаемые на своем скорбном поприще, пришли ко мне испытывая Великую Боль и Душевное Смятение. При этом они обе, находясь в абсолютном телесном и душевном здравии, заявили, что после того, как они осмотрели тело покойного, они не сразу принялись за работу. Лишь только после того, как они его раздели и прикоснулись руками к его груди, они почувствовали какую-то странную боль и покалывание в ладонях, а потом их руки до самых предплечий на непродолжительное время заметно опухли, причем, болезненность в них оставалась надолго. В результате, как потом выяснилось, в течение нескольких недель они были не способны выполнять свою работу, хотя на коже их не осталось никаких следов.

Услышав это, я тут же послал за врачом, который всё еще находился в этом доме, после чего мы провели тщательный осмотр кожи той самой части тела, настолько тщательный – насколько это могло позволить небольшое увеличительное стекло из горного хрусталя. Но этот инструмент нам не дал возможности обнаружить ничего кроме пары маленьких проколов, похожих на укол шипом, которые, как мы потом догадались, были отверстиями через которые яд ввели в тело. Тут мы вспомнили о перстне папы Борджиа⁶⁵ и о других случаях применения ужасного искусства итальянских отравителей в прошлом столетии.

---

⁶⁵ Александр VI (лат. Alexander PP. VI; до интронизации – Родриго Борджиа (в итальянском произношении) (кат. Roderic de Borja i Borja, исп. Rodrigo de Borja y Borja, итал. Rodrigo Borgia); 1 января 1431 года, Шатива, Королевство Арагон – 18 августа 1503 года, Рим) – Папа Римский с 11 августа 1492 года по 18 августа 1503 года. Второй Папа Римский из испанского рода Борджиа (Борха). Значительно расширил пределы контролируемых папой территорий Папской области, превратив её в централизованное государство. Защита светских интересов папства, возвышение его собственной родни и расширение сети

Так много было сказано о следах, которые были обнаружены на теле покойного. В отношении этого я хотел бы добавить, что всё это мои личные наблюдения, которые должны дойти до последующих поколений, чтобы те могли сами определить представляют они какую-либо ценность или нет. На столике стоявшем возле кровати лежала небольшого размера библия, которую мой друг, вплоть до дня своей смерти, всегда открывал по ночам, и утром, когда просыпался, для того чтобы прочесть из неё какую-нибудь строчку, и то место он затем отмечал закладкой. Взяв её в руки, я не мог не проронить слезу, вспоминая о нем, и эти пропитанные скорбью воспоминания от этой скромной копии Книги Книг перенесли меня к мыслям о её Великом Оригине. Так всегда в моменты отчаяния мы готовы идти на едва мерцающий лучик, который нам обещает то, что яркий свет ждет нас впереди. Я попытался гадать по Библии, используя старый и многим известный способ, открывая наугад первые попавшиеся страницы. О возникновении этого метода и его применении сейчас много говорят и пишут в своих трудах его Величество Король Карл 1⁶⁶, да хранит его Господь, и господин Виконт Фолклэнд.⁶⁷ Я должен признаться, что эта моя попытка не особенно мне помогла. И еще, для того, чтобы суметь понять причину произошедшего я записал полученные результаты на тот случай, что возможно они смогут указать на действительное происхождение злой силы совершившей это преступление более развитому интеллекту и уму, который сильнее чем мой.

Затем я три раза гадал открывая книгу и ставя палец на слова: в первом случае я получил три слова в Евангелии от Луки XIII. 7 глава, – «Победи это»; во втором из стиха XIII в Книге пророка Исаии. 20 глава, – «Это место никогда не будет обитаемо»: а в третий раз, в Книге Иова, стих XXXIX. 30 глава, – «Её потомство тоже пьет кровь».

Это всё, что требовалось привести из записок отца Кроума. Сэр Мэтью был положен в гроб и похоронен, надгробное слово было сказано над ним на следующее воскресенье самим отцом Кроумом. После чего была напечатана статья под заголовком «Пути Неисповедимые; о том, что угрожает Англии или злые козни Антихриста». Викарий, также как и большинство

ваатиканской дипломатии являлись для него более насущными интересами, чем реформа Церкви и сохранение её морального авторитета. С вероуверительной точки зрения, он, как и другие папы эпохи Ренессанса, был консерватором и заботился об искоренении ересей. Вообще, так уж получилось, что сама фамилия Борджиа сейчас ассоциируется с одними убийцами и отравителями. Вспомним знаменитые перстни Борджиа – предмет вожделения и страсти коллекционеров. Эти ювелирные шедевры времен Ренессанса пользуются такой же мрачной славой, как и их владельцы. Сын папы Александра VI, знаменитый своей храбростью и жестокостью Чезаре Борджиа, носил перстень с огромным рубином под названием «Пламя Борджиа» и утверждал, что камень этот не раз спасал ему жизнь – видимо, потому, что под камнем находился потайной резервуар с ядом, который он и подсыпал в бокал с вином тому, кто осмеливался покуситься на жизнь хозяина перстня. Перстни, кольца, кулоны, эгреты эпохи Борджиа – не просто выдающиеся ювелирные изделия, часто это контейнеры для смертельных ядов, возбуждающих или одурманивающих веществ. Однако было бы несправедливо считать заказчиком этих смертоносных украшений только папу Александра VI Борджиа и его сына Чезаре. Любила такие игрушки и зловещая отравительница Екатерина Медичи, и герцоги д'Эсте, и клан Сфорца, и многие другие тираны, папы, кондотьеры, князья. Кстати, многие из исторических преемников Борджиа старались любыми путями добыть именно их перстни «с секретом». Что ж, видимо, и тогда была важна известность бренда. Эти драгоценные игрушки были редкостью и возбуждали не только страх, но и интерес, стремление к обладанию «полезным» украшением.

⁶⁶ Карл I (англ. Charles I of England; 19 (29) ноября 1600 – 30 января (9 февраля) 1649, Лондон) – король Англии, Шотландии и Ирландии с 27 марта 1625 года. Из династии Стюартов. Его политика абсолютизма и церковные реформы вызвали восстания в Шотландии и Ирландии и Английскую революцию. В ходе гражданских войн Карл I потерпел поражение, был предан суду парламента и казнён 30 января 1649 года в Лондоне.

⁶⁷ Титул виконта Фолклэнда был создан 10 ноября 1620 года для сэра Генри Кэри (ок. 1575–1633), который на самом деле был англичанином и не имел никакого отношения к Шотландии. Вместе с виконтством он получил титул лорда Кэри (Пэрство Шотландии). Он был членом Палаты общин от Хертфордшира (1601–1622) и заместителем наместника Ирландии (1622–1629). Его сын и преемник, Луциус Кэри, 2-й виконт Фолклэнд (1610–1643), был видным государственным деятелем. Он был членом Палаты общин от Ньюпорта на острове Уайт (1640–1642) и лорда-хранителя Малой печати (1643). Младший сын последнего, Генри Кэри, 4-й виконт Фолклэнд (1634–1663), сменивший своего старшего брата, был членом Палаты общин Англии от Арундела (1660) и Оксфорда (1660–1661), а также служил лордом-лейтенантом графства Оксфордшир (1660–1663). Его сын, Энтони Кэри, 5-й виконт Фолклэнд (1656–1694), представлял несколько округов в Палате общин Англии и занимал должность Первого лорда Адмиралтейства (1693–1694). В его честь были названы Фолклэндские острова в южной Атлантике.

земляков сэра Мэтью были убеждены в том, что почтенный сквайр стал очередной жертвой папистского заговора⁶⁸.

Его сын, Сэр Мэтью Второй, унаследовал имя отца и его имение. На этом закончилось первое действие Кастрингэмской трагедии. Стоит сказать о том, скорее всего это никого не удивит, что новый баронет не стал жить в той комнате, в которой умер его отец. К тому же в этой комнате никогда не останавливался ни один из гостей во время своего пребывания в этом доме. Он умер в 1735 году, и я не могу сказать, что его управление своим имением было отмечено каким-либо знаменательным событием. За исключением, правда, одного. Неизвестно по какой причине выросла смертность среди скота и прочей живности. Причем, по прошествии некоторого времени, была отмечена тенденция к её постепенному росту.

Те, кого интересуют подробности, могут обратиться к статистическому отчету напечатанному в форме письма в журнале «Джентльмен'с Мэгэзин» 1772 года, в котором приводятся факты из личной документации баронета. Он нашел очень простой способ, который помог положить конец этому бедствию, став запирает всю свою живность в стойле и сараях на ночь, и убрав всех овец со двора. Так как он заметил, что никто так не гибнет в хлеву, как овцы по ночам. После этого мору пришлось удовлетвориться только дикими птицами и зверями в лесу. Тем не менее, поскольку у нас нет никаких данных о симптомах этой болезни, то даже при том условии, что мне придется сидеть и ломать голову над этим всю ночь напролет, это все равно не даст нам никакого ключа к разгадке. Поэтому я не буду сейчас сосредоточивать свое внимание на точном определении того заболевания, которое суффолкские фермеры называли «Кастрингэмская падучая».

Как я уже говорил, сын сэра Мэтью умер в 1735 году, и по закону все права на титул и имение унаследовал его сын, сэр Ричард. Это при его жизни на северной стороне приходской церкви было отведено место для захоронения членов его семьи. Идеи, которыми руководствовался молодой сквайр, были настолько глобальны, что пришлось убрать несколько могил находящихся на неосвященной стороне церкви для того, чтобы удовлетворить его требования. Среди них оказалась и могила госпожи Мозерсоул, расположение которой было точно известно из имевшейся записи в плане церкви и внутреннего двора, которая была сделана отцом Кроумом.

Различные пересуды пошли по деревне, когда стало известно, что будет произведена эксгумация тела известной ведьмы, которую еще до сих пор помнил кое-кто из жителей. Причем чувство удивления и неподдельной тревоги охватило всех после того как выяснилось, что гроб, в котором она должна была лежать, до сего дня никто не открывал, но тела внутри не оказалось – ни костей, ни праха. Действительно, весьма любопытный случай, так как в те времена, когда её хоронили, на такое могли пойти разве только похитители трупов, так называемые «воскрешатели»⁶⁹, поскольку другого, в какой-либо степени разумного объяснения мотивов похищения тела покойника, кроме как для нужд прозекторской сложно предположить.

---

⁶⁸ Папистский заговор – никогда не существовавший в реальности заговор, история о котором была придумана и сфабрикована Тайтусом (Титом) Оутсом и привела к антикатолической истерии, охватившей Англию, Уэльс и Шотландию в период с 1678 по 1681 годы. Оутс утверждал, что существует крупный заговор католиков с целью убийства короля Карла II. В результате как минимум 15 человек были преданы смертной казни по ложному обвинению. Однако в конце концов ложность обвинений Оутса вскрылась, что привело к его аресту и последующему осуждению за лжесвидетельство.

⁶⁹ **Похитители трупов** (англ. *resurrectionists*, букв. «воскрешатели»; также *body snatchers*, букв. «похитители тел») – лица, занимавшиеся в Великобритании XVIII–XIX веков извлечением из могил тел недавно умерших и передачей их учёным для анатомических исследований. Между 1506 и 1752 годами в распоряжении анатомов ежегодно оказывалось лишь небольшое количество трупного материала. Положение улучшилось, когда, стремясь усилить сдерживающий эффект смертной казни, британский парламент принял Акт об убийстве (1752)[en]. Новый закон позволил судьям заменять публичный показ тел мёртвых или умирающих казнённых преступников препарированием (традиционно распенивавшимся как «ужасная» посмертная участь), после чего количество трупов, к которым анатомы могли получить доступ на законных основаниях, значительно увеличилось. Этого, однако, оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить потребности множества больниц и учебных центров, открывшихся в Великобритании в XVIII веке. Трупы и их части стали товаром – и хотя деятельность грабителей могил

Этот случай сразу оживил в памяти все рассказы о судах над ведьмами и кознях ведьм, о которых никто уже не вспоминал около сорока лет, и поэтому, хотя приказ сэра Ричарда сжечь этот гроб был встречен обществом как довольно сумасбродный, был он должным образом выполнен.

Сэр Ричард определенно страдал манией рационализаторства. До того, как он стал полноправным владельцем Кастринг Холла – это был прекрасный особняк, выложенный из приятного для глаз красного кирпича. Но, лишь только сэр Ричард побывал в Италии, где заразился любовью ко всему итальянскому (к тому же имея больше денег, чем его предшественники), как тут же задался целью переделать доставшийся ему в наследство английский дом в итальянский дворец. Так что кирпич спрятали под тесанным камнем и штукатуркой. Каким-то далеко не лучшего качества итальянским мрамором облицевали вестибюль и дорожки в оранжереях. После чего, на противоположном берегу пруда построили точную копию храма Сивиллы⁷⁰ в Тиволи⁷¹. Благодаря этим новшествам Кастрингэм приобрел абсолютно другой и, позвольте мне отметить, менее привлекательный вид. Не смотря на это все им восхищались, он служил образцом на который ориентировалось большинство соседей из мелкопоместной знати на протяжении многих лет.

Одним ненастным утром (это было в 1754 году), сэр Ричард встал с постели, промучившись долгую ночь. Дул сильный ветер и труба над его домом коптила, к тому же еще было очень холодно, поэтому ему приходилось подбрасывать дрова в камин. Что-то постоянно стучалось об окно, да так что никто в доме не мог найти покоя. В этот день он ждал гостей – все они были знатными людьми, которым непременно захочется игр и развлечений, только вот приступы хандры и дурного настроения, которые случались у него во время игры в последнее время стали настолько частыми, что он начал опасаться за свою репутацию радушного и гостеприимного хозяина. Во всяком случае, то, что его действительно беспокоило (со всей уверенностью можно сказать это и была еще одна из причин того, почему он очень плохо спал в эту ночь), так это то, что ему вдруг начало становиться невыносимо тяжело в этой комнате. И до того тяжело и мучительно становилось на душе, что он не мог в ней больше находиться.

Это была главной темой для размышлений за завтраком. А после завтрака он начал обход комнат своего дома, желая подобрать для себя наиболее подходящую, ту, которая устроила бы его по всем параметрам. Много времени он потратил на осмотр, прежде чем нашел одну такую. В ней было одно окно, которое выходило на восток, и другое, которое выходило на север. Да только вот беда, мимо её двери всегда ходили слуги, и к тому же ему не понравилось то, как в ней была поставлена кровать. Нет, ему нужна комната с видом на запад, такая чтобы солнце не будило его своими лучами рано поутру, и в то же время она должна быть в стороне, чтобы вся суета, происходящая в доме, не мешала ему отдыхать. Его экономка уже и не знала что и придумать.

– Сэр Ричард, – сказала она, – знаете что, в этом доме есть такая комната.

– И что это за комната? – спросил сэр Ричард.

– Это комната сэра Мэтью, та самая «Западная Комната».

вызывала негодование у широкой общественности, в юридическом смысле тела умерших не являлись ничьей собственностью. Таким образом, похитители трупов действовали в правовой серой зоне[en].

⁷⁰ Храм Тибуртинской сивиллы расположен в парке Вилла Грегориана, рядом с Храмом Весты. Это один из самых известных античных памятников Тиволи, хоть и значительно уступает по живописности соседу. Он был возведен еще в римские времена в честь знаменитой прорицательницы, Тибуртинской сивиллы, жившей здесь. Строение возвышается на искусственном холме, над пропастью и водопадами реки Аньене. От храма сегодня остался прямоугольный остов и две ионические колонны. Внутри здания размерами 16 на 9 метров были росписи, но они не сохранились. В храме долгое время существовала христианская церковь Святого Георгия.

⁷¹ Тиволи (итал. Tivoli) – город в итальянской области Лацио (провинция Рим), на реке Анио, в 24 км к северо-востоку от Рима. Около 57 тыс. жителей. Главные достопримечательности: древнеримская вилла Адриана, замок папы Пия II (1458–1461), знаменитые вилла д'Эсте (XVI век) и Григорианская вилла (XIX век). Покровителями города почитаются святые Лаврентий и Симфороза, празднование 10 августа

– Ну что ж, постелите мне там и уже сегодня я буду спать в ней, – сказал хозяин. – Впрочем, да, а почему бы и нет? Я хочу спать в той комнате, – сказал он и прибавил ходу.

– Ой, сэр Ричард, в этой комнате никто уже сорок лет как не спал. Там даже ни разу не проветривали после смерти сэра Мэтью. – Отвечала она, пытаясь поспеть за ним, при этом шурша своей юбкой.

– Миссис Чиддок, пойдемте, откроете мне дверь. Я хоть взгляну, что там за комната.

Комнату открыли. Правда, воздух в ней действительно был тяжелый. Сэр Ричард подошел к окну и с раздражением, так свойственным ему, движением руки раздвинул жалюзи и распахнул окно. С этой стороны рядом с домом находился единственный объект, который оказался почти не задет произошедшими в имении переменами. Это был ясень, который, не смотря на свои громадные размеры, почти всегда оставался в стороне от посторонних глаз.

– Проветрите её, миссис Чиддок, проветривайте весь день, а потом, после обеда, перенесите сюда мою постель. Да, вот еще, епископа из Килмора⁷² поселите в ту комнату, где я жил раньше.

– Извините, сэр Ричард, – произнес незнакомый голос, прервав их разговор, – не могли бы Вы уделить мне немного времени?

Сэр Ричард обернулся, и увидел на пороге комнаты мужчину в черном, который кивнул ему головой в знак приветствия.

– Сэр Ричард, я прошу меня извинить за то, что я столь бесцеремонно прервал ваш разговор. Вряд ли, думаю, Вы меня знаете. Меня зовут Вильям Кроум, мой отец был викарием в те времена, когда еще был жив Ваш отец.

– Очень рад Вас видеть, – сказал сэр Ричард, – имя Кроум всегда было уважаемо и почитаемо в Кастрингэме. Очень хотелось бы поддержать дружбу между нашими семьями, которая длится уже на протяжении двух поколений. Чем могу быть полезным? Если судить по времени вашего визита, у вас ко мне что-то срочное?

– Да, это действительно так, сэр. Я еду из Нориджа⁷³ в Бери-Сент-Эдмундс⁷⁴ со всей той поспешностью, на которую только способен, а к Вам я заехал по пути для того, чтобы отдать

---

⁷² Килмор (англ. Kilmore; ирл. An Chill Mhór, «большая церковь», из-за постройки рядом с кельей Фелима) – деревня в Ирландии, находится в графстве Уэксфорд (провинция Ленстер).

⁷³ Норидж (англ. Norwich) – город на реке Уэнсум в Восточной Англии, расположенный приблизительно в 161 км к северо-востоку от Лондона. Является региональным административным центром Восточной Англии и главным городом графства Норфолк. В период от средневековья до промышленной революции Норидж был крупнейшим городом Англии после Лондона, а также одним из наиболее важных. Нет никаких данных о том, что территория города была населена до вторжения саксов, которые в VII веке основали село *Norðwic* («северное поселение»), разорённое датчанами в 1004 году. Первая городская хартия относится к 1158 году. В Средние века Норидж был одним из самых процветающих городов провинциальной Англии, наряду с Бристолем и Йорком. В городе и его окрестностях действовало множество шерстепрядилен, работали на которых фламандцы, приехавшие в Норфолк по приглашению короля Эдуарда III в 1336 году. Приток эмигрантов из Испанских Нидерландов усилился во время Нидерландской революции, так что к 1579 году из 16-тысячного населения Нориджа каждый третий был иностранцем. Памятниками экономического благополучия тех лет являются многочисленные старинные церкви (их сохранилось не менее тридцати) и Нориджская ратуша, построенная в XV веке по образцу аналогичных сооружений во Фландрии. Нориджский собор Троицы начал строиться вскоре после Норманского завоевания, о чём свидетельствует архитектура апсиды и нефа, весьма близкая романским храмам Северной Франции. Просторная аркада-клуатр (одна из самых больших в стране) и каменный шпиль XV века (один из самых высоких в Англии, высота 96 м) – характерные образцы готического зодчества. В Нориджском замке XII века помещается собрание местного музея, особенно богатое полотнами художников нориджской школы пейзажистов (начало XIX века). Значение города пошатнулось в XVIII веке в связи с экономическим подъёмом Манчестера, Глазго и других промышленных центров на севере страны. В настоящее время в Норидже развита преимущественно обувная промышленность. В 1964 году был учреждён Университет Восточной Англии. Из культурных учреждений в Норидже имеется небольшой театр.

⁷⁴ Бери-Сент-Эдмундс (англ. Bury St Edmunds) – город в Великобритании. Город Бери-Сент-Эдмундс, или Бери, расположен в восточной части Англии, в 60 километрах от побережья Северного моря. Административный центр неметрополитенского района (англ. non-metropolitan district) Сент-Эдмундсбери графства Суффолк региона Восточная Англия. Численность населения составляет 35 015 человек (на 2001 год). Город Бери возник вокруг бенедиктинского аббатства, построенного в начале XI века, в котором похоронен восточно-английский король и католический святой Эдмунд Мученик, убитый в 870 году викингами. В Средние века аббатство превратилось в центр паломничества. В 1214 году, в церкви аббатства, во время

эти документы, на которые мы наткнулись, когда разбирали бумаги, оставшиеся после смерти моего дедушки. По-моему, в них есть что-то из того, что касается Вашей семьи.

– Премного благодарен Вам, господин Кроум. И буду весьма польщен, если Вы согласитесь пройти со мной в гостиную и выпить там по бокалу вина, а потом мы с Вами посмотрим их вместе. А вы миссис Чиддок, как я уже говорил, проветрите комнату. Да, именно в этой комнате умер мой дедушка! Похоже, что этот ясень делает её немного сыроватой и темной. Нет, нет, я не хочу ничего больше слушать. Прошу вас, не перечьте мне. Я вам дал задание? Всё. Выполняйте. Итак, господин Кроум, вы принимаете мое предложение?

Они пошли в кабинет. Должен сказать, тот пакет, который молодой господин Кроум привез с собой, был такой увесистый, что можно было подумать будто он, изучив его собирается поступить в Клэр Холл⁷⁵. К тому же он еще привез с собой огромный том Полиэна⁷⁶, на страницах которого были пометки, оставленные старым викарием, пытавшемся при помощи гадания узнать что-нибудь о смерти сэра Мэтью. В первый раз в своей жизни сэр Ричард встретился с загадочным методом гадания по книге при помощи закладок, о котором я уже рассказывал. И те ответы, которые он получил, оставили его в сильном замешательстве.

– Прекрасно, – сказал он. – Библия моего дедушки дает мне весьма дельный совет «сруби его». Если это о ясене, то пусть он будет покоен, я не премину им воспользоваться. Подобного рассадника всякой заразы и болезней, даже если хорошенько поискать, нигде не найдешь.

В гостиной лежало несколько книг из семейной библиотеки, которые ожидали прибытия всей коллекции, собранной сэром Ричардом в Италии. Кроме того, он собирался выделить под библиотеку целую комнату, подходящую ей по размерам. Сейчас их там было совсем немного.

Сэр Ричард оторвал глаза от документа и посмотрел на книжный шкаф.

– Интересно, где это старое пророчество? Мне казалось, я его видел где-то.

Он прошел через всю комнату и взял в руки невзрачного вида библию, на форзаце которой было написано посвящение: «Мэтью Феллу, от любящей его крестной матери, Анны Альдоус, 2 сентября, 1659.

Неплохо было бы погадать еще, господин Кроум. Держу пари, мы получим пару ответов из Хроник.⁷⁷ Так, так, так, что тут у нас? «Пойдешь искать меня утром, и не найдешь». Просто

борьбы за Великую хартию вольностей, собрались бароны Англии, чтобы принести клятву бороться за свои права и свободы с королём Иоанном Безземельным. В XIV веке вокруг аббатства разрастается город, достигший расцвета в XVII–XVIII веках. Источником доходов горожан стало производство и продажа сукон и тканей. Бенедиктинское аббатство было разрушено в XVI веке, во время английской Реформации, развитие же производства тканей в Бери было нарушено прошедшей в конце XVIII – первой половине XIX веков промышленной революцией. В 1913 году рядом с аббатством в Бери началось строительство кафедрального собора, полностью законченное лишь в 2005 году. В городе существует театр, основанный в эпоху Регентства. Ежегодно в мае в Бери устраивается городской фестиваль – с танцами, играми, концертами и фейерверком.

⁷⁵ Клэр Холл (англ. Clare Hall) – один из колледжей Кембриджского университета, учреждён и получил своё название от Клэр-колледжа. Клэр Холл является колледжем для углублённого изучения, к обучению допускаются студенты и феллоу с высшим образованием.

⁷⁶ Полиэн (Polyaenus) – грекоязычный писатель II века македонского происхождения, автор сочинения «Στρατηγικά» («Военные хитрости»). Полиэн жил в Риме, выступал оратором в римских судах, представлял судебные дела перед императором. Свой труд, сборник военных хитростей, он посвятил императорам Марку Аврелию и Луцию Верупримерно в 163 году, когда они были вовлечены в войну с Парфией. По словам писателя, в то время он был слишком стар, чтобы сопровождать императоров в походе. Сборник состоит из 8 книг, причем 6 из них описывают деяния греков, 7-я варваров и только 8-я книга посвящена римлянам и женщинам разных народов. Из 900 стратегем, или военных хитростей, до нас дошли 833. Стратегемы содержат большое количество анекдотов в отношении известных исторических личностей, отражая в то же время факты истории. Историческая ценность анекдотов в известной мере ослаблена тем, что Полиэн не упоминает, откуда он взял тот или иной эпизод. Его как автора интересовало в первую очередь прикладное значение военных уловок. Вопросы истории, равно как и герои его сочинения, отходили на второй план. В византийское время существовали конспекты труда Полиэна, но сам он практически не цитировался византийскими авторами. Полиэн написал несколько других трудов, которые не дошли до нашего времени. Книга Полиэна дошла к нам из античности в виде копии XIII века, этот экземпляр хранится в библиотеке во Флоренции. Полиэн был впервые напечатан в латинском переводе в Базеле, в 1549 г. Греческий оригинал текста напечатан позднее, в 1589 г.

⁷⁷ Паралипомёнон или Летописи, в западной (преимущественно протестантской) традиции – Хроники – две (1-я и 2-я Паралипомёнон) канонические книги Танаха и Ветхого Завета, чьё авторство традиционно приписывается Ездre (Эзре).

потрясающе, на мой взгляд. Кстати, для вашего деда эта великолепная фраза могла послужить и пророчеством, не так ли? Ладно! Хватит лезть туда, куда Бог не велел. Всё это выдумки. Господин Кроум, я крайне признателен Вам за этот пакет. Боюсь, что Вам не терпится продолжить свой путь. Прошу Вас, не отказывайтесь еще от одного бокала вина перед дорогой.

Со всем радушием, которое действительно было искренним (так как сэру Ричарду очень понравились манеры молодого человека и его умение держать себя в обществе), они расстались.

После обеда приехали гости: епископ из Килмора, леди Мэри Херви, сэр Вильям Кентфилд и другие. Обед был в пять. Они пили вино, играли в карты. Потом был ужин, а затем все разошлись по своим комнатам – отдыхать.

На следующее утро сэр Ричард был явно не в том настроении, чтобы развлекать своих гостей. Он беседовал с епископом из Килмора. Этот прелат, в отличие от многих других епископов в Ирландии того времени, сначала приехал посмотреть на свою будущую епархию, а после этого остался здесь и уезжать пока не собирался. Этим утром они вдвоем прогуливались по террасе и разговаривали о том, как можно лучше благоустроить этот дом. Епископ показал на окно Западной комнаты и сказал:

– Ни один человек из всей моей ирландской паствы в жизни не остался бы ночевать в этой комнате, сэр Ричард.

– А почему, господин епископ? Ведь теперь это моя комната.

– У ирландцев существует поверье, согласно которому нельзя спать рядом с ясенем, потому что это приносит несчастье, а этот ясень растет очень близко к вашему дому. Причем, расстояние от него до окна менее двух ярдов. – Возможно, – продолжал епископ, с улыбкой на лице, – он уже начал оказывать влияние на Вас, но Вы это еще не почувствовали. Мне кажется, что для Вас сейчас всё в диковинку, ведь сейчас Вы спите на новом месте, да еще к тому же Ваши друзья хотят быть рядом и общаться с Вами.

– Может быть, в этом суеверии что-то и есть, господин епископ. Действительно так, с двенадцати ночи до четырех утра я никак не мог глаз сомкнуть. Завтра это дерево срубят, а сейчас я не хочу больше ничего слышать об этом.

– Я приветствую Вашу решимость, сэр. Вряд ли есть польза в том, чтобы дышать воздухом, проходящим сквозь эту листву.

– Думаю, в этом Вы правы, Ваша светлость. Хотя я не открывал окна этой ночью. Там стоял какой-то шум, с полной уверенностью могу сказать, шумели ветки этого ясеня, это они били и царапали по стеклу и не давали мне глаз сомкнуть.

– На мой взгляд, такое вряд ли возможно, сэр Ричард. Взгляните на Ваше окно с этого места. Ни одна, даже самая близко находящаяся ветка не касается рамы, они смогли бы лупить по стеклу лишь только при сильном ветре или в бурю, но в прошлую ночь не было ни урагана, ни шторма. Сейчас они примерно на фут не достают до окна.

– Точно, так и есть. Тогда что же это могло быть, ведь что-то царапало и шуршало всю ночь, да еще осталась грязь на моем подоконнике какие-то подтеки, пятна и полосы?

В конце концов, они пришли к выводу, что это были крысы, которые залезли вверх по плющу. Это предположение сначала пришло в голову епископу, а сэру Ричарду оно показалось наиболее верным.

Прошел еще один день, и наступила ночь Все гости разошлись по своим комнатам, пожелав сэру Ричарду спокойной ночи.

Сейчас мы в его спальне. В ней горит свет, и сэр Ричард лежит в своей постели. Комната находится над кухней. На улице спокойная и теплая ночь, так что окна оставили открытыми.

Над остоном кровати горит слабый свет, не смотря на это в самой постели заметно какое-то копошение. Кажется, будто сэр Ричард интенсивно кивает головой, вверх – вниз, вверх – вниз, с едва уловимым шорохом. А сейчас попытайтесь представить, ведь полумрак настолько иллюзорен, что мерещится будто у него не одна голова, а несколько круглых и коричневых, которые медленно поднимаются вверх и опускаются вниз, так же как вздымается его грудь. Ужасное зрелище. Что это – обман зрения? Или может быть здесь что-нибудь еще? Вдруг, что-то размером с котенка мягко плюхается с кровати на пол и стремительно бежит к окну. За ним следуют еще четыре таких же существа, и все опять погружается в тишину.

Будешь искать меня по утру, и не найдешь.

Сэр Ричард умер также как и сэр Мэтью в своей постели, теперь там лежал холодный труп, на котором стали проступать трупные пятна!

После того, как стало известно о смерти сэра Ричарда, ничего не понимающие гости и слуги не произнесли ни единого слова, принялись искать под окном. Итальянские отравители, тайные агенты папы, инфекция, распространяемая по воздуху – все подобные этим предположения возникали в их головах. В один прекрасный момент, епископ из Килмора посмотрел на ясень. Возле того места, где на стволе главные ветви расходятся вилкой, притаившись сидел белый кот, который внимательно смотрел на дупло, прогнившее в дереве за многие годы. Он что-то там слышал в самом дереве, и поэтому прислушивался с очень большим интересом.

Через некоторое время кот подкрался еще поближе и стал заглядывать внутрь дупла, при этом вытягивая шею. Вдруг, гнилая кромка, на которой он стоял, обломилась, кот потерял равновесие и с треском провалился вниз. Все, кто наблюдал за происходящим, слышали как кот упал на самое дно.

Всем известно, как порой кричат кошки. Только я уверен, такого истошного, душераздирающего вопля мало кому доводилось слышать. Этот дикий крик исходил из дупла того самого ясеня. К нему присоединилось еще два или три дико визжащих голоса. Все, стоящие рядом с этим деревом не могли понять, кто способен на такой чудовищный визг, а потом послышался приглушенный шум какой-то возни или борьбы. Леди Херви не выдержала всего этого и упала в обморок; экономка, которая присматривала за домом, заткнула уши и бросилась бежать что есть духу. Она бежала, пока не споткнулась и не упала на террасе.

Епископ из Килмора и сэр Вильям Кентфилд замерли, затаив дыхание. Они оторопели и никак не могли понять, разве может один маленький кот так пронзительно и громко кричать. Сэр Вильям в недоумении один или два раза с трудом сглотнул ком, образовавшийся в горле, а потом все-таки сумел произнести:

– Там что-то есть в этом дереве, Ваше Преосвященство. Предлагаю немедленно начать поиски.

Все поддержали это предложение. Тут же принесли лестницу, приставили её к стволу дерева и один из садовников поднялся, чтобы заглянуть в дупло. Он не увидел там ничего, но услышал какое-то копошение глубоко внутри. Затем они принесли фонарь и спустили его в дупло, привязав к веревке.

– Нам во что бы то ни стало нужно выяснить, что там такое. Я готов поклясться своей жизнью, Ваше Преосвященство, в том, что разгадка ужасной смерти сэра Ричарда находится именно там.

Опять поднимается на дерево садовник с фонарем и начинает осторожно опускать его в дупло. Они видели, как желтым светом озарило его лицо, когда он подался вперед, чтобы заглянуть внутрь. А потом его охватил невероятный ужас и отвращение, он закричал нечеловеческим голосом и свалился с лестницы. К счастью к нему вовремя подоспели двое слуг находившихся рядом, а фонарь упал внутрь дупла.

Он потерял сознание, поэтому потребовалось некоторое время на то, чтобы тот пришел в себя, и из него можно было вытянуть хоть одно слово.

К тому времени уже много произошло. Упав на дно дупла, по всей вероятности, фонарь разбился и масло, которое было в нем, залило весь мусор находящийся внутри. Через каких-то несколько минут всё это начало гореть, повалил густой дым, вслед за ним появилось пламя, а затем вспыхнуло и всё дерево.

Те, кто был там, посоветовавшись, решили окопать дерево вокруг на расстоянии нескольких ярдов от него. Сэр Вильям и епископ велели слугам принести инструменты и орудия труда, какие они только смогут найти в доме. Поскольку было ясно, что любая тварь, скрывающаяся в дупле, из-за пожара будет вынуждена покинуть свое логово.

Так и произошло. Сначала они увидели как из дупла возле того места, где ветви дерева расходились вилкой, появилось что-то круглое и объятые пламенем. Размером оно было с человеческую голову. Появилось это существо совершенно неожиданно, после чего, потеряв силы, в изнеможении свалилось обратно. Потом опять появилось такое же существо, которое опять упало внутрь. Так повторилось пять или шесть раз. Спустя некоторое время из дупла в воздух снова выпрыгнуло что-то непонятное, похожее на шар. Оно покатилося по траве и через некоторое время замерло, оставшись лежать неподвижным. Епископ подошел к нему настолько близко насколько смог, и сумел его разглядеть. Там лежал огромный паук, а точнее то, что от него осталось: обгоревшее мясо и вздувшиеся жилы! Огонь уже начинал стремительно охватывать ствол дерева, спускаясь по нему всё ниже. Из дупла снова выскочили такие же мерзкие пауки, пытавшиеся спастись от огня. Было видно, что они были покрыты какой-то серой шерстью.

Весь день горел ясень. К вечеру огромное дерево прогорело и развалилось на куски, только после этого люди смогли подойти к нему поближе. Один за другим из под углей выскакивали пауки, которых они тут же убивали, лишь только те успевали появиться. Так продолжалось долго. Потом уже твари перестали выкарабкиваться из дышащего огнем пепла. Все, кто окружал ясень, осторожно приблизились к прогоревшему стволу и исследовали корни дерева.

– Там, внизу, где самые корни, – рассказывал епископ из Килмора, – мы нашли яму, в которой оставалось два или три точно таких же паука, задохнувшихся от дыма. А самое интересное то, что глубоко внутри, прислонившись к стене, лежал полуразложившийся труп человека, скорчившийся в три погибели, который почти превратился в скелет. На проглядывающих костях были видны прогнившие ткани и свисающие лоскуты кожи, на голове еще оставалось немного редкого черного волоса. По этим останкам сумели определить то, что они принадлежали женщине, и то, что со дня её смерти прошло не менее пятидесяти лет.

Номер 13

Среди городов Ютландии⁷⁸ Выборг⁷⁹ занимает особое место. В нем была заложена епархия. Там находится красивый, прекрасно сохранившийся кафедральный собор, также имеется там волшебный чарующий сад, а рядом с ним озеро неописуемой красоты на котором обитает очень много аистов. Неподалеку от него есть и озеро Хальд⁸⁰, окрестности которого считаются одним из живописнейших мест в Дании. Близко к нему расположен Финдеруп⁸¹, то место, где Марск Стиг⁸² в день Святой Сесилии, в 1286 году, убил короля Эрика Клиппинга.⁸³ В семнадцатом столетии, когда проводились раскопки, его могилу вскрыли и на черепе Эрика были найдены следы пятидесяти шести ударов, нанесенных тяжелой железной булавой. Впрочем, я взялся за перо не для того, чтобы писать путеводитель.

В Выборге есть очень хорошие гостиницы «Прайслер» и «Феникс» – лучше не найти. Только мой кузен, похождения которого нас и интересуют, первый раз оказавшись в Выборге – направился в «Золотой Лев». После этого он в этой гостинице больше никогда не останавли-

---

⁷⁸ Ютлândia (дат. Jylland, нем. Jütland: «Страна ютов», лат. Cimbria, Iutia, Iutlandia) – полуостров в Европе, разделяет Балтийское и Северное моря. Площадь около 40 тысяч км². Северная часть полуострова (более 2/3) принадлежит Дании, южная – Германии (земля Шлезвиг-Гольштейн). Датская часть была увеличена в 1920 году по результатам плебисцита. С постройкой в конце XIX века Кильского канала фактически стала островом.

⁷⁹ Выборг – один из старейших городов Дании. В 1130 году здесь был заложен собор, крипта которого XII века сохранилась до наших дней. Интересен также исторический центр, состоящий из многочисленных зданий в стиле барокко вокруг собора. Выборг – центр лютеранско-евангелического епископства.

⁸⁰ Озеро Хальд считается одним из самых красивых озер Дании. Озеро находится на северной части датского полуострова Ютландия, в нескольких километрах от города Выборг.

⁸¹ Финдеруп или Виндеруп – место, где при невыясненных обстоятельствах был убит король Эрик Клиппинг (Эрик V, король Дании) в 1286 году. Марск Стиг Андерсен был одним из тех, кого обвинили в этом убийстве, хотя детали так и остались невыясненными.

⁸² Стиго Андерсен по прозвищу Хвиде (фр. Stig Andersen Hvide), также Марск Стиг (Marsk Stig; – декабрь 1293 года) – датский вельможа и маршал; участник антикоролевского заговора и убийца датского короля Эрика Клиппинга. Герой датских романтических баллад и сказаний. Распространённой версией происшедшего является следующая: желая отомстить королю за то, что тот соблазнил, в его отсутствие, жену, он взялся привести в исполнение заговор, составленный против Эрика в 1286 году многими дворянами. Переодетый в монашеское платье, он подстерёг Эрика в Финдерупе, близ Выборга и 22 ноября 1286 года умертвил его, нанеся ему 56 ран.

⁸³ Эрик V Клиппинг (или Глиппинг) (дат. Erik 5. Klipping, 1249 – 22 ноября 1286, Финдеруп, близ Выборга) – король Дании с 1259 года до своей смерти. Сын датского короля Кристофера I и Маргрете Померанской. До 1264 года управлял под покровительством матери, вдовы Маргрете Померанской. Однако в начале 1260-х возникла тревожная ситуация на южном побережье Балтийского моря. В 1261 году армия короля была разбита объединёнными силами графств Шлезвига и Гольштейна под руководством прелата Якоба Эрландсена, с которым конфликтовал ещё отец Эрика. Эрик и его мать были захвачены в плен. В период 1261–1262 гг. молодой король находился в заключении в Гольштейне, позже его перевезли в Бранденбург. В 1264 году он был освобождён при вмешательстве римского папы и немецких князей. Непрекращающаяся борьба между Эриком и его сторонниками с одной стороны и семьёй прежнего короля Абеля с другой вынудила королеву Маргрете написать письмо римскому папе Урбану IV (ок. 1262/1263) с просьбой позволить женщине наследовать датский престол, таким образом дав шанс одной из сестёр Эрика стать правящей королевой Дании в случае смерти молодого короля (на тот момент у него не было детей). Римский папа, по-видимому, согласился, но подобный сценарий не был реализован – престол унаследовал сын Эрик, названный в честь дяди Эрика IV. Эрик пытался навязать свою власть церкви и знати. Конфликт с дворянством разрешился удачно для Эрика. После смерти своего двоюродного брата, герцога Шлезвига, в 1272 году Эрик получил контроль над Шлезвигом, а в 1276 году вопреки позиции магнатов, объявил преемником своего сына Эрика. Однако в 1282 году он вынужден принять соглашение, которое ограничило его власть (дат. Håndfæstning – своего рода датская Великая хартия вольностей). Хартия обязывала короля созывать ежегодное собрание знати и высшего духовенства, защищала дворян от необоснованного заключения в тюрьмы. В 1270-х годах напал на Смоланд, что было частью конфликта между королем Швеции Магнусом I Ладулосом и его братом Вальдемаром I Биргерссоном, причем последний в 1275 году лишился шведского трона и бежал в Данию. Эрик был убит 22 ноября 1286 года. Многие могущественные дворяне во главе с маршалом Стигом Андерсеном Хвидом были объявлены вне закона. Действительно ли они имели какое-либо отношение к убийству в маленькой деревне Финнеруп (дат. Finnerup) около Выборга, до сих пор неясно. Смерть короля означала, что они потеряли почти всю власть и влияние, которые им даровала хартия 1282 года, так как новый король не был связан этим соглашением. Убийство Эрика, который был заколот во сне, – средневековая тайна, которая так и не была разгадана. Некоторые историки указывали на герцога южной Ютландии как на возможного убийцу, но доказательства этой версии так и не были обнаружены.

вался, и я надеюсь, следующие страницы помогут мне исчерпывающе рассказать о том, почему он стал её избегать.

«Золотой Лев» находится в одном из тех немногих зданий, которые не было разрушены во время пожара 1726 года. Этот ужасный пожар, фактически, уничтожил кафедральный собор, Согнекирк, Раадхуз, и много других зданий, старинных и интересных. Построено оно было из красного кирпича, у него был ступенчатый фронтон, а над дверью вывеска. В то время как внутренний двор, то место, куда подъезжала конка, был отделан деревом, облицован штукатуркой и покрашен в черный и белый цвет.

Солнце уже клонилось к закату, когда мой кузен подошел к двери, и его неуверенный стук в дверь гулким эхом отозвался в фойе внушительного здания. Такое необычное архитектурное сооружение, пропитанное духом старины, вызывало у него восхищение, и это само по себе обещало весьма приятное пребывание в гостинице, настолько типичной для старой Ютландии.

То, из-за чего господин Андерсон оказался в Выборге, было делом не совсем обычным. Он занимался исследованием истории зарождения и становления церкви в Дании. В результате ему стало известно о том, что в Выборге, а именно в Ригсаркивете⁸⁴, смогли спасти от пожара некоторые документы, имевшие отношение к последним дням владычества Римской Католической Церкви в стране⁸⁵. Проведав об этом, он планировал потратить достаточно времени (возможно, недели две, а может быть и три) на их изучение и копирование, к тому же он надеялся на то, что «Золотой Лев» сможет предоставить ему достаточную по размеру комнату, которая будет служить как спальней, так и кабинетом для работы. О цели своего приезда он рассказал хозяину гостиницы, который после долгого раздумья ответил, что возможно для джентльмена, ставящего перед собой такие великие цели, будет наиболее правильным посмотреть одну или две из самых больших комнат, имеющихся в гостинице, и выбрать одну из них для себя. Тому эта предложение показалось подходящим.

Самый верхний этаж он отверг сразу, так как там проживало много работающих постояльцев и после рабочего дня им каждый раз приходилось возвращаться к себе в номера. На втором этаже они не нашли подходящей по размеру комнаты. Однако, на первом этаже всё-таки имелось две или три комнаты, которые подходили по размерам, и в которых можно было превосходно заниматься научной работой.

Хозяин гостиницы очень хотел, чтобы тот снял номер 17, но господин Андерсон сумел разглядеть то, что все его окна выходят на глухую стену соседнего дома и поэтому сообразил, что в вечернее время эта комната будет очень темной. Номера 12 и 14 были лучше, так как окна обоих номеров выходили на оживленную улицу, поэтому яркое вечернее освещение и прекрасный вид, открывающийся перед глазами, в достаточной мере компенсировали более высокий уровень шума.

В конце концов, они остановились на номере 12. В нем, так же как и в соседних номерах, было три окна, при этом все его окна были расположены на одной стороне. Комната эта была очень высокая и необычайно длинная. Разумеется, в ней не было камина, но в ней была печь старинного образца, причем довольно красивая. Эта печь была из чугуна, на одной из её сторон было изображение Авраама, приносящего в жертву Исаака⁸⁶, а сверху надпись “I Vog

---

⁸⁴ Датский национальный архив (датский: Ригсаркивет) – это система национальных архивов в Дании. Основная цель – собрать, сохранить и архивировать исторически ценные записи центральных органов власти, таких как министерства, агентства и национальные организации, и сделать их доступными для общественности.

⁸⁵ Дания официально стала лютеранской в 1536 году. Выборг играл главную роль в датской Реформации, лидером которой был Ганс Таузен (1494–1561). Ганс Таузен (Тавсен) (1494 – 11 ноября 1561 г.) был ведущим лютеранским теологом Реформации в Дании. Он служил епископом Риге и опубликовал первый перевод Пятикнижия на датский язык в 1535 году.

⁸⁶ Жертвоприношение Исаака – приношение Исаака в жертву Богу Авраамом. Согласно библейскому рассказу (Быт. 22:1-19), Бог призвал Авраама принести своего любимого сына Исаака «во всежжение» «в земле Мория», «на одной из гор». Авраам, не колеблясь, повиновался. На третий день пути Авраам с Исааком взошли на указанное Богом место. Придя на место, Авраам «устроил жертвенник», связал Исаака (отсюда традиционное еврейское название истории), «положил его на

Mose, Cap. 22, ”. Ничего другого, хоть сколько-нибудь примечательного, в комнате не имелось. Единственной картинкой, украшавшей этот номер, был старый цветной эстамп с изображением города, датированный 1820 годом.

Приближалось время ужина. Правда, после того как Андерсон, совершив обычные в этом случае омовения, спустился вниз по лестнице, ему пришлось ждать минут пять, пока прозвучит колокольчик – подающий сигнал идти к столу. Эти пять минут он посвятил изучению списка своих соседей по гостинице. Как это принято в Дании, их имена были представлены на большой доске объявлений разделенной на колонки и строки, номера комнат были нарисованы краской в начале каждой строки. Особого интереса этот список не вызывал. Там был и адвокат (или как это на датском *Sagfører*) немец, и несколько странствующих торговцев-коммивояжеров, приехавших сюда из Копенгагена.⁸⁷ Единственное, что привлекало внимание, так это отсутствие номера 13 в списке номеров гостиницы, и даже это не вызвало удивления у Андерсона, который встречался с подобным в половине из тех датских гостиниц, где ему приходилось останавливаться. Он уже спокойно смотрел на то, почему намеренное игнорирование этого номера – такое в сущности обычное явление каковым оно стало, получило столь широкое распространение, поскольку, действительно, очень сложно снять в какой-нибудь датской гостинице комнату номер 13. Поэтому он решил спросить хозяина гостиницы, случается ли ему или другим владельцам гостиниц встречаться с клиентами, которые отказываются селиться в комнате под тринадцатым номером.

Он ничего мне не рассказывал (а я передаю эту историю в точности так, как я её услышал от него) о том, что происходило за ужином. Также и о вечере, который был занят раскладыванием вещей, развешиванием одежды и раскладыванием на свои места книг и документов, и поэтому не столь богатом знаменательными событиями. К одиннадцати часам он уже готовился лечь в постель, но, как для многих в наши дни, для него уже стало обыкновением почитать немного перед тем как уснуть. Вдруг он вспомнил, что та книга, которую он читал в поезде, именно та, которая сейчас ему была и нужна, лежала в кармане его теплого пальто, висевшего на вешалке в гардеробе рядом с банкетным залом.

На то, чтобы спуститься вниз и забрать её из кармана требовались считанные минуты, а так как в коридоре совсем не темно – ему будет не трудно найти свою собственную дверь. По крайней мере, так он думал. Да, только когда он подошел к двери, которая должна была быть дверью в его комнату, и попытался повернуть её ручку, дверь оказалась плотно запертой, и открыть её было невозможно. К тому же он уловил какие-то шорохи и шелест, будто кто-то ходил внутри комнаты, где-то совсем рядом с дверью. Ну конечно, он просто ошибся дверью, вот и всё. А где его комната, справа или слева? Он посмотрел на номер – видит перед собой комнату номер 13. Значит его комната должна быть, выходит, слева. Так оно и оказалось. В течение всего того времени пока он ложился в постель, а потом улегшись прочитал, как обычно, три или четыре страницы из своей книги, затем выключил свет и повернулся на бок для того, чтобы заснуть – он думал о том, что как-то странно получается, на доске вроде нет номера 13, а в гостинице он всё таки есть. Он очень пожалел о том, что не остановился в нем. Быть может, выбрав эту комнату, он оказал бы хозяину гостиницы огромную услугу. Это, по крайней мере, дало бы ему возможность говорить, дескать, смотрите, знатный английский

жертвенник поверх дров» и уже занёс над ним нож (поскольку жертву, приносимую Богу во всесожжение, следовало сначала заколоть, а затем сжечь), когда ангел воззвал к нему с неба: Авраам! Авраам! <...> не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. (Быт. 22:11–12) благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твоё городами врагов твоих; и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего. (Быт. 22:16–18) Клятва умножить потомство Авраама давалась Господом и ранее (Быт. 15:5; Быт. 17:19; Быт. 21:12). Таким образом, можно либо уяснить из текста, что Авраам верил этому более раннему обещанию; но можно истолковать такие сведения как результат дублирования традиций.

⁸⁷ Копенгаген – столица Дании.

джентльмен останавливался в комнате номер 13 на три недели и она ему очень понравилась. Правда, вполне вероятно, что её используют как комнату для прислуги или какую-нибудь подсобку. К тому же еще, может быть, она и не такая большая и просторная как та комната, в которой он остановился сейчас. После этого он полусонным взглядом вяло обвел свой номер, в нем еще можно было кое-что различить при тусклом свете, исходявшем от уличного фонаря. – Интересно, – подумал он. – Обычно комнаты при тусклом освещении кажутся больше, а эта стала короче и как-то выше. Всё, а теперь спать! Сон куда важнее, чем все эти пустые мысли ни о чем, – и он заснул.

На следующий день после своего прибытия Андерсон штурмовал Национальный Архив в Выборге. Его встретили очень радушно, как не каждого встречают в Дании, также ему удалось получить свободный доступ ко всем документам, которые он хотел увидеть и к которым у него мог возникнуть интерес. Папок с бумагами, горой нагромождённых перед ним, было огромное количество и столько в них было интересного, что он такого даже и в мыслях представить не мог. Кроме официальных документов здесь была и стопка писем из личной переписки Йоргена Фрииса⁸⁸, последнего католического епископа, правившего здешней епархией. Благодаря этим письмам удалось выяснить много любопытных деталей, имевших отношение к личной жизни и характеру этого человека. Очень много было писем о некоем городском доме, владельцем которого являлся епископ, но в котором он не жил. Тот, кто в нем проживал, пользовался очень плохой репутацией и служил мишенью для издевательств кучки реформаторов. Его они называли «позором и бесчестьем нашего города». Они говорили, что тот занимался черной магией, да еще к тому же продал свою душу Дьяволу. Только в результате гниения и разложения церкви и поклонения языческим Богам Вавилона такой ядовитый змееныш, колдун и чернокнижник смог найти себе патрона и покровителя в лице епископа. На все эти нападки епископ отвечал мужественно. Он отрицал всё полностью и говорил о том, что человек, живущий в его доме, никогда не занимался никакими тайными искусстваами ни черной магией, и требовал от своих врагов представить доказательства его преступлений в суде (само собой разумеется, речь шла о церковном суде), тем самым сведя все эти нападки на нет. После этого, ни один человек не мог без веских на то оснований обвинить в чем бы то ни было друга епископа – магистра господина Николааса Франкена.

У Андерсона не было времени прочитать полностью следующий документ в подборке, – письмо лидера протестантов Расмуса Нильсена, но он успел посмотреть его еще до того, как Государственный Архив закрылся, и сумел понять его главную мысль. Главная идея этого письма заключалась в том, что достойные христиане отныне не обязаны подчиняться епископам Рима, и, что отныне Епископский Суд не является, да и не может являться, компетентным органом правосудия и не имеет больше права выносить безапелляционные судебные решения.

Господин Андерсон уходил из архива не один, а в сопровождении пожилого человека – руководителя этого архива, и по мере того как они, ступая не спеша, вели беседу, их разговор постепенно перешел на те документы о которых я рассказываю.

Господин Скавениус, архивариус Выборга, хотя и знал великолепно все документы, находящиеся в его ведении, не очень хорошо помнил те, которые относились ко времени Реформации.⁸⁹ Ему было очень интересно послушать рассказ Андерсона об этом периоде. Он сказал,

---

⁸⁸ Йорген Фриис был католическим прелатом и епископом в Выборге (1521–1536).

⁸⁹ Реформация (лат. *reformatio* – исправление, превращение, преобразование, реформирование) – широкое религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI – начала XVII века, направленное на реформирование католической Церкви. Её началом принято считать выступление доктора богословия Виттенбергского университета Мартина Лютера: 31 октября 1517 года он, по легенде, прибил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои «95 тезисов», в которых выступал против существующих злоупотреблений католической церкви, в частности против продажи индульгенций [прим. 1]. Концом Реформации историки считают подписание Вестфальского мира в 1648 году, по итогам которого религиозный фактор перестал играть существенную роль в европейской политике. Основной причиной Рефор-

что с нетерпением будет ждать публикации, в которой господин Андерсон изложит все свои идеи. – Вы интересуетесь этим домом епископа Фрииса, – добавил он, – для меня является истинной загадкой его настоящее месторасположение. Я внимательно изучил географическую карту старого Виборга, но, к сожалению, она была из старой поземельной книги владений епископа, которая была составлена в 1560 году и большая часть которой находится в архиве. И надо же такому случиться, именно та часть, в которой был список его личных владений, куда-то пропала. Но не печальтесь. Я надеюсь, в один из дней я сумею её найти.

Погуляв немного на свежем воздухе (я забыл, как точно называется место, выбранное им для прогулки), Андерсон вернулся в "Золотой Лев", где его ждал ужин, любимый пасьянс, и теплая постель. По пути в свою комнату он вспомнил, что забыл спросить хозяина о том, почему в общем списке комнат на доске отсутствует комната номер 13. Сначала он решил убедиться в её существовании, и лишь только после этого можно было начинать разговор на эту тему.

Принять решение было несложно. Была там дверь под номером 13, определенно была. К тому же было слышно, как внутри этой комнаты кто-то ходит. Потому что когда Андерсон подошел к ней близко – он сумел различить внутри шаги и голоса, а может быть это был всего только один голос. В течение тех нескольких секунд, которые он стоял под дверью и смотрел на неё для того, чтобы убедиться в том, что эта действительно именно та комната – комната номер 13, шаги прекратились, и ему показалось, будто тот, кто был там внутри, подошел почти вплотную к двери. Он немного отпрянул, когда совсем рядом, с той стороны двери услышал учащенное дыхание с присвистом. Так мог дышать только человек, находящийся в состоянии сильного нервного возбуждения. Немного постояв под дверью, он пошел в свою комнату, и там его опять ждал сюрприз. Ни с того ни с сего вдруг его комната оказалась значительно меньше, чем была прежде когда он в неё заселялся. Это его немного озадачило и расстроило, но только немного. Ведь, в том случае, если он сочтет эту комнату не достаточно просторной, он легко сможет от неё отказаться и перейти в другую. Вдруг ему потребовалось кое-что из вещей, насколько я помню, карманный носовой платок – тот должен был лежать в его дорожном чемодане, который носильщик поставил на какую-то убогую табуретку, уныло пропадающую возле стены в самом дальнем углу комнаты, вдалеке от всей мебели. Но, вот ведь в чем дело, – чемодана там не было... Ой, ну конечно, его убрали в сторону услужливые работники гостиницы, а его содержимое, само собой разумеется, поместили в гардероб. Он заглянул в гардероб, – А ничего нет в гардеробе... Такая нелепая, непонятная ситуация уже начинала его раздражать. Мысль о том, что его обокрали, он отбросил сразу. Подобное редко встречается в Дании, тут явно кто-то решил над ним подшутить и выставить идиотом, и это как раз таки очень даже может быть! Определенно так! Этого шутника надо поймать и серьезно с ним поговорить, чтобы знал с кем шутить. А впрочем, платок ему сейчас не так уж и нужен, он спокойно сможет обойтись без него до утра. Поэтому он решил не звонить в звонок и не беспокоить прислугу. Он подошел к окну, – это было то самое крайнее окно, находящееся справа, – и посмотрел на тихую улочку. Напротив гостиницы стояло высокое здание, сплошная глухая стена. На улице не было ни одного прохожего. Кромешная темная ночь. Сквозь такую непроглядную темень ничегошеньки не было видно.

мации явилась борьба между представителями зарождавшегося капиталистического способа производства и защитниками господствовавшего в то время феодального строя, охраной идеологических догм которого занималась католическая церковь. Интересы и чаяния зарождавшегося класса буржуазии и так или иначе поддерживавших его идеологию народных масс нашли проявление в основании протестантских церквей, призывавших к скромности, экономии, накоплению и опоре на себя, а также в формировании национальных государств, в которых церковь не играла главную роль. [источник не указан 282 дня]Протестантизм получил распространение во всей Европе в вероучениях последователей Лютера: (лютеранство), Жана Кальвина (кальвинизм), «цвиккауских пророков» (анабаптизм), Ульриха Цвингли (цвинглианство), а также возникшего особым путём англиканства. Комплекс мер, предпринятых католической церковью и иезуитами для борьбы с Реформацией, получили название Контрреформации

Свет был у него за спиной, и он мог видеть на противоположной стене свою собственную тень, черный силуэт был с отчетливым контуром. Слева, на той же самой стене он заметил тень бородатого мужчины из комнаты номер 11. Тот прошел в майке взад и вперед, когда он его только заметил, раз или может два, при этом причесываясь, а потом он его видел уже в ночной пижаме. Но помимо этого справа от себя он увидел тень того, кто занимал комнату номер 13. Это зрелище было куда интереснее. Человек из номера 13 также как и он облокотился на подоконник и смотрел на улицу. Непонятно кто это был высокий худощавый мужчина или может быть женщина? – Во всяком случае, этот не понять кто, перед тем как лечь в постель намотал себе на голову некое подобие занавески, и Андерсон уже начал подумывать, может этот чудак помешался на своем красном фонаре, потому что тот у него уж очень сильно мерцал. Было прекрасно видно, как на стене напротив скакало красное отражение со смутными очертаниями, вверх – вниз, вверх – вниз. Он попытался высунуться в окно, чтобы лучше разглядеть того кто это всё устроил, но кроме светлой, вполне даже может быть белой складки какой-то ткани, ниспадающей на подоконник, он не увидел ничего.

Вдруг, на улице, где-то далеко, послышались шаги и их приближение, вероятней всего, заставило постояльца из номера 13 вспомнить о том, что его могут заметить, после чего он с большим проворством отпрянул от окна и его красный фонарь погас. Андерсон, который в это момент курил сигару, оставил её недокуренной на подоконнике и лег в постель.

На следующее утро его разбудила горничная, которая принесла горячей воды и умывальные принадлежности. Он продрал глаза и, пытаясь подобрать нужные слова на датском, сумел только вымолвить: – Вам не следовало трогать мой чемодан. Где он?

Ничего удивительного не было в том, что девушка в ответ только рассмеялась и ушла из комнаты, не произнеся ни единого слова.

Андерсон негодовал, он сел в постели и уже собирался позвать её обратно, но так и остался сидеть, разинув от удивления рот и уставившись во все глаза перед собой. Прямо перед ним стоял тот самый чемодан, на той же самой едва живой табуретке на которой его оставил носильщик в день приезда. У человека, который гордился своей наблюдательностью, подобное прозрение вызвало настоящий шок. Почему прошлой ночью он его не видел, а заметил только сейчас, этого он даже и не пытался понять. Самым главным было то, что сейчас он был здесь на своем месте.

При дневном свете было видно не только чемодан. Теперь можно было определить настоящие пропорции комнаты, в которой, а теперь это уже стало понятно, – имелось три окна. Удовлетворившись своим осмотром, он пришел к выводу, что выбрал отнюдь не плохую комнату. Уже почти одевшись, он подошел к тому окну, которое было посередине, желая узнать, какая погода на улице сегодня. Но тут снова неожиданность. До чего же невнимательным он был вчера ночью. Он был готов поклясться всем чем угодно в том, что он курил у крайнего правого окна, это было последнее из того, что он делал, перед тем как лечь в постель, а сейчас окурок его сигареты лежал на подоконнике среднего окна.

Он пошел завтракать. Уже было довольно поздно, но постоялец из номера 13 еще не выходил, потому что около двери в соседнюю комнату стояли его сапоги, кстати, мужские сапоги. Теперь стало ясно, что в номере 13 проживает мужчина, а не женщина. В этот момент он обратил внимание на номер, прикрепленный на двери. Это был номер 14. Он решил, что сам не заметил, как пропустил 13 номер. Три глупых промаха за двенадцать часов – слишком много для педантичного, наблюдательного человека, поэтому он вернулся, чтобы еще раз пройти мимо двери и проверить. Так и есть, сразу за номером 14 шел номер 12, то есть его комната. Номера 13 не было и в помине.

Потратив несколько минут на тщательный анализ того, что было им выпито и съедено за последние двадцать четыре часа, Андерсон, все-таки, пришел к выводу, что лучше перестать себя терзать сомнениями. Ведь, если его глаза или голова что-то путают, то ему еще предста-

вится такая возможность это выяснить. В том случае если нет, то ситуация перед ним весьма любопытная. Опять-таки, каким бы ни было дальнейшее развитие событий – оно определенно достойно того, чтобы дождаться развязки.

Весь последующий день он продолжал копаться в письмах епископа. О том, что содержалось в них, я уже говорил. К его разочарованию подборка писем оказалась неполной. Только одно письмо из всей кипы имело отношение к магистру Николасу Франкену. Оно было от епископа Йоргена Фрииса Расмусу Нильсену. В нем говорилось:

«Во всяком случае, мы в наименьшей степени были склонны признать принятое Вами решение в отношении наших преданных служителей и, не смотря ни на что, при крайней необходимости, для защиты наших интересов, мы готовы были его опротестовать. Поскольку, в результате претворения этого решения в жизнь всеми нами любимый и уважаемый магистр Николас Франкен, против которого Вы посмели выдвинуть такие ложные и злобные обвинения, был вынужден в поспешности нас покинуть. Очевидным остается то, что Вам придется дать полный отчет о причинах подобных нападков. Ввиду того, что согласно Вашим утверждениям, апостол и евангелист Святой Иоанн в его Небесном Откровении описывает Святую Римскую Церковь как ипостась Великой Блудницы, Вам следует знать следующее, и т. д».

Андерсон искал, где только мог, но ему так и не удалось найти ни продолжения переписки, ни какой-либо зацепки, которая смогла бы рассказать о том, что было дальше или подсказать то, каким образом этот «казус белли»⁹⁰ был изъят. Он мог только предположить, что Франкен умер внезапной смертью, так как сохранялся временной промежуток, всего два дня, между последним письмом Нильсена, когда, по всей вероятности, Франкен был еще жив, и письмом от епископа. Судя по всему, смерть его была скоростижной.

После полудня он решил прогуляться на озеро Хальд. Там зашел в трактир «Бэккелунд» и заказал себе чай, причем, сумел точно определить, хотя ему и с трудом удавалось побороть в себе чувство нервозности, что этим утром у него не могло проявиться никакого нарушения зрения или помутнения рассудка, которых следовало опасаться.

Во время ужина владелец гостиницы оказался совсем рядом с ним. Тем самым, появилась удобная возможность завязать беседу.

– Почему, – спросил он его после недолгого разговора, как бы невзначай, – во многих гостиницах у вас в стране в списках нет номера тринадцать? По-моему, и в Вашей гостинице его тоже нет.

Этот вопрос несколько позабавил датчанина.

– Ну надо же! Вы это заметили? Если уж говорить по правде, я и сам об этом не раз думал. Образованному человеку никакого дела нет до всех этих суеверий, так я говорил. Я вырос здесь в Виборге и окончил здесь школу. Старый директор нашей школы всегда говорил, что всё это чушь собачья. Вот уже много лет прошло, как он ушел из жизни. Это был прекрасный, честный человек. Он всегда был готов помочь как советом, так и делом. Мне хорошо запомнился один день, шел снег, а мы мальчишки...

И тут он погрузился в воспоминания.

– Значит, вы не считаете, что 13 номер нужно было непременно убрать? – спросил Андерсон.

– Ну конечно! Хорошо, что Вы мне напомнили, а то я уже забыл, о чем у нас был разговор. Так вот, меня в дело взял мой отец. У него сначала была гостиница в Орхусе,⁹¹ потом мы появились на свет, и он переехал сюда в Виборг. Это его родной город, он здесь управлял

---

⁹⁰ Casus belli казус белли, повод для объявления войны.

⁹¹ Орхус (дат. Aarhus или Århus) – второй по величине город Дании. Расположен на востоке полуострова Ютландия, на берегу залива Орхус-Бугт. Административный центр коммуны Орхус. Второй по значимости порт Дании. Население – 310 956 жителей (2011).

«Фениксом» до самой своей смерти. А умер он в 1876. Тогда я только начинал работать в Силькеборге,⁹² и только полтора года назад я переехал сюда.

После этого последовали подробности о состоянии дома и о том, в каком состоянии было дело, когда он перенимал гостиницу.

– А когда Вы приехали сюда, здесь была комната номер 13?

– Нет, нет, я как раз и собирался рассказать Вам об этом. Вы же знаете, что главным образом у нас останавливаются коммивояжеры – коммерсанты, торговцы. Селить их в 13 номер? Да, они скорее будут спать на улице или еще где-нибудь. Что касается меня, то мне плевать под каким номером моя комната, и то же самое я много раз говорил им. Только они все равно упираются и ни в какую не хотят меня слушать, выдумали якобы им этот номер приносит несчастье. А между собой они тысячи разных историй болтают о людях, которые останавливались в номере 13 и от этого сходили с ума или теряли свой бизнес, или еще что-нибудь в этом духе, – говорил хозяин гостиницы, пытаясь представить всё в должном свете.

– Тогда для чего Вы используете Вашу комнату номер 13? – спросил Андерсон, понимая, что фраза, сказанная из чистого любопытства, в данном случае совсем несопоставима с важностью этого вопроса.

– Мою комнату номер 13? Неужели я не говорил Вам, что в моей гостинице нет комнаты номер 13? Я думал, что Вы сами это заметили. Если бы она была, то она была бы сразу за вашей комнатой.

– Да? А мне почему-то кажется, что она есть. Вчера ночью, по-моему, я видел дверь под номером 13 в коридоре. К тому же, я почти уверен в том, что и позавчерашней ночью я её тоже видел.

Само собой разумеется, господин Кристенсен в ответ только презрительно рассмеялся над его словами, чего Андерсон и ожидал, а после этого все-таки сказал после некоторой паузы, что комната номер 13 действительно была или, если точнее, была до того, как он стал хозяином этой гостиницы.

Андерсона в какой-то степени успокоил его уверенный тон, но всё еще сбивый с толку он начал думать, что лучше всего для того, чтобы точно выяснить стал ли он жертвой обмана зрения или нет, пригласить хозяина гостиницы к себе в номер вечером и выкурить с ним там по сигаре. А фотографии английских достопримечательностей, которые он привез с собой, послужат для этого хорошим предлогом.

Господин Кристенсен был польщен его приглашением и охотно принял его. Он должен был прийти около десяти вечера, но перед этим Андерсону нужно было написать несколько писем, поэтому сославшись на занятость, он ушел к себе. Ему было стыдно признаться в том, даже краска появилась на его лице, что загадка существования номера 13 начинает его довольно сильно беспокоить. Поэтому он пошел к себе на этаж, поднимаясь по лестнице с той стороны, где ему первой должна был встретиться комната номер 11, чтобы дверь под номером 13 ему по пути не попала. Когда он входил в свою комнату он настороженным взглядом окинул её, в ней всё оставалось по-прежнему, как и до его ухода, правда, несмотря на это, ощущение того, что она стала немного меньше, опять вернулось к нему. Сегодня никаких вопросов о наличии или отсутствии чемодана у него не возникало. Он сам достал из него все вещи и

---

⁹² Силькеборг – город в центральной Дании, на полуострове Ютландия. Административный центр одноимённой коммуны. Население – 55080 жителей (2005). Развитие Силькеборга как современного города начинается с основания бумажной фабрики Михаелем Дреусеном (Michael Drewsen) на реке Гудено в 1844. Силькеборгское длинное озеро (Silkeborg Langsø) разделяет город на северную и южную часть, из озера в восточной его части вытекает река Гудено. Город примечателен наличием большого числа автосалонов и финансового сектора; здесь к примеру также располагается штаб-квартира третьего по размеру датского банка Jyske Bank A/S. Каждый год в конце июля в Силькеборге проводится джазовый фестиваль Riverboat Jazz festival, а в середине августа фестиваль кантри-музыки Scandinavian Country Club. Дональд Джордж Пауэлл – барабанщик и основатель британской глэм-роковой группы Slade переехал в город в 2004 году. В 1944 рядом с городом был застрелен гестапо священник и драматург Кай Мунк.

запихал его под кровать. Ему потребовалось достаточно воли, чтобы отогнать от себя мысль о комнате номер 13, после чего он принялся писать письма.

Соседи вели себя достаточно тихо. Иногда в коридоре открывалась дверь, и кто-нибудь выбрасывал из комнаты свои сапоги, или какой-нибудь коммивояжер проходил по коридору, бормоча себе под нос неизвестно что, или по ужасной мостовой с грохотом проезжала телега, или слышно было, как кто-то спешит куда-то по делам, шлепая по каменным плитам.

Андерсон закончил писать свои письма, заказал виски с содовой и подошел к окну, внимательно изучая глухую стену дома напротив и следя за тенями появившимися на ней.

Насколько он понял, комнату номер 14 занимал юрист. Он его уже видел внизу. Степенный мужчина, говорил он мало за едой, главным образом был занят изучением небольшой пачки документов, которая лежала рядом с его тарелкой. А теперь выходило так, что он был любителем порезвиться, когда оставался один. А если не так, тогда зачем ему понадобилось устраивать эту пляску? Тень, которая падала из комнаты номер 14 на стену, как раз говорила о том, что тот танцевал. То и дело его сухопарая фигура оказывалась напротив окна, он махал руками, и видно было, как костлявая нога с поразительной резвостью взлетает вверх. Видимо он был босой, да и пол наверняка был покрыт каким-то плотным ковром, потому что его передвижений не было слышно. Адвокат, господин Дженсен, в десять часов ночи отплясывает у себя в номере, вот уж действительно подходящий сюжет для исторического холста в возвышенном стиле. Андерсон подумал, точно как Эмили из «Удольфских тайн»⁹³, откуда эти строки:

Я в десять вечера вернулась,
Тьма, света не видать.
Кругом все думают – рехнулась,
А мне на них плевать.
Зайду я в комнату свою, закрою свой замок,
Всю ночь танцую и пляшу, есть, значит, в этом прок,
Ругайся хоть весь ваш народ,
Кружусь, верчусь, назад, вперед,
Знай, я дружу с законом,
И пусть сосед как зверь орет,
Теперь мне до всего – как до пустого звона.

Если бы хозяин гостиницы в этот момент не постучал в дверь, то возможно перед читателем уже была бы изложена вся эта длинная поэма. Сказать, что тот, очутившись в этой комнате, был озадачен, – это значит ничего не сказать, господин Кристенсен был поражен до крайней

---

⁹³ «Удольфские тайны» (1794) – Анна Радклиф. Анна Радклиф родилась в 1764 году в городе Холборне в семье галантерея Вильяма Уорда; её матерью была Анна Уотс. Фамилию Радклиф она получила, выйдя в возрасте 22 лет замуж за журналиста Вильяма Радклифа, владельца и главного редактора газеты «English Chronicle». Поскольку у них не было детей, Анна, чтобы занять свободное время, начинает заниматься беллетристикой. Это её занятие поощряет и поддерживает её муж. В течение семи лет она выпускает все свои книги, получившие впоследствии широкое распространение, затем прекращает заниматься литературой. Это происходит из-за того, что Анна от природы была застенчивым человеком и большая известность пугала её, нарушала её внутреннее спокойствие. Жизнь Анны Радклиф, как и её творчество, окружены различными тайнами. Одна из таких легенд гласит, что, выдумывая новые сюжеты и страшные детали своих произведений, Анна сошла с ума и после этого умерла. Надо заметить, что опровержений подобным слухам (они распространились, когда Анна прекратила писать) при её жизни не было. На самом деле Радклиф скончалась на 59-м году жизни 7 февраля 1823 года от пневмонии. Похороны писательницы состоялись 15 февраля в церкви Святого Георга около Ганновер-сквер в Лондоне. Тело писательницы было погребено в склепе M569 часовни приходской церкви на кладбище Бейсвотер-роуд (Bayswater Road) – одном из двух кладбищ прихода Святого Георга на Ганновер-сквер. В 1853 году кладбище перестало использоваться, а поскольку во время Второй мировой войны оно пострадало от бомбёжки немецкой авиации, специальным актом парламента кладбище было секуляризировано, и в 1970-х годах на его месте было построено престижное жильё – St George's Fields Estate. При разборе останков и составлении списка надписей на могилах плит в 1969 году имя Анны Радклиф обнаружено не было (согласно информации, полученной в архивах Вестминстера). Не сохранился ни один портрет Анны Радклиф.

степени, так же как и Андерсон, потому что он заметил – в комнате произошли какие-то странные перемены. Только он сделал вид, будто бы ничего не произошло. Фотографии, которые ему показывал Андерсон, его заинтересовали очень, демонстрация их сопровождалась убедительным рассказом Андерсона, который к нему добавлял свои личные воспоминания. Неизвестно, перешла бы их беседа на тему, больше всего интересовавшую Андерсона, то есть на комнату номер 13, если бы сосед-адвокат в этот момент не запел. Да еще так, что ни у одного не возникло никаких сомнений в том, что певун или напился до чертиков, или с ума спятил. Голос, который они слышали, был высокий и тонкий, к тому же еще хриплый, как обычно бывает у певцов, которые долго не тренировались в пении. Слова песни или мелодию разобрать было невозможно. Его голос взмывал к невиданным высотам и стремительно падал вниз, превращаясь в стон преисполненный отчаяния, так зимой завывает холодный ветер в черной пустой трубе, бывает и орган издает такие кошмарные звуки, когда неожиданно иссякает поток воздуха в его трубах. Слышать это действительно было ужасно, и Андерсон понимал, что если бы в этот момент он в этой комнате находился один, то, скорее всего, пришлось бы ему искать спасения там, где есть люди, то есть бежать в соседнюю комнату к коммивояжерам.

Хозяин гостиницы сидел, разинув рот.

– Не могу понять, – наконец произнес он, вытирая пот со лба. Это просто какой-то кошмар. Мне уже доводилось такое слышать, но я был абсолютно уверен в том, что это кошка так орет.

– Он что сума сошел? – сказал Андерсон.

– Увы, приходится это признать! А такой хороший клиент, да еще вдобавок ко всему, насколько мне известно, преуспевающий в своем деле. Молодой семьянин, детишек растит.

В этот момент кто-то раздраженной рукой начал тарабанить в их дверь, которую сам без приглашения и открыл. На пороге стоял тот самый юрист, о котором они только что говорили, в домашней одежде со стоящими дыбом волосами – он был просто взбешен.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он, – но я был бы вам весьма признателен, если бы Вы прекратили... —

Тут он замолчал, так как ему стало понятно, что никто из присутствующих никакого отношения к этому пению не имеет. С минуту длилась тишина, после чего вопли возобновились с новой силой и стали еще более душераздирающими, чем прежде.

Черт побери, что это такое? – вырвалось у юриста. – Откуда это? Кто это орет? Я что с ума схожу?

– Господин Дженсен, это из соседней комнаты, то есть из вашей. У вас там случайно не кошка в трубе застряла или, может быть, еще кто-нибудь?

Это было единственное, что произнес Андерсон, но сказав это, он понял всю ненужность произнесенных им слов. Что-то нужно было делать, ведь не стоять же так, слушая этот жуткий вой и смотреть на белое от страха лицо хозяина гостиницы, покрытое каплями пота, пока тот недоуменно таращился то на одного своего жильца, то на другого, и весь трясся, вцепившись в ручки своего кресла.

– Такое абсолютно невозможно, – произнес юрист, – исключается полностью. Потому что в моей комнате нет никакой трубы. Я и пришел к вам, так как был уверен в том, что все эти вопли идут из вашей комнаты. Ведь она, соседняя с моей.

– А между вашей и моей дверью случайно нет никакой двери? – осторожно спросил Андерсон.

– Нет, сэр, – ответил господин Дженсен, довольно резким и решительным голосом. – По крайней мере, этим утром я ничего такого не видел.

– Ага! – сказал Андерсон. – А вечером она была?

– Не знаю, не уверен в этом, – произнес юрист в некотором замешательстве.

Неожиданно вопли и пение в соседней комнате прекратились, было слышно, как певун начал тихонько что-то мурлыкать и при этом посмеиваться себе под нос. Услышав этот голос, трое мужчин невольно вздрогнули. Затем всё стихло.

– Итак, господин Кристенсен. – сказал юрист, – Какие объяснения у Вас есть на этот счет? Что всё это значит?

– О, Боже! – воскликнул хозяин гостиницы, – А я-то тут при чем! Я знаю не больше вашего, господа, клянусь вам, я не слыхал ничего подобного никогда прежде.

– Так же и я, – сказал господин Дженсен, После этого он что-то буркнул, сопровождая свои слова вздохом. А Андерсону показалось, что тот произнес слова из Псалтыря: *omnis spiritus laudet Dominum*⁹⁴, – но он в этом не был полностью уверен.

– Нам надо что-то делать, – сказал Андерсон, – ведь нас трое. Не пойти ли нам в соседнюю комнату и самим всё выяснить?

– Но это же, комната господина Дженсена, – заскулил хозяин гостиницы. – Что толку от того, что мы туда пойдем, он же пришел оттуда.

– Я не совсем уверен в том, что это доносилось из моей комнаты, – сказал Дженсен. – Я думаю, этот джентльмен прав – нам надо пойти и самим всё выяснить.

Единственными орудиями самообороны, которые они смогли найти, были палка и зонтик. Дрожа от страха, вся компания крадучись пробиралась по коридору, боясь сделать хоть одно неосторожное движение или издать какой-нибудь звук. Вокруг царила мертвая тишина, но под дверью соседней комнаты виднелась тоненькая полоска света. Андерсон и Дженсен подошли поближе к двери. Дженсен взялся за ручку и толкнул её с силой. Бесполезно. Та не поддавалась.

– Господин Кристенсен, – сказал Дженсен. – не могли бы вы пригласить самого сильного из своих работников? Нам непременно нужно попасть туда внутрь.

Хозяин гостиницы в ответ кивнул и поспешил уйти, наверное, в душе радуясь тому, что хоть на какое-то время ему удастся побыть подальше от этого зловещего места. Янсен и Андерсон остались там же, где и стояли, им нужно было следить за дверью.

– Смотрите-ка, а ведь это комната номер 13, – сказал Андерсон.

– Да, точно. Вот ваша дверь, а вот моя, – сказал Дженсен.

– В моей комнате днем почему-то три окна, – произнес Андерсон, с трудом стараясь подавить нервный смешок.

– Вот те на, и в моей тоже! – сказал юрист, оборачиваясь, чтобы посмотреть на Андерсона. Он стоял почти вплотную спиной к той самой двери. В этот момент дверь открылась, и из неё кто-то протянул костлявую руку и схватил его своими похожими на когти пальцами за плечо. С руки этой свисали пожелтевшие лохмотья, сквозь которые проглядывала белая сморщенная кожа, а кое-где, местами, она была покрыта длинной серой шерстью.

Андерсон оторопел от страха и закричал, будучи не в состоянии побороть в себе чувство гадливости и отвращения, но, правда, успел вовремя оттащить Дженсена подальше от злополучной двери. После чего та снова захлопнулась, и долго за ней было слышно раскатистый смех.

Дженсен не заметил ничего, но после того как Андерсон, захлебываясь и сбиваясь, рассказал какой опасности тому удалось избежать, его охватило невероятное чувство тревоги и он сумел только вымолвить, что им надо поскорей отсюда убираться и запереться в одной из своих комнат.

Пока тот излагал свой план действий, пришел хозяин гостиницы с двумя здоровыми ребятами. Выглядели они весьма внушительно, хотя и вели себя робко. Дженсен принялся им рас-

---

⁹⁴ 'omnis spiritus laudet Dominum, – Всякое дыхание, да хвалит Господа!

сказывать о том, что здесь произошло, только его рассказ отнюдь не прибавил им мужества и боевого настроя.

Они побросали ломы, которые принесли с собой, и категорично заявили, что не намерены рисковать своей шкурой и лезть в этот чертов чулан. Из-за такого их поведения хозяин гостиницы выглядел ничтожным и жалким, он нервничал, при этом тщетно пытаясь скрыть свою нерешительность. В то же время он прекрасно понимал, что если не вступить в бой с этой таинственной силой, то его отель потеряет своих постояльцев, но сам лично браться за это он не хотел. К счастью, Андерсон нашел способ, как вернуть силу духа людям потерявшим её.

– И это та хваленая скандинавская отвага, о которой я так много слышал? – сказал он, – Да там даже не немец, а если бы он был и немец, все равно нас пятеро против одного.

Обоих слуг и Дженсена как будто оса ужалила, набравшись мужества, они кинулись на дверь.

– Стоп! – скомандовал Дженсен. – Ну, вы совсем, ребята, голову потеряли. Слушай меня, хозяин стоит здесь и светит фонарем, один из вас ломает дверь, никто не входит внутрь, все ждут, пока тот, кто там внутри, сам вылезет.

Работники закивали головами, тем самым подтверждая то, что всё прекрасно поняли. Самый молодой вышел вперед, занес свой лом над головой и нанес сокрушительный удар по двери. Результат оказался совсем не тем, какой ожидали. Не было треснувшего дерева, разбитого и разваливающегося на куски от удара, – раздался только глухой звук, как будто удар нанесли по каменной стене. Парень, невольно вскрикнув, выронил лом и начал тереть свой локоть, поскольку вся сила удара пришлась на него. На какой-то момент он своим поведением отвлек их внимание, а вслед за этим Андерсон снова посмотрел на дверь. Двери не было... Перед ними была ровная стена, точно такая же, как и все стены в коридоре гостиницы, правда после удара лома на ней осталась глубокая выбоина. Комната номер 13 исчезла, будто её там никогда и не было.

На какое-то мгновение все словно оцепенели и смотрели, не отрывая глаз, на глухую стену. Внизу, во дворе, проснулся первый петух, и уже до них доносился его громкий раскати-стый крик. Андерсон посмотрел в том направлении, откуда доносился призывный крик петуха, через окно, находящееся в конце длинного коридора, и увидел, как на восточном краешке неба забрезжил молодой рассвет.

* * *

– Вероятно, – с некоторой нерешительностью в голосе произнес хозяин гостиницы, – господа захотят сменить комнаты на эту ночь. А что бы вы, например, сказали на то, если бы я вам предложил двуспальный номер?

Ни Дженсен, ни Андерсон ничего не имели против этого предложения. Пережив такое сильное потрясение, им совсем не хотелось расставаться. Они сочли, что будет правильным, если каждый из них зайдет в свою комнату и заберет оттуда вещи, которые ему могут понадобиться ночью, а другой в это время будет сопровождать его со свечой в руке. При этом они успели заметить, что как в комнате № 12, так и в комнате № 14 сейчас имеется по три окна.

На следующее утро вся компания собралась в номере № 12. Хозяину гостиницы очень хотелось обойтись без посторонней помощи, тем не менее, было необходимо, чтобы та мистика, в которую начала погружаться его гостиница, была развеяна окончательно, еще до того, как пойдут какие-либо слухи. Поэтому ему пришлось снаряжать своих слуг на плотницкие работы. Мебель вынесли прочь, затем ценой несчетного числа поломанных паркетных планок удалось вскрыть тот участок пола, который находился непосредственно рядом с комнатой № 14.

Скорее всего, вы решили, что они нашли там скелет Николаса Франкена, того самого магистра, о котором я рассказывал раньше. Ничего подобного не произошло. Единственное, что им удалось найти между балками, поддерживающими пол, так это небольшую медную коробочку. В ней находился аккуратно сложенный пергамент, содержащий в себе не более двадцати строчек. Причем, как Андерсон, так и Дженсен (который вдобавок ко всему оказался и палеографом⁹⁵) очень заинтересовались этой находкой, ведь она могла дать ключ к таинственным, паранормальным явлениям, происходящим в гостинице.

* * *

У меня есть копия работы по астрологии, которую я никогда не читал. В ней, как фронтиспис, используется деревянная гравюра Ханса Зебальда Бехама⁹⁶ с изображением нескольких мудрецов, сидящих вокруг круглого стола. Эта деталь, вероятно, даст возможность экспертам установить автора этой книги. Я не могу разобрать её название, и к тому же, в настоящий момент прочесть то, что там написано, не представляется возможным. На форзаце её что-то написано от руки. В течение всего того времени, что эта книга находится у меня я не могу понять в каком направлении нужно читать эту надпись, справа налево или слева направо, еще сложнее понять на каком языке она написана. Ничем не отличалось от моих усилий прочесть эту книгу затянувшееся изучение Андерсона и Дженсена того документа, который они обнаружили в медной коробочке.

После двух дней неустанный бдения над пергаментом, Дженсен, который был самым эрудированным из всех присутствующих, несмело высказал предположение, что тот язык, на котором написан этот текст, является либо латынью, либо древним датским языком.

У Андерсона не было никаких возражений на этот счет, только ему очень хотелось отдать эту коробку и манускрипт Историческому Обществу города Виборг, чтобы они их оставили у себя в музее.

Несколько месяцев спустя, когда мы с моим кузеном гуляли в лесу возле Упсалы,⁹⁷ мы зашли в городскую библиотеку, где он и подсказал мне, что нужно посмотреть. Я не мог удержаться от смеха, читая контракт, согласно которому Даниель Сальфениус (немного позже по времени он стал профессором иврита в Кеннинсберге) продал душу Сатане. Правда, Андерсон почему-то от всего этого не особенно веселился.

– Безумец! – сказал он о Сальфениусе, который подписал контракт с Дьяволом, будучи еще студентом, – он видимо даже не подозревал, в каких тенетах он окажется?

После того, как я высказал по этому поводу свои соображения, обычные в подобной ситуации, он мне ничего не ответил, а лишь только пробурчал что-то невнятное себе под нос. После обеда он рассказал мне всю эту историю, которую вы сейчас читаете. В то же самое время он отказался делать какие-либо собственные выводы на этот счет или соглашаться с теми, которые я приводил ему.

---

⁹⁵ Палеография – вспомогательная историческая дисциплина (специальная историко-филологическая дисциплина), изучающая историю письма, закономерности развития его графических форм, а также памятники древней письменности в целях их прочтения, определения автора, времени и места создания.

⁹⁶ Ханс Зебальд Бехам (нем. Sebald Hans Beham, 1500, Нюрнберг – 22 января 1550, Франкфурт-на-Майне) – немецкий художник, график, гравёр эпохи ренессанса. Считается самым выдающимся после Альбрехта Дюрера мастером «малых форм».

⁹⁷ Уппсала ((швед. Uppsala – букв. «Верхняя Палата») – старинный город в Швеции, административный центр одноимённых лена и коммуны. Расположен в исторической провинции Уппланд в 70 км к северу от Стокгольма. С населением более 140 тыс. человек этот город является четвёртым по этому показателю в стране. С 1164 года Уппсала является центром архидиоцеза Уппсалы и местом пребывания архиепископа Церкви Швеции. Основанный в 1477 году Уппсальский университет является старейшим центром высшего образования в Скандинавии.

Граф Магнус

Каким образом эти материалы, на основе которых мне удалось подготовить рассказ, попали в мои руки – есть последнее, о чем я хотел бы сообщить моему читателю. Тем не менее, я считаю необходимым вначале сделать небольшое вступление и рассказать о том в каком состоянии они перешли в мое владение.

Одна их часть состояла из рассказов, взятых из книг о путешествиях. В сороковые и пятидесятые годы томик таких рассказов можно было увидеть в каждом доме. «Дневник пребывания в Ютландии и на Датских островах» Хораса Мэрриэта⁹⁸ – является прекрасным образцом изданий того сорта, о котором я говорю. В таких книгах обычно описывается какой-нибудь неизвестный уголок на континенте. В них присутствуют иллюстрации из гравюр на дереве или стальных пластинках. В подобной литературе, как правило, подробно описываются гостиничные номера и средства коммуникации, эту информацию вы сейчас можете без труда найти в любом хорошо составленном путеводителе. В них всегда приводится огромное количество различного рода бесед с образованными иностранцами, разудалыми хозяевами гостиниц, и словоохотливыми крестьянами. Одним словом, в них слишком много пустой и лишней болтовни.

Если уж говорить о том, как я решил подать материал в рассказе, то мои записи, по мере развития действия в нем, приобретают характер дневника, в котором представлены мысли и переживания одного человека, и подобная форма изложения сохраняется до самой развязки, можно сказать, почти до самого конца.

Автором этих записок является некий господин Раксел. Представляя его, я полагаюсь целиком и полностью на ту информацию, которую он дает о себе и на этом основании я пришел к заключению, что это был человек среднего возраста, владеющий некоторым состоянием, причем абсолютно одинокий в этом мире. Судя по всему, он не имел обетованного угла в Англии, а был завсегдатаем гостиниц и пансионов. Вполне вероятно он подумывал о том, что, в конце концов, было бы неплохо приобрести себе дом в Англии, но этого так и не произошло. К тому же, я думаю, что пожар, произошедший в начале семидесятых, в Пантехниконе⁹⁹, по всей вероятности уничтожил большую часть его имущества и те записи, которые могли бы пролить свет на его происхождение. Так как раз или два он упоминал о своем имуществе, которое хранилось на этом складе.

В дальнейшем удалось выяснить, что господин Ракселл опубликовал книгу, в которой знакомил читателя с отпуском проведенным им в Бретани¹⁰⁰. Более я ничего не могу сказать о его работе. Упорные поиски в библиографических источниках убедили меня в том, что издана эта книга была либо анонимно, либо под псевдонимом.

Что касается его характера, то совсем нетрудно ошибиться и составить о нем ложное представление. Скорее всего, он был умным и образованным человеком. Вполне вероятно, насколько я могу судить, опираясь на свои знания о том, что он планировал и заносил в свой дневник, он собирался стать членом научного общества в своем Брасенос-колледже.¹⁰¹ Самым

---

⁹⁸ Хорас Марриэт был английским путешественником и писателем. Он был сыном бизнесмена Джозефа Марриэта, который имел владения в Вест-Индии и зарабатывал продажей колониальных товаров.

⁹⁹ Слово «Пантехникон» является придуманным, образованным от греческих *pan* («все») и *techné* («искусство»). Первоначально это было название большого заведения на Моткомб-стрит, Белгрэвия, Лондон, которое открылось около 1830 года. Оно сочетало в себе картинную галерею, мебельный магазин и продажу экипажей, а также его южная половина была большим складом для хранения мебели и других предметов. Здание было в значительной степени разрушено пожаром в 1874 году.

¹⁰⁰ Бретань (фр. Bretagne, брет. Breizh; галло Bertaèyn) – регион на северо-западе Франции, составляет большую часть одноименной исторической области. Расположена на северо-западе страны, наодномимённом полуострове, омываемом с севера Ла-Маншем, а с юга Бискайским заливом. Административный центр региона – город Ренн.

¹⁰¹ Брасенос-колледж (вар. Брейзноуз; Brasenose College (BNC), официально King's Hall and College of Brasenose) – один из колледжей Оксфордского университета. Основан в 1509 году. Среди его видных выпускников лауреат Нобелевской премии

главным из его недостатков была чрезмерная любознательность, вполне может быть для любителя путешествовать быть любопытным не так уж и плохо, но наступает час, когда приходится платить за столь болезненное проявление интереса, и тогда такому любителю совать свой нос куда не следует, приходится платить сполна.

О той поездке, в итоге оказавшейся последней, он решил написать другую книгу. Скандинавия – страна, которая еще каких-то 40 лет назад была настоящей загадкой для англичан, поразила и заинтересовала его. Должно быть, он наткнулся на одну из старых книг об истории Швеции или какие-то мемуары, после прочтения которых на него снизошло озарение и он понял, что есть в мире место и для его книги с описанием путешествия по Швеции со вставленными в неё фрагментами, повествующими о жизни известных шведских фамилий. Для достижения этой цели ему удалось получить рекомендательные письма к некоторым влиятельным персонам Швеции, и в начале лета 1863 года он туда и отправился.

Нет никакой необходимости говорить о его поездке на север страны, также не будем останавливаться на его пребывании в Стокгольме, длившемся несколько недель. Мне только стоит упомянуть о том, что один ученый муж, проживающий в Стокгольме, навел его на след, который вел к ценному архиву семейных документов, принадлежащему владельцам древнейшего особняка в Вестергётланде,¹⁰² и раздобыл для него разрешение покопаться в этих бумагах.

Особняк, или *herrgård*¹⁰³, о котором идет речь, называется Råbäck (произносится как – Робек, хотя это его не настоящее имя), он был одним из самых лучших строений такого типа в стране. Причем гравюра в *Suecia antiqua et moderna*,¹⁰⁴ составленном Эриком Дальбергом,¹⁰⁵ является прекрасной его иллюстрацией, именно так он выглядит в глазах туристов и сегодня. Этот особняк был построен сразу после 1600 года, и, на первый взгляд он был очень похож на английские постройки того периода, если учитывать тот материал, который брали для его постройки, – а строили его из красного кирпича и делали облицовку камнем, при этом обращая внимание на архитектурный стиль того времени. Человек, заложивший его, был потомком великого рода Делагарди,¹⁰⁶ его наследники владеют им до сих пор. Делагарди – это то имя, которым я буду их называть, когда потребуются их упомянуть.

по литературе Уильям Голдинг, актёр и писатель Пейлин, Майкл, премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон.

¹⁰² Вестергётланд, или Вестерьётланд (швед. Västergötland) – историческая провинция на западе Швеции. Историческая провинция Вестергётланд находится в западной части страны. На юг от неё лежит историческая провинция Халланд, на запад – пролив Каттегат и исторические провинции Дальсланд и Бохуслен, на восток – провинции Эстергётланд и Смоланд, на север – провинции Верmland и Нерке. Численность населения её составляет 1.229.167 человек (на 31 декабря 2008 года). Плотность населения – 59 чел./км². На юге и востоке провинции раскинулся холмистый ландшафт, переходящий в Южно-Шведскую возвышенность. На западе и севере здесь находятся равнины, часть Средне-Шведской низменности. На северо-западе и северо-востоке Вестергётланда его границы образуют два самых больших озера Швеции – Венерн и Веттерн. Крупнейшая река провинции – Гёта-Эльв – вытекает из Венерна и впадает в Каттегат. Климат – мягкий, влажный. На побережье выпадает до 900 мм осадков в год, в глубине провинции – около 600 мм. Средняя температура января +1°C, июня – +15°C. Крупнейший город Вестергётланда – Гётеборг. Другие большие города – Лидчёпинг, Мариестад, Скара, Бурос, Трольхеттан, Венерсборг.

¹⁰³ Herrgård – особняк, феодальное поместье (швед.).

¹⁰⁴ Suecia antiqua et moderna Древняя и Современная Швеция, сборник гравюр Эрика Дальберга, составленный им в середине 17 столетия.

¹⁰⁵ Эрик Ёнссон Дальберг (швед. Erik Jönsson Dahlbergh; 10 октября 1625, Стокгольм – 16 января 1703, Стокгольм) – шведский инженер-фортификатор, военачальник (в звании фельдмаршала), генерал-губернатор Ливонии с 1696 по 1702 год. Оказал недружелюбный приём Великому посольству и, в частности, Петру I, остановившемуся в Риге в конце марта 1697 года, что впоследствии было использовано российской стороной как один из предлогов для начала Северной войны

¹⁰⁶ Делагарди (швед. De la Gardie) – шведский род французского происхождения, давший Швеции множество военных и государственных деятелей. Происходит из Лангедока. Известен с 80-х гг. XIV в., когда Робер, сеньор Руссоля и Ла Гарди, вступил в брак с Анной Л’Эстандар, принадлежавшей к одному из самых старейших родов Франции. Потомки Робера впоследствии породнились со многими знатными французскими семьями. Представители рода носили фамилию д’Эскуперы, однако часто назывались по принадлежавшим им владениям, среди которых были Руссоля, Ла Гарди, Орнезон и Пуссоля. Основателем шведской ветви стал сын Жака д’Эскуперы Понтус Делагарди (1520–1585), который в 1565 г. вступил на шведскую службу. 27 июля 1571 г. он получил от шведского короля титул барона и баронство Эхольм. Баронская ветвь рода была внесена в

Они приняли его со всем радушием и настаивали на том, чтобы тот оставался в их доме сколь угодно долго, пока ведет свою работу. Тем не менее, предпочтя свободу и независимость и будучи не особенно уверенным в том, что его знания шведского языка достаточны для поддержания беседы, он решил поселиться в деревенской гостинице, которая была во всех отношениях достаточно уютным и удобным местом, особенно в летние месяцы. В силу принятого решения ему приходилось совершать ежедневный моцион до особняка и обратно, причем то расстояние, которое он преодолевал, составляло примерно милю. Сам дом стоял в лесу, укрытый от посторонних глаз разросшимися кронами огромных и древних деревьев. Рядом с домом был сад, обнесенный стеной, а за стеной простирался лес, вплотную обступивший маленькое озеро и выходящий на его берега. Такие озера, подобные блюдцам, были рассыпаны по всей стране. Далеко уходила стена, которой были огорожен сад. Если подняться по крутому склону на холм чем-то напоминавший огромную глыбу, отвалившуюся от какой-то скалы и слегка присыпанную землей, – то среди деревьев, обступающих со всех сторон и не пропускающих свет, можно было увидеть церковь. Весьма любопытным для англичанина было убранство этой церкви и внутри. Неф¹⁰⁷ и приделы были низкими, их опоясывали хоры, оборудованные длинными скамьями. В западной части церкви находился великолепный старинный орган с серебряными трубами, раскрашенный яркими красками. Потолок был ровным и плоским, весь расписанный жуткими картинами Страшного Суда каким-то художником, жившим в семнадцатом столетии. Неистовые языки пылающего пламени, разрушенные города, горящие корабли, отчаявшиеся, возопившие души, а рядом с ними злое и смеющиеся демоны – всё это было там. Солидная медная люстра округлой формы свешивалась прямо с потолка в центре. Кафедра проповедника была похожа на кукольный домик, разрисованный маленькими херувимами и святыми. Подставка, на которой стояли трое песочных часов, была прочно прикреплена шарнирами к столу кафедры. Примечательные вещи, подобные этим, можно увидеть сегодня во многих церквях Швеции. Единственным, что выделяло её из их ряда – была пристройка, находившаяся рядом с восточным крылом. Тот, кто построил себе особняк – построил при церкви и мавзолей для себя и для своей семьи. Этот мавзолей представлял собой довольно большое восьмиугольное здание, свет в него проникал через овальные окошки, стоящие в ряд, венчал его купол похожий на тыкву, из которого торчал острый шпиль, такой архитектурный дизайн в свое время был очень любим шведскими архитекторами. Сверху вся крыша была покрыта медным листом и покрашена в черный цвет, тогда как стены, также как и стены церкви, были побелены известью, такой белой, что смотреть было невозможно – болели и слезились глаза. В этот мавзолей нельзя было попасть сразу из церкви, у него была своя собственная дверь и ступеньки с северной стороны.

За церковным кладбищем была тропинка, ведущая к деревне, и требовалось всего каких-то три или четыре минуты пешей прогулки для того, чтобы оказаться у дверей гостиницы.

В первый день своего пребывания в Робеке господин Раксэлл застал дверь в церковь открытой, благодаря чему он смог описать её интерьер. Именно это описание вкратце я и привел. Тем не менее, в сам мавзолей ему попасть не удалось. Он смог заглянуть только сквозь замочную скважину и кое-что подсмотреть из того, что там находилось, а там были и прекрас-

---

матрикул Рыцарского собрания Швеции в 1625 г., однако в 1640 г. она пресеклась. Сын Понтуса, Якоб (1583–1652), 10 мая 1615 г. был возведен в графское достоинство, получив графство Леккё, а затем Арнсбург. Его ветвь была внесена в матрикул шведского Рыцарского собрания в 1625 г. Во второй половине XVIII в. представители графской ветви Делагарди обосновались в Эстляндии. Однако мужская линия российской ветви рода пресеклась в 1856 г. со смертью графа Карла Магнуса Делагарди (1788–1856), не оставившего после себя потомства. В 1852 г. Карл Магнус усыновил сына своей старшей сестры Марии (1786–1876) Александра Ивановича Бреверна, который унаследовал графский титул и фамилию, которая отныне звучала как Бреверн-де-Лагарди[1]. Граф (с 1852) Александр Иванович Бреверн де Лагарди (нем. Pontus Alexander Ludwig Graf Brevern-de la Gardie; 4 (16) января 1814 – 20 марта (1 апреля) 1890) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии, служивший в русской императорской армии. Брат генерал-майора М. И. Бреверна.

¹⁰⁷ Неф – главный зал (церкви).

ные мраморные изваяния, и саркофаги, покрытые медью, причем вся их поверхность была украшена геральдическим орнаментом. Это вызвало у него непреодолимое желание продолжить свои изыскания и потратить на них гораздо больше времени.

Документы, ради которых он сюда приехал, оказались именно такими, какие ему были и нужны для написания книги. В очень хорошем состоянии находилась семейная переписка и дневники, также и бухгалтерские книги первых владельцев поместья, которые были написаны разборчивым почерком и хранили в себе бесчисленное множество любопытных деталей. Судя по содержанию этих документов можно было понять, что первый из Делагарди был человеком сильным и одаренным. Вскоре после того как особняк был построен в округе начались волнения, крестьяне восстали и напали на несколько дворцов знати, и в результате нанесли серьезный ущерб. Владелец поместья Робек возглавил тех, кто решил подавить этот мятеж, в документах говорилось о казни зачинщиков и жестокой расправе над мятежниками, не знающей пощады рукой.

Портрет Магнуса де ла Гарди, так звали основателя рода, больше всех других картин в доме притягивал к себе внимание, поэтому господин Раксэл, проведя целый день за работой, изучал его с немалым интересом. Он не дает подробного описания этого портрета, по его мнению, лицо этого человека поражало отнюдь не добродетелью или красотой, а какой-то сверхъестественной внутренней силой. При этом надо отметить, что писал он о графе Магнусе как о чуть ли не феноменальном уроде.

В тот день господин Раксэл обедал вместе со всей семьей, после чего ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, он отправился к себе в гостиницу.

– Я хорошо помню, – пишет он, – как спросил церковного сторожа, которого встретил возле церкви, сможет ли он впустить меня в мавзолей. Он, вне всяких сомнений, имел туда доступ, так как я видел его однажды вечером стоящим на его ступеньках, и, как мне тогда показалось, он закрывал, хотя может быть и открывал дверь.

В его записках я нашел подтверждение тому, что утром следующего дня господин Раксэл разговаривал с хозяином. Он написал об этом очень подробно, тем самым вызвав у меня сильное удивление. Впрочем, вскоре я понял, что страницы, лежащие передо мной, по крайней мере с самого их начала, были готовым материалом для той книги над которой он работал. Также мне удалось понять и то, что они являются ни чем иным, как подобием журналистской стряпни в которую подмешивают диалоги.

Его целью было, как он говорит, найти какие-нибудь свидетельства о графе Магнусе, из которых можно было бы узнать то, чем он жил, почитал его народ или нет. Из этих летописей ему удалось выяснить, и это можно сказать с абсолютной уверенностью, что особой популярностью среди народа граф не пользовался. В том случае, если его издольщики¹⁰⁸ опаздывали на работу в те дни, когда они должны были работать на него как на хозяина поместья, – он растягивал их на деревянной скамье и порол их, а затем клеймил во внутреннем дворе своего особняка. Было два случая, когда люди попытались отнять у него участки земли, так вот, зимой, каждый своей ночью, дома этих людей таинственным образом сгорели вместе с их семьями и детьми, находящимися в этих домах. К тому же, есть еще одна вещь, о которой больше всего беспокоился хозяин гостиницы, причем к этой теме он возвращался не один раз, – это то, что граф пошел по Черному Пути, и, судя по всему, умел вызывать какого-то Демонического Духа.

Само собой разумеется, вы захотите узнать, как и повел себя господин Раксэл, что это такое – Черный Путь. При этом ваше любопытство, к моему сожалению, так и останется не удовлетворенным, поскольку вывести что-нибудь об этом не удалось и ему. Хозяин явно не хотел касаться этой темы, говоря точнее, вообще не желал отвечать на этот вопрос. Именно в этот момент его куда-то позвали, поэтому он, явно тому обрадовавшись, поспешно удалился.

---

¹⁰⁸ Истор. земледелец, платящий за аренду земли долей урожая

Лишь только несколько минут спустя он засунул свою голову в полуоткрытую дверь, чтобы сообщить о том, что его срочно вызвали в Скару¹⁰⁹ и он вернется только к вечеру.

Так и не выяснив, что же это такое – Черный Путь, господину Раксэлу пришлось приступить к своей работе в особняке, к той, которой он занимался ежедневно. Записки и документы, на которые он в скором времени наткнулся, направили его мысли совсем в другое русло. Его внимание привлекла переписка между Софией Альбертиной из Стокгольма и её замужней кузиной Ульрикой Элеонорой, которая жила в Робеке в период с 1705 по 1710 годы. Эти письма были чрезвычайно интересны в том плане, что проливали свет на культурные традиции, существовавшие в Швеции в то время, любой из тех, кому удалось прочесть полную публикацию этих писем в изданиях Шведской Комиссии по Историческим Манускриптам, может это подтвердить.

После обеда он закончил с этими письмами. Затем, поставив ящики с ними на свое законное место, он, как и следовало ожидать, решил посмотреть несколько томов из стоявших рядом для того, чтобы выбрать с какого из них будет лучше всего начать свою работу на следующий день. Полку, на которую он наткнулся, главным образом занимали бухгалтерские книги, написанные от руки самим графом Магнусом, хотя среди них и затесалась одна, попавшая туда явно из другой компании. Эта была книга по алхимии, переплетенная в один том вместе с другими наиболее известными мистическими трактатами из существовавших в шестнадцатом столетии. Поскольку господин Раксэл был не особенно хорошо знаком с мистическими трактатами, особенно по алхимии, ему потребовалось очень много времени на то, чтобы правильно прочитать заголовки. Там была «Книга Феникса», «Книга Тридцати Слов», «Книга Жабы», «Книга Мириам», «*Turba philosophorum*», – и другие. Он очень обрадовался, когда случайно наткнулся на лист, который специально был оставлен почти чистым в середине книги. На нем был заголовок – «*Liber nigrae peregrinationis*¹¹⁰» и еще несколько строк, всё это было также, без всяких сомнений, написано самим графом Магнусом. На самом деле и этого было вполне достаточно для того, чтобы понять, о чем этим утром пытался сказать хозяин дома, упомянув о религии такой же древней, как и этот Мир, и о том Пути, которому, по всей видимости, следовал граф Магнус. Здесь я привожу перевод настоящего фрагмента на английский:

«Если человек хочет прожить долгую жизнь, заручиться покровительством доброго ангела и увидеть, как прольется кровь его врагов, то первым делом ему надо отправиться в город Хоразин¹¹¹ и предстать там перед принцем...». – В этом месте слово было затерто, но не полностью, поэтому господин Раксэл был абсолютно уверен в том, что сумел его разобрать правильно и это слово следует читать как *aeris*¹¹² (из воздуха). Далее ничего, лишь только одна строчка на латыни: *Quaere reliqua hujus materiei inter secretiora*. (Остальное смотрите среди материалов личного характера).

Нельзя отрицать того, что из-за тех зловещих эманаций, которые исходили от всего, к чему прикасался граф, у господина Раксэла, родившегося почти три столетия спустя, возникла мысль о том, что вполне вероятно тот приобрел свое могущество благодаря алхимии, а вместе с ней и занятием черной магией. Причем, это его увлечение сделало эту влиятельную фигуру еще более заметной. Поэтому, когда после длительного созерцания картины, висевшей в холле, на

---

¹⁰⁹ Скара (швед. Skara) – город в Швеции. Город Скара находится на западе Швеции, на территории лена Вестра-Гёталанд и исторической провинции Вестергётланд.

¹¹⁰ *Liber nigrae peregrinationis* – Книга Черного Пути (лат.).

¹¹¹ Коразим или Хоразин – древний город в Верхней Галилее, в Израиле. Находится в 3,5 км к северу от Капернаума. Был разрушен до 339 года. Евреи жили здесь также в V–VII и XIII–XV веках. Сейчас представляет собой тель. Большая часть строений сделана из чёрного базальта. При раскопках были обнаружены остатки синагоги III–IV веков. Среди декора символы иудаизма и греческой мифологии. Содержит скульптурную композицию – двух каменных львов. Была также найдена миква.

¹¹² *Aer* *āēr*, *āeris* (os, a и em, e, um, ibus) (y) ( ) 1) воздух, атмосфера (*matutinus*; *salubris*) *āera* *findere* – рассекать воздух (о птицах) *ae. quietus* (*placidus*) – безветрие 2) туман (*obscurus*) 3) вершина, верхушка *summus a. arboris* – верхушка у дерева 4) погода, климат (*temperatus*) (лат.).

которой был изображен первый де ла Гарди, он отправился по привычному пути домой, все его мысли были сосредоточены именно на графе Магнусе. Его глаза не видели всей той красоты, что его окружала. Он не воспринимал восхитительных ароматов леса, не замечал чудесного света, озарившего озеро. А когда он внезапно остановился, то был очень удивлен тому, что вместо того, чтобы оказаться у гостиницы, куда он должен был прийти, он оказался у ворот на церковное кладбище. И в этот момент его глаза помимо его собственной воли уставились на мавзолей.

– А, – произнес он, – граф Магнус, здравствуйте. Я буду очень рад встрече с Вами.

– Как и многие убежденные холостяки, – писал он, – я имею привычку говорить с самим собой вслух, и, в отличие от греческих и римских аристократов, в ответ на свое приветствие я и ожидал гробовой тишины. Само собой разумеется, возможно даже к моему счастью, на этот раз я не услышал ничего из того, что можно было бы принять за малейший намек на ответ. Лишь только женщина, которая, как я полагаю, как раз в тот момент убирала в церкви, уронила какой-то металлический предмет на пол и от раздавшегося лязга я вздрогнул. А граф Магнус, я думаю, спал крепким сном.

Вечером того же дня хозяин гостиницы, который уже знал о том, что господин Раксэл желает встретиться с приходским священником или дьяконом (как их называют в Швеции), познакомил его с ним в фойе гостиницы. Усыпальницу Де ла Гарди они решили посетить на следующий день, а после своего знакомства немного времени провели за беседой на общие темы.

Господин Раксэл знал, что в обязанности дьяконов в Швеции входило обучать претендентов на получение конфирмации,¹¹³ таким образом, он мог надеяться освежить в своей памяти знание Библейских притч.

– Вы знаете что-нибудь о Хоразине?

Похоже, что дьякон был сильно удивлен, но с готовностью рассказал ему то, что знал об этом городе, в основном плохого.

– Чтобы лучше понять, – спросил господин Раксэл, – я полагаю, там сейчас одни руины остались?

– Да, наверное, так, – ответил дьякон, – Я слышал от наших старых священников, что там Антихрист должен был родиться, и еще многое рассказывают...

– А что рассказывают? – заинтересовался господин Раксэл.

– Всякое. Я уже и забыл, – ответил дьякон, и вскоре после этого ушел, пожелав постояльцу доброй ночи.

Сейчас хозяин гостиницы был один. Поэтому Раксэл быстро сообразил, что тот сейчас находится в полном его распоряжении, а этот пытливый вопрошатель не собирался его шадить.

– Господин Нильсен, – сказал он, – я кое-что узнал о Черном Пути. Вы можете мне рассказать то, что вы об этом знаете. Какие таинственные силы граф умел вызывать?

Возможно по той причине, что шведы имеют привычку медлить и не сразу отвечать на вопросы или потому что хозяин гостиницы сам был медлительным по природе своей, я не могу сказать точно, только господин Раксэл пишет, что хозяин гостиницы более минуты рассматривал его с головы до ног, после чего, подойдя к нему совсем близко, дрожащим от напряжения голосом, произнес:

– Господин Раксэл, я могу рассказать вам одну историю, но больше вы от меня не услышите ни единого слова, а когда я закончу свой рассказ, не спрашивайте меня ни о чем... В те времена, когда жил мой дедушка, а было это девяносто два года назад, жили два человека, которые говорили: «Граф помер: что нам до него. Вот мы возьмем, соберемся и пойдем в его

---

¹¹³ Миропомазание, конфирмация (церковное таинство у католиков, совершается над детьми 7-12-летнего возраста) Syn: chrismation б) конфирмация (у протестантов: обряд приобщения подростков к церкви).

лес, и будем там охотиться, сколько душа пожелает» – это они говорили о том дальнем лесе, что на холме за Робекком. Ну а те, кто слышал их похвалбу, отвечали им: "Не ходите. Мы знаем, там вы встретите тех, кто ходит, когда они должны покоиться в гробу, а не ходить». А эти же в ответ только смеялись. В том лесу не было лесников, которые должны были следить за ним, потому что никто не хотел жить там. Раньше когда-то был, но он умер, вся его семья уехала, и дом лесника стоял пустой. Так что эти двое могли делать в лесу всё, что только пожелают.

Наконец, наступила ночь, когда они собрались и пошли в лес. Мой дедушка сидел здесь в этой комнате. Было лето, и ночь была светлая. Через открытое окно он мог наблюдать за лесом и слышать всё, что там происходит.

Вот, здесь, на этом месте, так он и сидел, а вместе с ним двое или трое других мужиков сидели рядом и слушали. Сначала, вроде как, ничего не было слышно. А потом..., знаете, как отсюда далеко до леса..., так вот, вдруг они слышат, как кто-то кричит, да так кричит, как будто из его тела с корнем вырывают самую душу. Они собрались все вместе в одной комнате, и так и просидели три четверти часа с места не вставая. А тут вдруг опять услышали, как будто кто-то ходит рядом, всего в каких-то трех сотнях элей.¹¹⁴ В тот момент тот, кто ходил, вдруг начал смеяться. Но это был смех ни одного из тех, кто ушел в лес, а это был какой-то совсем другой смех, и как они все потом говорили, это вообще был смех не человеческий... Потом они услышали, как кто-то со всей силы хлопнул дверью...

Только когда рассвело и солнце поднялось, они пошли к священнику. Они ему сказали:

– Отец! Надевайте свою ризу и раф¹¹⁵, пойдемте с нами. У нас двое покойников: – Андерс Бьорнсен и Ганс Торбьёрн.

Вы понимаете, они были уверены в том, что эти двое уже мертвы. Ну, значит, идут они по лесу..., а мой дедушка запомнил всё очень хорошо. Он говорил, что они сами, те, кто с ним был, были больше похожи на ходячие трупы, и священник тоже, тот был весь белый от страха. Он им сказал, когда они шли:

– Я слышал крик ночью, а потом я услышал хохот. Если я не смогу этого прогнать от себя, я никогда не смогу сомкнуть глаз и заснуть.

– Дело было так, они пришли в лес, и там, на опушке они нашли тех, кто не вернулся этой ночью. Ганс Торбьёрн стоял спиной к дереву и постоянно что-то отталкивал от себя руками – всё толкал и толкал, а что никто не мог понять, что-то невидимое. Тем не менее, он был живой, вот только говорить не мог, немой стал. Они привезли его обратно в деревню, а потом отправили в Нючёпинг,¹¹⁶ к родне, там он и помер еще до наступления зимы. Всё то время, пока он был жив, он так и толкал от себя непонятно что. Андерс Бьёрнсен тоже был там, но он был мертв. Вот что я расскажу вам об Андерсе Бьёрнсене. До того дня это был красивый парень, а когда они его нашли, там в лесу, у него лица не было, потому что всё мясо с кожей до самых костей было содрано. Вы можете такое представить? Мой дед на всю оставшуюся жизнь запомнил это. Они положили его на носилки, на которых носят покойников, и накинули на его голову саван, а священник пошел первым. Они начали петь псалмы за упокой, правда, пели они, кто во что горазд. Так вот, когда они уже дошли до последней строки первого псалма, один из них, тот который нес эти носилки спереди, споткнулся и упал, все сразу посмотрели на носилки, смотрят, а покрывало сползло, и глаза у Андерса смотрят, как у живого, прямо

---

¹¹⁴ Эл – эль (мера длины; расстояние от вытянутого среднего пальца до верхней точки плеча; в Англии равна 45 дюймам, или 114 см; в Шотландии – 37 дюймам, или 94 см).

¹¹⁵ Раф (англ. ruff), также фр́эза (фр. fraise), горпреа (исп. gorguera), «мельничный жернов» – круглый плоённый (гофрированный) брыжжевый (польск. bryże от ср.в. нем. bris(e) – «кайма») воротник из накрахмаленной ткани или кружев, который плотно охватывал шею; принадлежность мужского и женского костюма представителей разных классов, жителей Западной, Центральной и Северной Европы в XVI–XVII веках.

¹¹⁶ Нючёпинг (швед. Nyköping) – город в Швеции на берегу Балтийского моря, центр лена Сёдерманланд и одноимённой коммуны. В 16 веке был резиденцией короля Карла IX. Подвергался крупным пожарам в 1390, 1665, 1719, 1825 гг. В 1719 году был практически полностью уничтожен русскими войсками.

вверх и ничего не видят. Такого они вынести не могли. Поэтому священник положил опять на его голову саван и послал за лопатой, там они его и похоронили.

На следующий день, пишет господин Раксэл, дьякон зашел за ним вскоре после завтрака и они отправились вместе в мавзолей. Он рассказывает, что ключ от мавзолея висел на гвозде, как раз возле кафедры. В этот момент ему пришло в голову, что неплохо было бы, если бы дверь в церковь оставалась открытой, а, как правило, так и бывало. Тогда ему особого труда не составит улучшить момент, взять ключ и самому туда проникнуть. Тем более, было бы неплохо всё это проверить на тот случай, если вдруг окажется, что там имеется гораздо больше вещей, способных пробудить интерес исследователя, чем можно было заметить после поверхностного осмотра во время первого визита. Мавзолей, после того как он оказался внутри, не произвел на него сильного впечатления. На памятниках, представляющих из себя главным образом громоздкие монументы семнадцатого и восемнадцатого веков, богато украшенные орнаментом, были выгравированы имена, причем там присутствовало большое количество эпитафий и геральдической символики. В центре комнаты с высоким потолком, куполом поднимающимся в самую высь, стояло три саркофага, покрытых сложнейшим орнаментом, искусно нанесенным рукой настоящего мастера. На крышках двоих из этих саркофагов, как это принято в Дании и Швеции, были металлические распятия. На третьем, который, как оказалось впоследствии, был саркофагом самого графа Магнуса, вместо распятия был выгравирован его объемный портрет в полный рост, а по краям от его изображения виднелось несколько переплетающихся ветвей орнамента с изображением различных сцен. Одна из них – была сцена битвы с изображением пушки, из которой валил густой дым. Были там и стены городов – крепостей, и отряды копьеносцев. Вторая сцена – была сценой казни. А на третьем фрагменте было видно, как через лес со всех ног бежит человек, волосы его развеваются по ветру, а руки раскинуты в разные стороны, причем за ним кто-то или что-то гонится. При этом трудно сказать, то ли художник хотел нарисовать преследователя человеком, но не смог передать требуемого сходства, или он преднамеренно пытался изобразить чудовище, каким это существо и казалось. Принимая во внимание мастерство художника, с каким была выполнена вся его работа, господин Раксэл скорее склонялся к тому, что здесь больше подходит последнее. Существо это было очень маленького роста и почти всё было закутано в какой-то плащ с капюшоном, волочившимся за ним по земле. Видна была только единственная конечность этого существа, которая оставалась не прикрытой плащом, как бы вытягивающаяся из того места, где у человека должно быть плечо. Как объясняет господин Раксэл, эта конечность была чем-то похожа на щупальце осьминога. Далее он пишет: – Увидев это, я сказал себе, – По-видимому, здесь скрывается какая-то аллегория, – это образ, который олицетворяет демона, преследующего заблудшую душу. Возможно, здесь выражена сама сущность предания о графе Магнусе и его таинственном покровителе. Надо посмотреть на то, как выглядит сам ловчий. Нисколько не сомневаюсь, что он будет изображен в виде демона, дующего в рожок. Как он не искал, каких либо других таинственных или демонических персонажей больше не находил. Было еще одно очень нечеткое изображение мужчины закутанного в плащ, стоящего на холме, словно утопающее в тумане. Он стоял, опершись на трость, и с интересом наблюдал за сюжетом травли, развернувшейся перед его глазами, что действительно удалось передать граверу со всем присутствующим ему мастерством.

Господин Раксэл обратил внимание на стальные висячие замки, внушительных размеров и очень тяжелые с виду, которые должны были обеспечивать сохранность саркофагов – их было три. Также он заметил, что один из них был сорван и валялся на полу, в проходе. Затем, не желая более задерживать дьякона или тратить понапрасну свое драгоценное время, он пошел в особняк.

– «Интересно», – пишет он, – «Почему иногда бывает так, когда идешь по одному и тому же маршруту, который ты проходил уже много раз, вдруг перестаешь отдавать себе отчет,

как одни мысли сменяют другие, и ты уже не замечаешь того, что происходит вокруг тебя. Сегодня вечером (а это со мной было уже во второй раз), я абсолютно не понимал куда иду, причем, я планировал сам лично посетить мавзолей и скопировать там эпитафии. В какой-то миг, внезапно, я ловлю себя на мысли, что открываю калитку на церковное кладбище, и в этот момент я всем своим существом осознаю, что монотонно повторяю как заклинание слова: – Вы уже проснулись, граф Магнус? Как, Вы еще спите? – потом еще что-то чего я не могу вспомнить. По-моему, я всё это время был словно под очень сильным гипнозом».

Он нашел ключ от мавзолея на том самом месте, где тот и должен был лежать. После этого он скопировал большую часть из того, что собирался скопировать. Если уж говорить по существу, то он оставался совершенно один в этом мрачном склепе до тех пор, пока освещение не стало настолько слабым, что он уже был не в состоянии ничего толком видеть.

«Должно быть, я ошибся в том, что всего один из висячих замков на саркофаге графа был открыт. Сегодня я нашел два открытых замка. Я взял их, осмотрел, и, после тщетной попытки закрыть, очень бережно положил на наружный подоконник. Висеть оставался только один замок, мне кажется у того пружинный затвор. Никак не могу понять, как он открывается. Ох, лучше бы мне туда не лезть, похоже, я уже начинаю бояться того, что смогу открыть саркофаг. Какая-то неведомая сила влечет меня туда, и в то же самое время я все равно боюсь чего-то ужасного и жестокого, а вместе с тем мрачного и великого, отдающего глубокой стариной».

Как выяснилось, следующий день обещал быть последним днем пребывания господина Раксэла в Робекке. Он получил письма, в которых говорилось о том, что для него было бы весьма желательным вернуться в Англию. Его работа с документами в поместье практически подошла к концу, тем не менее, свой отъезд он отложил. Он решил, что будет неплохо сначала попрощаться с обитателями поместья, сделать свои последние записи, а после этого можно и уезжать.

На самом деле дорожные сборы и прощание с людьми, оказавшими ему столь теплый прием, заняли гораздо больше времени, чем он ожидал. Гостеприимная семья настояла на том, чтобы тот отобедал с ними. Обедали они в три. Было уже около половины седьмого вечера, когда он должен был уехать из Робека, только напоследок он решил совершить променады. Во время прогулки по берегу озера он останавливался чуть ли ни на каждом шагу, пытаясь впитать всем своим существом осознание того, что настал последний миг, когда его нога ступает по этой земле. Он хотел забрать с собой все впечатления, связанные с этим местом и теми днями, которые он провел здесь. Поднявшись на вершину холма, на которой стояла церковь, он остался там на несколько минут, вглядываясь в бескрайний простор над вершинами высоченных деревьев, начинающихся от самого холма и уходящих в бесконечную даль, словно пытаясь охватить их взглядом. Они словно были выделены темным, почти черным контуром на фоне светлого неба, озаренного слабыми зеленоватыми отблесками. И когда, наконец, он обернулся, собираясь уже навсегда покинуть это место, ему неожиданно захотелось, во что бы то ни стало, попрощаться с графом Магнусом и всеми покойными Делагарди, лежащими в усыпальнице. Гробница была всего в каких-то двадцати ярдах от церкви, кроме того он знал, где висит ключ. Спустя всего несколько мгновений он уже стоял возле огромного медного саркофага, по привычке разговаривая с самим собой: – Граф, Вы, надо полагать, в свое время были большим проказником, – говорил он. – Не смотря на это, я очень рад нашему знакомству, и, знаете...

– В это момент, – пишет он, – я почувствовал, как что-то тяжелое упало на мою ногу. Я тут же убрал ее, а этот тяжелый предмет свалился на пол с лязгом и грохотом. Это был третий, последний из трех замков, на которые был закрыт саркофаг. Я наклонился для того чтобы поднять его и... Господь свидетель тому, что я говорю чистую правду, я уже хотел выпрямить спину и встать во весь рост, как услышал скрежет металлических петель и увидел, как поднимается крышка саркофага... Быть может, в тот момент я повел себя как последний трус, но я не мог больше находиться там ни одной секунды. Я вылетел из этого ужасного склепа стрелой, потратив на это меньше времени, чем мне требуется для того, чтобы написать одну букву,

почти с той скоростью, которая мне нужна для того чтобы произнести слово. А еще сильнее меня напугало то, что я не мог закрыть замок на ключ. Сейчас, когда я сижу в своей комнате и записываю всё это, я пытаюсь вспомнить, как долго стоял этот металлический скрежет, и сколько не ворошу в своей голове, никак не приходит на ум слышал я его еще тогда или уже нет. Единственное, что я почувствовал, так это чье-то присутствие, я точно не могу сказать, кто это был или что это было, только это меня очень сильно напугало. Сколько я не копаюсь в памяти – не могу сообразить, то ли я услышал какой-то странный звук или может быть увидел какую-то тень, или какого-то призрака, не знаю... О, Боже Всемогущий, какие таинственные силы я разбудил?

Бедный господин Раксэл! Он, как и планировал, отправился на следующий день в Англию и добрался до неё без приключений. Всё это мне удалось понять из его записей, накарябанных изменившимся почерком. Один из тех его блокнотов, которые попали мне в руки вместе с другими бумагами, дает не то чтобы ключ, а некоторое объяснение того, что ему пришлось пережить. Основной путь он проделал на барже. Из этих записок я понял, что он предпринял не менее шести попыток пересчитать и описать своих попутчиков. Записи были такие:

24. Пастор из деревни в Сконе.¹¹⁷ Одет в обычную черную сутану, на голове мягкая черная шляпа.

25. Коммивояжер из Стокгольма направляется в Тролльхеттан.¹¹⁸ На нем черный плащ, коричневая шляпа.

26. Человек в черном плаще, в широкополой шляпе, одет очень несовременно.

Это место подчеркнуто, и добавлено еще: Возможно, он едет вместе с пассажиром № 13, я еще не видел его лица, если говорить о № 13, то он похож на католического священника в сутане.

Конечный результат подсчета всегда оказывался один и тот же. В результате получалось, что на барже переправлялось двадцать восемь человек, среди них было двое странных и чем-то отличавшихся от остальных людей: один был одет в длинный черный плащ и широкополую шляпу, а другой был невысокого роста и одет он был в темный плащ с капюшоном. В то же время из записок понятно, что на берег выходят только двадцать шесть пассажиров, причем видно, что отсутствуют как раз эти двое: странный мужчина в длинном черном плаще и человек маленького роста в плаще с капюшоном.

После того, как господин Раксэл достиг берегов Англии становится понятно, что он высадился в Харидже¹¹⁹. Здесь он решил во что бы то ни стало избавиться от своих попутчиков, которых он точно не описывает, но явно указывает как своих преследователей. Не питая дове-

---

¹¹⁷ Сконе (швед. Skåne, лат. Scania; до революции также Шония, Скания) – историческая провинция в южной Швеции, в историческом регионе Гёталанд. Границы провинции практически совпадают с границами современной административной единицы лена Сконе, лишь незначительная часть лена относится к провинции Халланд.

¹¹⁸ Тролльхеттан или Тролхеттан (швед. Trollhättan) – город на западе Швеции, центр одноимённой коммуны лена Вестра-Гёталанд. Расположен на реке Гёта-Эльв у водоската Тролльхеттан (швед. Trollhättefallen), вокруг которого построен Тролльхетте-канал (входящий в систему Гёта-канала).

¹¹⁹ Харидж (англ. Harwich; уст. Гарвич) – город и глубоководный порт в районе Тендринг, графство Эссекс, Англия, расположенный на берегу Северного моря, в устьях двух рек Стур и Оруэлл. Это самый северный прибрежный порт в Эссексе. К северо-востоку от Хариджа, на другом берегу Хариджской гавани, находится его ближайший сосед, портовый город Филекс-тоу. Город был основан в 1238 году, хотя есть данные, [источник не указан 2680 дней] что посёлок на данном месте существовал уже в 1177 году. На местности имеются и признаки возможного древнеримского поселения. Из-за своего стратегического положения, 11 ноября 1688 года Харидж был выбран для вторжения в Англию Вильгельмом Оранским. Однако, неблагоприятные ветры заставили его флот отойти от берегов и в конце-концов высадиться в Торбей. Писатель Даниель Дефо посвятил городу несколько страниц в своих путевых заметках, когда посещал город в 1722 году. Городской форт он назвал «грозым и внушительным», а гавань «громыхающих размеров».

рия к железной дороге для целей дальнейшего путешествия он нанял крытую бричку¹²⁰, на ней он решил отправиться через всю страну в местечко Белчеп Сейнт Пол¹²¹. Было уже около девяти вечера когда он только собирался отправиться в путь, стоял август и ночь обещала быть лунной, он сидел на переднем сиденье и смотрел в окно на поля и кусты на обочине, с этого места неплохо было видно и того, кто едет за тобой следом. Становилось всё темней, приближалась ночь, путь предстоял длинный. Он не успел заметить, как они оказались на развилке дорог, неподвижно, как два каменных изваяния, стояло там две фигуры, закутанные в черные плащи. На незнакомце высокого роста была шляпа, а голова того, который был пониже, была полностью укрыта капюшоном. Он не успел рассмотреть их лица, также и понять зачем они здесь. Вдруг лошадь словно обезумела, отпрянула в сторону, а затем понеслась неудержимым галопом. В этот момент на него свалилось чувство обреченности, до боли сдавило живот и засосало под ложечкой, он откинулся на спинку своего сиденья, глубоко утопая в нем, и почувствовал, как лоб покрылся капельками пота и комок подступает к горлу, этих двоих он уже где-то видел.

Добравшись до городка Белчеп Сейнт Пол, он сумел снять приличное меблированное жилье. Благодаря этому следующие двадцать четыре часа он прожил, можно сказать, относительно спокойно. Я держу в руках страницы, написанные им в самый последний день его жизни. Они настолько бессвязны, полны обрывков фраз и междометий, поэтому я не буду их приводить, правда, не смотря на это, то, что он хотел сказать понять можно. Он ждал пока его преследователи каким-нибудь образом сами проявят себя, при этом он не знал, где произойдет их встреча, только он постоянно о ней думал и восклицал: «Что я такого сделал? – Неужели нет больше никакой надежды?». – Доктора, которых он посещал, считали его невменяемым, полицейские открыто потешались над ним, даже священник и тот всячески избегал его. Так что же ему оставалось делать? Разве только закрыть дверь на замок и молить господу Бога о спасении?

Люди до сих пор вспоминают случай, который произошел в том году в городке Белчеп Сейнт Пол. Августовским вечером очень странный с виду джентльмен появился на улицах этого городка, а потом нашли его труп. В результате проведенного расследования было установлено, что этот человек потерял сознание и умер. Врачи констатировали смерть и ни один из них не пожелал говорить об этом случае. Суд присяжных провозгласил вердикт – смерть от психического недуга. На той же неделе хозяева того дома, в котором он останавливался, решили переехать и уехали прочь из города. Я уверен, они даже и не подозревали о том, что пробьется слабый луч истины, который поможет рассмотреть этот таинственный случай в правильном свете. Вышло так, что спустя некоторое время этот небольшой дом перешел в мое владение по наследству. Он стоял пустым с 1863 года, и никто не верил в то, что он будет когда-нибудь продан. По понятной причине, мне пришлось его сломать и разобрать, а записи, которые я представляю вам в сжатой форме, лежали в заброшенном чулане, дверь в который находилась под окном самой лучшей из его спален.

---

¹²⁰ Бричка (польск. bryczka, bryka) – известная с XVII века лёгкая повозка для перевозки пассажиров. В России была распространена в основном на Западе и Юге. Кузов мог быть как открытым, так и закрытым и крепился на двух эллиптических рессорах. Верх делали кожаным, плетёным или деревянным, иногда его утепляли; были модели и без верха. В России брички делали обычно без рессор, тогда как в Западной Европе чаще на рессорах и с откидным верхом. В Польше нередко брички были двухколёсными. В бричку запрягали одну или пару лошадей. Кучер мог сидеть на козлах или рядом с пассажиром.

¹²¹ Белчеп Сейнт Пол – является деревенским и гражданским приходом в Эссексе, Англия. Он расположен примерно в 8 км к западу от Садбери, Саффолк и в 37 км к северо-востоку от графства Челмсфорд. Это недалеко от Бельшам Оттен и Бельшам Вальте.

Ты только свистни, дружок, и я приду

– Профессор, похоже, настала пора Вам уезжать, ведь учебный год уже закончился, – сказал человек, не имевший личного знакомства с нашим профессором онтографии¹²², оказавшись с ним за одним столом во время торжественного банкета в зале колледжа Сент Джеймс, радушно встречающем гостей.

Несмотря на свою молодость, профессор был человеком редкого ума, к тому же он был педантичен и очень осторожен в выборе слов и выражений.

– Да, – ответил он, – мои друзья настаивают на том, чтобы в этом году я принял участие в игре в гольф, поэтому я собираюсь поехать на Восточное Побережье, а точнее в Бернстоу¹²³ – надеюсь, вы знаете, где это находится? Неплохо было бы побыть там недельку, а может быть дней десять, хочу поработать над своей техникой. Надеюсь, что завтра уже уеду.

– Кстати, Паркинс, – сказал человек, сидевший напротив них с другой стороны стола, – если Вы собираетесь в Бернстоу, то совсем неплохо было бы, если Вы там посетили развалины монастыря ордена Храмовников¹²⁴, а потом сообщили мне, как на ваш взгляд, стоит ли там заниматься раскопками этим летом или нет.

Как возможно вы уже догадались, это и был наш антикварий – человек, занимающийся поиском старинных манускриптов. Принимая во внимание то, что это единственное место, где он появляется в этом рассказе, будем считать, нет никакой необходимости называть его имя.

– Безусловно, – ответил Паркинс, так звали профессора. – При том условии, что Вы мне скажете, где расположено то место, которое вас интересует. Со своей стороны я сделаю все от меня зависящее для того, чтобы после моего возвращения у Вас сложилось о нем верное представление. Кстати, будет еще лучше, если я напишу Вам об этом в письме. Само собой разумеется, если Вы мне сообщите адрес того места, где Вы будете находиться в это время.

– Благодарю вас, профессор, не утруждайте себя. Я сказал об этом лишь только потому, что собираюсь этим летом поехать с семьей отдыхать куда-нибудь, как раз в том направлении. К тому же, учитывая то, что, как мне это известно, не многие из обитателей храмовников в Англии в прошлые времена были правильно спроектированы и построены, возможно, для меня представится такая возможность сделать что-нибудь полезное за свой отпуск.

Профессор даже презрительно фыркнул носом, услышав о том, что о планировке развалин можно говорить как о чем-то хоть в какой-то мере полезном. Его сосед продолжал:

– Кстати, то место, которое меня интересует, боюсь, как бы его уже не сровняли с землей. Оно должно находиться где-то совсем рядом с берегом. Вы же знаете, что море там стремится захватить всё, что есть на том клочке земли. Как я могу судить по карте, развалины Храмов-

---

¹²² Онтография (греч., от *on*, *ontos* – существующее, и *grapho* – пишу). Описание предметов или существ. (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – Чудинов А.Н., 1910.) Имеет отношение к *онтологии*. Онтология (новолат. *ontologia* от др. – греч.) – учение о сущем; учение о бытии как таковом; раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия, его наиболее общие сущности и категории, структуру и закономерности. Философское учение об общих категориях и закономерностях бытия, существующее в единстве с теорией познания и логикой.

¹²³ Бернстоу – вымышленное название. Вероятно, под Бернстоу надо понимать Филликстоу, находящийся в Суффолке, согласно примечаниям, сделанным самим Монтегю Родсом Джеймсом к его CGS (*Christmas Ghost Stories*). См. также «Трактат Миддот», где Уильям Гаррет отправляется в Бернстоу-он-Си.

¹²⁴ Община ордена Храмовников находилась в Корнуэлле Корнуэлл (англ. Cornwall, корнск. Kernow) – графство и унитарная единица (как часть) на юго-западе Англии. Входит в состав региона Юго-Западная Англия. Столица – город Труро. Население – 515 тысяч человек (24-е место среди графств; данные 2004 года). Графство Корнуолл не следует путать с герцогством Корнуолл, земли которого разбросаны по территории 23 графств Англии и Уэльса и находятся в частном владении наследника британского престола, являясь источником его персональных доходов. В английской историографии для территории полуострова Корнуолл, на котором в Средние века располагалось одноимённое кельтское королевство бриттов, иногда применяется термин Западный Уэльс (в то время как современный Уэльс называют Северный Уэльс).

ников находятся в трех четвертях мили от гостиницы «Глоуб Инн», расположенной в северной части деревни. Насколько я полагаю, Вы там собираетесь остановиться?

– Вы попали в самую точку, именно в «Глоуб Инн» я и собираюсь, – сказал Паркинс. – Я уже заказал себе там комнату. Больше нигде ничего не могу снять. Большинство домов, из тех которые сдаются, оказывается, заняты даже зимой. Так что мне пришлось согласиться на единственную свободную комнату в гостинице, как мне сказали, это будет двухспальный номер. Администрация этой гостиницы меня также поставила в известность о том, что им, видите ли, некуда убрать лишнюю койку и еще что-то там придется оставить, а что я уже и не помню. Зато теперь меня ждет огромная комната, такая просторная, что хоть в футбол в ней играй. Впрочем, я собираюсь прихватить с собой кое-какие книги и поработать самую малость. Хотя я и не очень представляю, как всё то время, пока я буду там находиться, я смогу спать один в постели, не говоря уже о том, что у меня в комнате будут стоять две кровати. Надеюсь, работая со своими книгами, я смогу всё время моего проживания там как-то это терпеть.

– Это вы говорите про свободную койку в комнате – терпеть, Паркинс? – бесцеремонно вмешался в разговор еще один из присутствующих, сидящий с другой стороны стола. – Послушайте, мне вдруг в голову пришла отличная идея, а не составить ли Вам компанию. Надеюсь, Вы не будете возражать, если я приеду погостить ненадолго и займу эту койку.

Профессор невольно вздрогнул и после короткого раздумья ответил, пытаясь подавить заискивающий смешок.

– Отличная идея, Роджерс. Ничего лучше этого я даже и представить себе не мог. Правда, к моему великому сожалению, Вам там будет довольно скучно. Ведь, насколько я осведомлен, вы не играете в гольф, не так ли?

– Нет, благодарение Господу! – грубо ответил Роджерс.

– Впрочем, смотрите сами, только знайте, когда я не буду занят со своими книгами я, скорее всего, буду играть в гольф¹²⁵, и поэтому, увы, Вам придется скучать в полном одиночестве.

– Вовсе необязательно! Я думаю, обязательно встречу там кого-нибудь из своих знакомых. Если вы не хотите чтобы я с вами ехал, пожалуйста, Паркинс, только скажите, я не из обидчивых. Правда, как вы нам всегда говорили, не может никого обидеть.

Паркинс действительно был предельно вежлив и предупредителен. Возникла опасность того, что Роджерс, зная об этих его качествах, мог при удобном случае этим пользоваться. Сейчас в душе Паркинса шла борьба и поэтому, в течение нескольких секунд, он не мог подобрать нужных слов. После недолгого молчания он все-таки ответил:

– Ну, хорошо, Роджерс, если уж вы действительно хотите знать правду, – я думаю как раз о том, будет ли та комната, о которой я упомянул, достаточно просторной для того, чтобы мы оба могли в ней чувствовать себя комфортно. Кроме этого (напоминаю, я бы не стал говорить об этом, если бы вы меня не вынудили), я думаю о том, не окажется ли ваше присутствие для меня тем, что, по самой своей природе, помешает мне заниматься своей работой.

Услышав такой ответ, Роджерс рассмеялся раскатистым смехом.

– Договорились, Паркинс! – сказал он. – Хорошо. Я обещаю, что не буду мешать Вам, прошу об этом не беспокоиться. Я ни за что туда не поеду, если Вы так этого не хотите. Но мне кажется, что я точно смог бы разогнать всех привидений, какие там водятся... – Сказав это, он

---

¹²⁵ Гольф (англ. golf) – спортивная игра, в которой отдельные участники или команды соревнуются, загоняя маленький мячик в специальные лунки ударами клюшек, пытаясь пройти отведённую дистанцию за минимальное число ударов. Считается, что игра в гольф зародилась в Шотландии и была изобретена пастухами, которые с помощью посохов (будущих клюшек) загоняли камни в кроличьи норы. Первым упоминанием игры является указ короля Шотландии Якова II о запрете гольфа (1457 год), так как он отвлекал лучников от обучения. Для многих игроков в гольф местом паломничества остаётся площадка для гольфа Old Course (англ. Old Course at St Andrews) в Сент-Андрусе, являющаяся площадкой типа Links (англ. Links) (старейшим видом площадки). История Old Course ведёт свое начало с 1574 года. Задokumentирована игра в гольф на площадке Musselburgh Links (англ. Musselburgh Links) (Восточный Лотиан, Шотландия) 2 марта 1672 года. Эта площадка считается исторически первой в мире, что отмечено в Книге рекордов Гиннесса.

украдкой подмигнул и, словно ища поддержки, незаметно толкнул локтем своего соседа. Было видно, как Паркинс сильно покраснел после этих слов. – Прошу прощения, Паркинс, – продолжал Роджерс. – Мне не стоило об этом говорить. Я совсем забыл, что Вы очень не любите, когда кто-нибудь пытается шутить по этому поводу.

– Ну что ж, – ответил Паркинс. – Раз Вы решили заговорить на эту тему, то я имею полное право сказать, что мне не нравится Ваш легкомысленный тон. А особенно мне не нравится, когда Вы пытаетесь говорить о том, что Вы называете приведениями. Человек, занимающий мой пост, – продолжал он, и тут его голос стал более твердым, – не должен, я считаю, бояться того, что питая интерес к исследованию таких паранормальных явлений, как привидения или потусторонние силы он не встретит должной поддержки у общества. Насколько вы знаете, Роджерс, или, насколько я полагаю, Вы должны это знать, по-моему, я никогда не скрывал своего отношения...

– Конечно, нет, старина, – воркующим голосом произнес Роджерс, пытаясь успокоить распалившегося профессора.

– ...Я считаю, что любой, даже малейший намек на сомнение в том, что эти вещи существуют, для меня равнозначен отрицанию всего того, что я чту как святая святых. Я очень сожалею о том, что не сумел убедить Вас относиться к настоящему явлению со всей необходимой серьезностью.

– У Вас наивысший уровень сосредоточенности на объекте исследования, как говорил доктор Блимбер¹²⁶, – перебил его Роджерс, изо всех сил пытаясь наиболее точно передать формулировку. – Прошу прощения, Паркинс, за то что прервал Вас.

– Ничего страшного, – сказал Паркинс. – Я не помню Блимбера, вероятно, он был еще до меня. Но я не собираюсь продолжать этот разговор. Я уверен в том, что Вы меня правильно поняли.

– О да, конечно, – бросил Роджерс довольно язвительно, – я тоже так думаю, хватит пока об этом. У нас будет достаточно времени поговорить на эту и на многие другие темы в Бернстоу.

Приведя этот диалог, я старался передать то впечатление, какое он произвел на меня. Паркинс, здесь скорее выглядел как мягкотелый интеллигент, что проявлялось как в его речи, так и в его манерах. Увы! Он был совсем одинок, у него абсолютно отсутствовало чувство юмора, но в то же время он был непоколебим и искренен в своих убеждениях и за это заслуживал глубокого уважения. Так это или нет, со временем читатель узнает гораздо лучше, каким Паркинс был на самом деле.

На следующий день Паркинс, как и планировал, сумел вырваться из своего колледжа и сразу отправился в Бернстоу. Там его приветливо встретили в гостинице «Глоуб Инн», где он со всем комфортом расположился в двухспальном номере, о котором вы уже знаете. Перед тем как лечь отдыхать он нашел время аккуратно разложить все свои книги и бумаги необходимые ему для работы на столе, занимающем большую часть комнаты, который был окружен с трех сторон окнами с открывающимся из них видом на море. Если быть точнее, то центральное окно выходило прямо на море, а окна с правой и левой стороны смотрели на берег соответственно с северной и с южной стороны. С южной стороны вид открывался на деревню Бернстоу. С северной стороны домов не было видно, а был виден лишь только берег и невысокая скала, нависающая над ним. Прямо под его окном находился довольно неширокий участок бурно разросшейся травы, на котором валялись старые якоря, шпили, брашпили¹²⁷ и тому подобное.

---

¹²⁶ Доктор Блимбер – директор школы в Брайтоне, в которую был послан учиться юный Пол Домби («Домби и сын» (англ. *Dombey and Son*) – роман английского писателя Чарльза Диккенса. Впервые публиковался частями ежемесячно в период с 1 октября 1846 года по 1 апреля 1848 года и одним томом в 1848 году, с иллюстрациями Хабло Найта Брауна). Причем, цитата неверная, по всей видимости, господин Роджерс, ошибся или сам это придумал.

¹²⁷ Брашпиль – это палубный механизм лебедочного типа представляющий собой (в простейшем варианте) горизонтальный ворот. Используется для подъёма якорей и создания натяжения тросов при швартовке. Имеет горизонтальный вал, в

Сразу за травой шла широкая дорожка, а потом пляж. Если прикинуть на глаз, то расстояние от гостиницы до моря было не более шестидесяти ярдов¹²⁸.

Другие постояльцы, без всякого на то сомнения, были большими любителями гольфа, на мой взгляд, некоторым из них можно было бы уделить гораздо больше внимания, если бы в этом нуждался сюжет моего повествования. Со всей уверенностью можно сказать, что самой заметной фигурой среди всех проживающих в отеле был отставной полковник, который в настоящее время являлся секретарем одного из Лондонских клубов. Он обладал густым сильным голосом и явно придерживался протестантских взглядов. Тот словно получал второе рождение после посещения проповеди местного приходского священника – весьма достойного представителя духовенства с большой склонностью к проведению пышных церковных обрядов, которые он имел мужество соблюдать, вопреки сложившейся Восточно – Английской традиции¹²⁹.

Профессор Паркинс, одна из главных черт характера которого была весьма точно описана, после прибытия в Бернстоу большую часть дня занимался тем, что он называл оттачиванием навыков игры в компании со своим новым знакомым – полковником Вильсоном, именно тем отставным военным, которого я упомянул. И всё было бы хорошо, да вот только после обеда (я не могу точно сказать, был в этом виноват сам процесс совершенствования техники игры или может быть на это была какая-то другая причина), ни с того ни с сего поведение полковника приобрело настолько угрожающий характер, что Паркинсу пришлось задуматься над тем, стоит ли ему возвращаться в гостиницу с поля для игры в гольф вместе со старым воякой или пойти другой дорогой. Посмотрев недоверчиво и украдкой на торчащие усы и лицо военного залитое алой краской, он решил, что гораздо лучше будет позволить табаку и чаю сделать с полковником все – на что они способны до того, как вечер поставит его перед фактом их неизбежной новой встречи.

– Уж, лучше я прогуляюсь по берегу до своей гостиницы, – рассуждал он. – Да, так-то оно будет лучше. К тому же, если я пойду по бережку – я хорошенько рассмотрю те руины, о которых говорил наш Дисней¹³⁰, пока светло света мне уж точно хватит. Правда я не знаю, где они находятся, хотя вряд ли мне удастся пройти мимо их.

отличие от шпиля. Предназначен для обслуживания якорных цепей обоих бортов. Брашпили бывают электромеханические, паровые, гидравлические, ручные. Кроме якорей и якорных цепей в якорное устройство судна входят шпили, брашпили, якорные клюзы, цепные стопора, кнехты и приспособления для крепления якорной цепи.

¹²⁸ Ярд – мера длины, равная 3 футам или 91,44 см.

¹²⁹ Церковь Англии считает себя одновременно католической и реформированной: католической, так как она рассматривает себя как часть всемирной Церкви Христа, являющуюся непрерывным продолжением ранней апостольской и средневековой церкви. Это выражается через приверженность учению ранних Отцов Церкви, формализованному в Апостольском, Никейском (так как в богослужении не произносится, то Никейским символом веры часто называют Никео-Цареградский), Никео-Цареградском (в основном, в католическом варианте, но в экуменическом окружении допускается и православный символ веры), Афанасьевском Символах веры; реформированной в той степени, в которой она сформировалась под влиянием некоторых доктринальных и институциональных принципов Протестантской Реформации XVI века. Более протестантский характер Церкви Англии обнаруживается в 39 статьях Англиканского Вероисповедания, официально принятых в качестве части религиозного примирения при королеве Елизавете I. Порядки и литургия Церкви Англии, как это выражено в Книге Общей Молитвы (англ. The Book of Common Prayer), основаны на дореформационной традиции, однако подверглись влиянию литургических и доктринальных принципов Реформации.

¹³⁰ Диснеевская профессура археологии предоставляет место профессора археологии в Кембриджском университете. Эта должность была введена Джоном Диснеем в 1851 году. На эту должность он выделил сумму в размере 1000 фунтов стерлингов, после его смерти в 1857 году к этой сумме были еще прибавлены 2500 фунтов стерлингов. Последние три Диснеевских профессора археологии также были директорами Института археологических исследований Макдональда. Джон Дисней (29 мая 1779 г. – 6 мая 1857 г.) был адвокатом и антикваром. Он был избран членом Королевского общества в 1832 году и членом Общества антикваров в 1839 году. Дисней представил большую часть скульптур из своей коллекции в Fitzwilliam Museum в Кембридже в 1850 году. Он серьезно интересовался археологией и поэтому в 1851 году выделил 1000 фунтов стерлингов на содержание должности профессора археологии Диснея в Кембриджском университете, которая так и называется – Диснеевский профессор археологии.

Так он и сделал, а если говорить точнее, – отправился в путь, начав прокладывать свой маршрут от поля для игры в гольф до гостиницы. Увязая в гальке, которой был покрыт весь берег, где-то цепляясь за глубоко торчащие корни кустарника и травы, а где-то за крупные булыжники, шел он и шел. Забредя далеко, он встал и огляделся кругом, и вдруг понял, что очутился в очень труднопроходимой местности, покрытой впадинами и небольшими холмиками. Потом, когда он в следующий раз пришел исследовать этот участок, оказалось, что эти самые ухабы и рытвины были не чем иным, как кучами битого камня, залитого известковым раствором, на которых впоследствии образовался дерн и травяной покров. Он решил, что вероятнее всего оказался именно там, где должны были быть те самые владения ордена Храмовников, которые он и хотел найти. Никому не покажется странным то, что в свое время это место привлекало внимание искателей сокровищ, хорошенько поработавших здесь своими лопатами. Видно было, что большие участки основания постройки были почти очищены от грунта, и это давало возможность лучше понять её архитектурный план. Он помнил, правда смутно, что Тамплиеры, которым принадлежала эта земля, как правило, строили свои храмы по окружности, поэтому он сразу сообразил, почему эти рытвины и холмики, которых было здесь великое множество, образуют что-то похожее на круг. Немного существует людей способных противостоять соблазну попробовать свои силы в роли исследователя в той области, которая лежит вне сферы их компетенции, лишь только ради того, чтобы убедиться, насколько они смогли бы преуспеть, если бы им заняться этим делом серьезно. Тем не менее, наш профессор, даже если и почувствовал такой низменный инстинктивный порыв, на самом деле больше заботился о том, какую он окажет услугу господину Диснею, проявив подобную инициативу. Стараясь быть как можно более точным, он шагами измерил окружность, которую предварительно разметил, а после этого занес свои измерения в записную книжку. Затем он принялся за изучение продолговатого возвышения, расположенного восточнее от центра окружности, скорее всего, служившего, как он думал, основанием какого-нибудь амвона или алтаря. – На одном его конце, на северном, дерна нет. Может мальчишки его сорвали или какое-нибудь *ferae naturae*.¹³¹ – Было бы неплохо, – думал он, – проверить здесь почву, нет ли под ней каменной кладки. – Он достал нож и начал скрести им землю. Тут его ждал еще один маленький сюрприз. Пока он копал, небольшое количество почвы провалилось внутрь, благодаря чему внутри удалось обнаружить маленькую нишу. Он жег свои спички одну за другой, пытаясь заглянуть в нору, которую нашел, а тут, как назло, поднялся сильный ветер. Простукивая и скобля ножом по стенкам образовавшейся полости, он все-таки сумел определить то, что это углубление в каменной кладке было сделано человеком. Форму оно имело прямоугольную, стенки его были высокими, а дно, если бы не было оштукатуренным, то должно было быть гладким и правильной формы. Скорее всего, дыра эта пустая. Однако, нет! Лишь только он вынул из отверстия нож, как услышал резкий металлический звук, и не успел он засунуть туда руку, как наткнулся на предмет цилиндрической формы, лежащий на самом дне тайника. Само собой разумеется, он достал оттуда этот предмет. Поднеся его к пламени спички, которая к тому времени уже почти погасла, он смог разглядеть свою находку, также как и ниша, являвшуюся творением рук человеческих. Перед своими глазами он держал какую-то странную на вид металлическую трубку длиной примерно четыре дюйма, и похоже было на то – весьма древнего происхождения.

Довольно быстро Паркинс успел убедиться в том, что в необычном хранилище больше ничего нет. Уже было очень поздно и стало темно для того, чтобы продолжать дальнейшие поиски. Находка показалась ему весьма любопытной, поэтому он решил, завтрашним днем, как только взойдет солнце, посвятить несколько часов археологическим раскопкам. Тот пред-

---

¹³¹ *Ferae naturae* (лат.) – существо дикой природы.

мет, который он надежно спрятал у себя в кармане, несомненно, должен был представлять определенную ценность, и в этом он не сомневался.

Унылыми и мрачными выглядели развалины, забытые и засыпанные песком, когда последний раз он посмотрел на них, перед тем как отправиться обратно в гостиницу. Заходящее солнце появилось на западной части небосклона, слабым желтым светом озарив поле для игры в гольф. Отсюда было видно, как несколько человек идут по полю, держа направление к клубу. Было видно и приземистую круглую башню мартелло¹³², и деревеньку Элдси, и бледную полоску песчаного пляжа, которую в некоторых местах пересекали деревянные волнорезы, и сумеречное матовое море, нашептывающее свои волшебные сказки. Ветер стал сильнее дуть с севера, но теперь, на обратном пути в гостиницу он дул ему в спину. Энергично разгребая ногами гальку, пытая и задыхаясь, пробирался он вдоль берега и, в конце концов, добрался до песчаного пляжа по которому только благодаря волнорезам, попадавшимися через каждые несколько ярдов, дальнейший его путь протекал спокойно. Один единственный взгляд, брошенный им через плечо для того, чтобы определить то расстояние, которое он преодолел с того момента, как покинул разрушенный храм тамплиеров, дал ему знать, что, по всей вероятности, у него появился попутчик. Это он понял, потому что вдалеке сумел различить смутный расплывающийся силуэт человека, изо всех сил старавшегося поспеть за ним, хотя это ему едва удавалось. Видно было, что человек этот чуть ли не бежал, только расстояние между ним и Паркинсом фактически не сокращалось. Заметив его Паркинс решил, вряд ли он с ним знаком, поэтому нелепо будет выглядеть если он остановится, для того чтобы его подождать. Впрочем, размышлял он, встретить в такой глухомани хорошего человека было бы совсем не плохо. И тут он вспомнил, что когда то давным-давно он читал о нечаянных встречах в таких местах, от которых ужас пробирает до самых костей. Он продолжал думать об этом до тех пор, пока не добрался до гостиницы. Всю дорогу не давала ему покоя одна из таких историй, которую люди знают с самого детства, та, которая навсегда отнимает сон¹³³. – «Сквозь дрему вижу я, как Христиан во время прогулки вдруг заметил демона, а тот погнался за ним по полю и хотел его схватить». – Что мне делать, если оглянувшись, я вдруг увижу на фоне желтого неба очертания черной фигуры да еще с рогами и крыльями? Остановиться мне или бежать без оглядки прочь. К счастью тот джентльмен, который идет по моему следу, совсем не такой. Похоже, он заметно отстал по сравнению с тем, когда я его только заметил. В таком случае ему не поспеть к обеду раньше моего. О Боже! Уже четверть часа прошло, а я всё канителюсь. Мне надо поторопиться!

У Паркинса действительно оставалось очень мало времени на то, чтобы переодеться и спуститься в холл. Когда во время ужина они снова встретились с полковником, тот уже был совсем другим человеком, к старому вояке опять вернулись невозмутимость и самообладание – качества, характеризующие настоящего джентльмена. Бодрое расположение духа не покидало того и во время игры в бридж, за которой они решили скоротать вечер. Причем стоит отметить, что Паркинс действительно был для полковника достойным уважения соперником. Когда к двенадцати часам ночи он уходил к себе в номер, то мог сказать, что этот день прошел неплохо, и что последующие две или три недели его жизнь в гостинице «Глоуб Инн» обещает быть такой же спокойной и размеренной, как и этот первый проведенный в ней день. – Особенно мне

---

¹³² Башни мартелло – круглые каменные укрепления, которые во множестве строились по берегам владений Британской империи в I-й половине XIX века.

¹³³ «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (англ. The Pilgrim's Progress from This World to That Which Is to Come, букв. «Движение Пилигрима из этого мира в грядущий мир»), написанное английским писателем и проповедником Джоном Баньяном – одно из наиболее значительных произведений английской религиозной литературы. Первая часть была написана автором, когда он находился за свою религиозную деятельность в тюрьме и опубликована в 1678 году. Вторая часть создана в 1684 году и опубликована в 1688 году. Уже при жизни автора первая часть выдержала 11 изданий общим тиражом более 100 000 экземпляров.

стоит на это надеяться, – полагал он, – если я буду продолжать работать над своей техникой игры в гольф.

Проходя по коридору, он наткнулся на портье, в обязанности которого входило чистить одежду и обувь, тот его остановил и сказал:

– Прошу прощения, сэр, как раз в тот момент, когда я чистил вашу куртку, что-то выпало из кармана. Я положил этот предмет на комод в вашей комнате, сэр, – там какая-то дудочка или что-то вроде того. Ой, не стоит благодарностей. Она лежит на комоде в вашей комнате, да, да, сэр. Спокойной ночи.

Его слова напомнили Паркинсу о той самой маленькой вещице, которую он нашел сегодня во время прогулки. Штуковина была весьма любопытная, и поэтому он решил её лучше рассмотреть при свете свечей. Сделана она была из бронзы, сейчас это он уже видел, а своей формой она напоминала современный свисток, которым подзывают собак. Он присмотрелся еще внимательней и понял, действительно – это был свисток. Он хотел в него свиснуть и поднес его к губам, да вот только тот оказался забитым до отказа мелким затвердевшим песком или грунтом, который невозможно было выбить просто постучав обо что-то твердое, а нужно было вычищать ножом. Всегда аккуратный во всем, за что бы он ни брался, Паркинс выскреб ножом песок из свистка на листок бумаги, а потом подошел с ним к окну для того, чтобы почистить. Ночь стояла за окном спокойная. Когда он открывал оконную створку, то увидел на небе яркую луну. Он остался стоять у окна, чтобы еще раз взглянуть на море и звезды, и луну, и вдруг заметил запоздалого гуляку, где-то вдалеке на берегу сразу прямо напротив гостиницы. Немного подышав ночным воздухом, он захлопнул окно, слегка удивившись тому, что в Бернстоу люди гуляют в столь поздний час, и опять принялся рассматривать свой свисток. Тут он заметил, что на свистке есть какие-то знаки, не просто знаки, а какие-то символы! Потерев глубоко вырезанную надпись для того, чтобы её можно было лучше разглядеть, он прочитал и крепко задумался. Профессор прекрасно понимал, что смысл написанного для него настолько же непонятен, сколь и те письма, которые сохранились со времен Валтасара¹³⁴ на руинах Вавилона. А надписи на свистке были – как спереди, так и сзади.

Одна из надписей была:

FUR FLA
FLE BIS

А другая:

𐎶𐎵 QUIS EST ISTE QUI UENIT 𐎶𐎵

– Мне обязательно нужно прочесть то, что здесь написано, – думал он. – Правда, увы, я основательно подзабыл латынь. Вот смотрю я на эти надписи, а мне кажется, будто я ни единого слова не знаю из тех, которые кто-то умудрился здесь выгравировать. Длинная надпись, похоже, самая простая. Скорей всего это означает: "Кто это тот – кто придет?" Точно, так и будет. Тогда лучший способ об этом узнать – взять и свиснуть в него.

Он осторожно подул в свисток и неожиданно замер от изумления, весьма довольный тем, что ему удалось извлечь такой прелестный звук. Казалось, для звука этого не существует ника-

---

¹³⁴ Валтасар (Вальтасар, Бел-шар-уцур); от аккад. Bēl-šarra-ušur – «Бел, царя храни» – вавилонский царевич (mār šarri) VI в. до н. э., старший сын и соправитель последнего царя Вавилонии Набонида (в Книге Даниила назван последним царём Вавилона). Управлял страной и частью армии во время пребывания своего отца в аравийской Тейме.

ких преград, и хотя был он нежным и едва уловимым профессор неожиданно для самого себя где-то глубоко почувствовал, что слышно его на долгие мили. К тому же этот звук обладал великой силой (такой же силой обладают многие ароматы) и способностью создавать образы в сознании. Через какое-то мгновение он будто пережил озарение, и сразу за стремительным порывом свежего ветра он достаточно ясно увидел сквозь ночную тьму широкую черную полосу, словно уходящую в другое измерение, а в самом её центре одинокую фигуру. Откуда она появилась – он не мог понять. Может быть, ему удалось заметить еще что-нибудь, если бы та призрачная фигура не исчезла, уносимая порывом ветра ударившего в оконную раму. Всё произошло так неожиданно, что это заставило его встrepенуться и осмотреться кругом. Как раз в этот момент чайка, поднимаясь ввысь, взмахнула крылом и, пролетая где-то высоко в ночном небе, отразилась в оконных стеклах.

Волшебный свист буквально заморозил его, и поэтому он не смог удержаться от того, чтобы не подуть в свисток еще раз, только на это раз уже смелей. Тот звук, который ему удалось извлечь вслед за первым, был более коротким и намного громче, чем предыдущий, причем такой, что сразу рассеял все миражи. Никакого видения больше не появилось, хотя он очень надеялся на то, что увидит еще что-нибудь. – О, Боже, что это! Каким сильным стал ветер всего за несколько минут! Какой ужасный ураган! Я так и знал, оконные замки не держат! К тому же еще и обе свечи задуло! Такой ветер всю комнату способен перевернуть вверх тормашками.

Первое, что нужно было успеть – это закрыть окно. Со стороны могло показаться, будто двадцать Паркинсов вступили в схватку с небольшой оконной рамой. Он уже почти выдохся от напряжения и чувствовал себя так, словно ему пришлось бороться со здоровым и сильным взломщиком, настолько мощным был порыв ветра. В одно мгновение порыв ветра стих, и окно само по себе с грохотом захлопнулось. Теперь оставалось лишь только снова зажечь свечи, и посмотреть на то, что ветер успел натворить за это время. Впрочем, нет, ничего он вроде бы не сломал. Ни одно оконное стекло не разбилось. Единственное, что, по крайней мере, успел сделать этот шум, так это разбудить жильца из соседнего номера. Было слышно, как полковник топает, расхаживая по своей комнате в одних чулках, и ворчит.

Ветер не спешил стихать. Он с ревом носился за гостиницей, временами его дикие порывы переходили в унылый и безутешный вой, про который Паркинс справедливо заметил, такой способен заставить дрожать всех у кого нервишки пошаливают. А через какую-то четверть часа он уже думал, что даже те, у кого с нервишками всё в порядке, наверняка чувствовали бы себя гораздо лучше, если бы им не довелось при всем этом присутствовать.

То ли виноват в этом был ветер, то ли возбуждение после игры в гольф, то ли после прогулки к руинам Тамплиеров у него разыгралось воображение, но спокойно уснуть он не мог, а что именно было тому причиной – он никак не мог понять. В любом случае, уснуть он не мог уже достаточно долго для того, чтобы начать выдумывать всякое (к моему сожалению, это часто делаю и я, оказавшись в подобной ситуации) и мнить себя жертвой всех существующих болезней, заканчивающихся фатальным исходом. Он лежал и внимательно прислушивался к своему сердцу, чувствуя его биение и боясь того, что оно вот-вот остановится. Он уже несколько не сомневался в том, что у него воспаление легких, мозга, печени – все сразу. Эти подозрения, а это он знал наверняка, мог рассеять только первый луч утреннего солнца, но до утра было еще далеко, а на душе у него словно кошки скреблись. Он чувствовал приятное злорадство от того что кому-то тоже не спится. Его сосед за стенкой (в темноте было не разобрать, где он находится), также как и он, ворочался в постели и скрипел кроватью.

Следующим, что он попытался сделать, так это закрыть глаза и попытаться уснуть, во что бы то ни стало. Только в этом случае нервное перевозбуждение проявило себя по другому – у него перед глазами стали возникать различные картины. *Experto crede*¹³⁵ – иногда у того, кто

---

¹³⁵ *Experto crede* (lat.) – поверь мне/эксперту, поверь моему опыту.

очень сильно хочет уснуть, лишь только он закроет глаза – перед глазами появляются видения. При этом часто бывает так, что образы, порожденные его подсознанием, не совсем ему по душе, поэтому приходится открывать глаза для того, чтобы их разогнать.

Наваждение, которое сейчас не давало покоя Паркинсу, было настоящим кошмаром. Он прекрасно понимал то, что будет не в состоянии избавиться от образа, который сам по себе появляется в его подсознании. После того, как он открывал глаза – мираж тут же исчезал, но стоило ему опять их закрыть – он возникал снова, и опять начиналось всё сначала, картинки меняли одна другую, двигаясь несколько не быстрее и не медленнее, чем в предыдущий раз. А видел он вот что:

Бесконечная узкая полоска берега, – галька, переходящая в песок, в которую через ровные промежутки вкопаны черные волнорезы, уходящие в море. Картина, настолько напоминающая ту, которую ему довелось видеть сегодня после обеда, что если бы не полное отсутствие каких-либо знакомых примет, то он бы сказал – это было именно то самое место. Тусклый серый свет, и от того, что он такой мутный и неживой возникает впечатление, будто надвигается шторм. Всё кругом напоминает поздний зимний вечер, идет промозглый морозящий дождь. Кругом ни души. Вдруг, где-то вдалеке начинает маячить, как бы подпрыгивая, какой-то странный черный предмет, а через секунду уже можно узнать в этом предмете фигуру человека, бегущего, прыгающего, цепляющегося за волнорезы и карабкающегося через них, при этом каждый раз норовящего оглянуться назад. Когда этот человек оказался ближе – стало понятно, что он не только встревожен, а ужасно напуган, но лица его не было видно. Кроме того, было понятно, что тот уже до предела измотан. Как только он приближался к следующему волнорезу или другому препятствию, стоящему у него на пути, сразу становилось ясно, что оно причиняет ему еще больше хлопот, чем предыдущее, которое он только что преодолел, и отнимает все больше сил. – Сможет ли он перелезть в этот раз? – думал Паркинс. – Похоже, что этот немного выше, чем те другие. Так оно и случилось, то ли взобравшись на волнорез, то ли перевалив через него свое тело, он все-таки сумел его преодолеть, и тут же, едва оказавшись по другую сторону, свалился как мертвый, (так казалось со стороны). Уже было понятно, что тот не в состоянии подняться и поэтому, обезумев от страха и оглядываясь по сторонам, он пополз прятаться под волнорез.

До сих пор не было видно ничего из того, что могло бы довести до такой паники беглеца. Лишь только некоторое время спустя далеко на берегу показалось какое-то светлое пятнышко, которое то появлялось – то исчезало, при этом двигаясь рывками, то подается вперед – то отпрянет назад. Неожиданно приблизившись, оно стало похоже на бледный силуэт человеческой фигуры в тусклом свисающем одеянии, трепещущем на ветру. Что-то было в этом существе, из-за чего Паркинсу совсем не хотелось на него смотреть. Оно остановилось, подняло вверх свои руки, склонило голову чуть ли не до самого песка, а затем понеслось через весь пляж по направлению к кромке моря и сразу рвануло обратно. После чего оно взмыло вверх, а потом опять кинулось вперед с неимоверной скоростью. Через какое-то мгновение оно уже парило всего лишь в нескольких ярдах от того самого волнореза, за которым спрятался несчастный беглец, то беря немного левее, то перемещаясь правее. Кидаясь из одной стороны в другую, после двух или трех неудачных попыток настичь свою жертву, оно внезапно остановилось и словно застыло, высоко вскинув вверх свои руки, после чего, собрав все свои силы, стремительно бросилось на тот самый волнорез.

Паркинс уже не мог держать глаза закрытыми. Он начал переживать за то, как бы у него не начались проблемы с головой или со зрением. Распекая себя за чрезмерное курение и припомнив добрую сотню других грехов водившихся за ним он, в конце концов, решил зажечь свечу, достать книгу и провести остаток ночи без сна. Ему казалось, так для него будет гораздо лучше, чем позволить мучать себя одному и тому же повторяющемуся видению, которое было вызвано не чем иным, как больным воображением, разыгравшимся после сегодняшней прогулки.

Чиркающее движение спички по коробку вместе с последующей за ней яркой вспышкой, по всей вероятности, сильно напугали ночных обитателей – крыс и прочих тварей, принявшихся с ужасным шорохом суетливо метаться по полу за его кроватью. О, Боже! Спичка прогорела! Тьфу! Ну не дурак ли я! Вторая спичка вспыхнула еще ярче прежней. Он тут же зажег

свечу и достал книгу, за чтением которой провел всю ночь до тех пор, пока сон, способный восстановить силы, не одолел его, да и то, поспать ему удалось недолго. Наверное, в первый раз в своей жизни, в которой всё было размерено и рассчитано вплоть до мелочей, он забыл погасить свечу. Когда на следующее утро в восемь часов утра его разбудили, на столе еще мерцал, догорая, огрызок фитиля в подсвечнике, а на поверхности маленького столика запеклось темное пятно растекшегося воска.

После завтрака он опять был в своей комнате и приводил в порядок костюм для гольфа. Судьба и в этот раз распорядилась так, что ему снова придется играть с полковником. В этот момент зашла одна из горничных.

– Сэр, извините за беспокойство, – сказала она, – может быть, Вам будет угодно еще одно одеяло для вашей кровати?

– Ага! Спасибо, – ответил Паркинс. – Конечно, я думаю, еще одно как раз не помешает. Похоже, становится прохладней.

Через минуту горничная уже вернулась, неся с собой одеяло.

– На какую постель мне его положить, сэр? – спросила она.

– Что? Да вот на эту, на которой я спал прошлую ночь – сказал он, указывая на свою кровать.

– Прошу прощения, сэр, но, похоже, что вы спали на обеих. По крайней мере, я точно помню, как накануне утром мы их все заправляли.

– Что за чудеса? Ерунда какая-то! – ответил Паркинс. – Я абсолютно уверен в том, что не прикасался к другой постели, разве только положил на неё кое-что из своих вещей. Она, что в самом деле выглядит так будто на ней кто-то спал?

– О, да, сэр! – ответила девушка. – Она вся измята и, если вы мне позволите, сэр, – она выглядит так, как будто кто-то всю ночь на ней ворочался и провел очень беспокойную ночь.

– Ерунда какая-то, – произнес Паркинс. – Пожалуй, я это мог сделать, когда распаковывал вещи. Прошу меня извинить за то, что причиняю дополнительные хлопоты. Кстати, я жду своего друга, который вот-вот должен сюда приехать. Это уважаемый джентльмен из Кембриджа, – он хочет пожить в моем номере денька два. Я надеюсь, ваш хозяин не будет против этого?

– Нет, нет, сэр, – пожалуйста, пусть приезжает. Никто не будет возражать, я в этом просто уверена, – ответила горничная и, хихикнув украдкой, ушла сплетничать о странном инциденте с другими горничными.

Паркинс твердо решил работать над своей техникой игры в гольф.

С гордостью могу сказать, он настолько преуспел в этом, что полковник, который роптал и ворчал из-за неизбежной перспективы играть с ним второй раз, по мере того, как их утренняя партия набирала обороты, становился гораздо приятней в общении и словоохотливее. При этом его голос гремел по всей равнине, как сказал один из наших поэтов, – «подобно басам органа в башне монастыря».

– Странный ветер был вчера ночью – сказал полковник, У нас говорят по такому случаю, что кто-то его насвистел.

– Вы, серьезно! – ответил Паркинс. – А что, существуют какие-то суеверия и приметы на такой случай, которые до сих пор еще живут в ваших краях?

– Не знаю, как там насчет суеверий, – сказал полковник. – Но в это верят и во всей Дании, и в Норвегии, и на Йоркширском побережье¹³⁶; и я считаю, что-то в этом есть, знаете

---

¹³⁶ Йоркшир (Yorkshire) – историческое графство в Северной Англии, не только самое большое, но и самое английское из всех английских графств: от холмов, лугов и цветущих садов местных жителей до умиротворённых классических английских окрестностей. Многие из тех, кто родились и выросли в Йоркшире, злорадно издеваются над предрассудками южан, занимая позицию, точно такую же, как техасцы и австралийцы, которые считают, что всё, что происходит не у них, вообще не следует принимать во внимание. Дело в том, что Йоркшир имеет здесь все преимущества, так как его самые яркие характеристики

ли, поэтому народ в это и верит, да еще к тому же рассказывают об этом своей молодежи. Теперь ваша очередь (вполне вероятно, читатель знакомый с правилами игры в гольф может представить развитие игры через соответствующие промежутки).

После того, как они снова вернулись к разговору Паркинс с некоторой нерешительностью произнес:

– Относительно того, о чем мы говорили, полковник, я считаю, у меня есть все основания утверждать, что мои собственные убеждения относительно этого явления тверды и непоколебимы. Я абсолютно убежден в том, что ничего подобного, то есть того, что называют «сверхъестественным» не существует и в помине.

– Что! – воскликнул полковник, – неужели Вы собираетесь мне сказать, что не верите ни в ясновидение, ни в привидений, ни во что?

– Ни во что подобное я не верю, – твердым тоном ответил Паркинс.

– Ну что ж, – произнес полковник. – В таком случае я могу сказать, сэр, что Вы не многим лучше саддукеев.¹³⁷

Паркинс уже собирался возразить. Насколько он знал, саддукеи были наиболее разумными из всех, о ком он читал в Ветхом Завете, но тут он почувствовал некоторую неуверенность от того, что в Библии они упоминаются довольно часто и поэтому предпочел отделаться кривой усмешкой.

– Возможно, Вы и правы, – ответил он. – Впрочем... Дайте мне клюшку! Теперь моя очередь. Минуточку. Полковник. – После этого последовало недолгое молчание. – Итак, что касается свиста, которым заклинают ветер, разрешите я скажу Вам свое мнение по этому поводу. Законы, которые лежат в основе образования ветров, на самом деле еще не в достаточной степени изучены. А в том, что касается рыбаков и прочих простолюдинов, то они их не знают вообще. К примеру, допустим, какая-нибудь чудаковатая женщина или вообще какой-нибудь абсолютно случайный человек в недобрый час прогуливались по пляжу и при этом насвистывали, а их заметили. И вдруг, в этот самый момент поднимается буря. Человек, умеющий опре-

---

– от диалекта до ландшафта – уходят корнями в долгую историю поселений, изобретений и независимости, и это всё ещё является источником их гордости. Здесь есть акры округлых долин, национальных парков на холмах и отличного побережья, исцеленные названиями мест, пришедшими от викингов, средневековыми аббатствами, обозначенными местами боёв во время Гражданской войны и сельскими домами аристократов и промышленников. Что касается других предметов гордости Йоркшира (пиво лучше, воздух чище, люди доброжелательнее, чем «на юге», и так далее), то вы можете составить об этом своё собственное мнение. Йоркшир раньше был поделён на три графства, или «Райдинга» (Север, Восток и Запад), что по-древне-скандинавски означало «три части», которые грубо соответствуют современному делению на Северный (North), Восточный (East) и Западный (West) Йоркшир, плюс Южный (South) Йоркшир, который примыкает к Пик-Дистрикт и Восточному Мидлендсу.

¹³⁷ Саддукеи – название одной из трёх древнееврейских религиозно-философских школ, возникших в эпоху расцвета династии Маккавеев (ок. 150 г. до н. э.) и просуществовавших вплоть до разрушения иудейского государства римлянами (70 г. н. э.). Эти три направления – саддукеи, фарисеи и ессеи – в основных чертах своих всецело выросли на почве учения Моисея и представляли лишь продукт различного отношения к способу применения его в жизни; но Иосиф Флавий, с целью сделать понимание еврейских сект доступным для своих нееврейских читателей, сравнивает, на основании некоторого внешнего сходства, саддукеев с эпикурейцами, фарисеев – с фариисеями, ессеи – с пифагорейцами. Так как ессеи, согласно своему учению, устранились от всякого участия в политической жизни народа, то борьба между остальными двумя школами и резкая противоположность в их взглядах и стремлениях составляет главное содержание исторической жизни еврейского народа за указанный период времени и, в известном отношении, отразилась и на дальнейшей судьбе иудаизма[1]. В перечне 80-ти христианских ересей «Панарионе» (ок. 378 года) саддукеи на 14-м месте и первые среди семи иудейских еретических, с точки зрения христианства, сект. В отличие от фарисеев, религиозные воззрения которых в значительной степени сохранились в талмудической литературе, саддукеи, как школа, никаких письменных памятников после себя не оставили; тем не менее мы обладаем некоторыми сведениями о них, благодаря тем фрагментарным сообщениям, которые имеются о саддукеях у Флавия и в Талмуде. В общем, эти сведения согласны между собой и вполне подтверждаются книгами Нового Завета. Согласно одному довольно позднему талмудическому источнику, школа саддукеев названа была так будто бы по имени своего основателя, некоего Садока, ученика известного мудреца Антигона Сохейского (IV–III века до н. э.). Последний, между прочим, учил: не будьте как рабы, служащие своему господину в расчёте получить за то вознаграждение, а будьте как рабы, служащие своему господину (из любви) без всяких расчётов на вознаграждение. Садок будто бы понял слова учителя в том смысле, что никакое вознаграждение не ожидает человека за гробом и что, следовательно, человеку следует заботиться лишь о своём земном благополучии, как это и делали саддукеи, которые все отличались своим богатством и роскошным образом жизни.

делять погодные явления по небу или тот, у кого есть барометр, может довольно точно сказать, чего им ждать. При этом надо учитывать то, что простые люди в рыбацких деревнях не имеют барометров, они знают всего лишь несколько примет, по которым они предсказывают погоду. Наиболее вероятно из всего этого то, что наш чудак, будь то мужчина или женщина, вначале я о нем уже упоминал, будет ими воспринят как личность, обладающая способностью вызывать ветер. Почему он или она не могут заработать такую репутацию? Теперь давайте поговорим о том ветре, который поднялся прошлой ночью. Итак, как это произошло. Вчерашний ветер можете считать – это моя работа. Да, да, это я два раза свистнул в свисток, а вслед за этим поднялся такой сильный ветер, как бы в ответ, будто бы я его вызвал. Вот, если бы кто-нибудь видел меня...

Его аудитория оказалась в определенной степени нетерпеливой и негативно настроенной по отношению к таким пространственным разглагольствованиям, тем более, я боюсь, что Паркинс сделал ошибку выбрав тон лектора, поэтому не успел он произнести свою последнюю фразу, как полковник его прервал, не дав договорить её до конца.

– Так Вы говорите, что это Вы свистели? – спросил он. – И что у Вас за свисток? Кстати, сейчас ваша очередь. Сначала ударьте по мячу. – после этого опять на недолгое время оба замолчали.

– Насчет того свистка, которым Вы интересуетесь, полковник. Весьма любопытная вещь. Сейчас, он тут у меня... О, простите, похоже, я забыл его в своем номере. Да, так оно и есть. Я нашел его вчера.

Затем Паркинс рассказал о том, как нашел свисток. Всё то время, пока он рассказывал, полковник что-то непонятное бурчал себе под нос и твердил о том, что если бы он оказался на месте Паркинса, то вел бы себя осторожней с той вещью, которая раньше принадлежала папистам¹³⁸, от которых, а в этом можно несколько не сомневаться, никогда не знаешь чего ждать. С этой темы он переключился на чудачества викария, издавшего в прошлое воскресенье указ о том, что в эту пятницу будет проводиться празднование Дня Святого Апостола Фомы,¹³⁹ а в одиннадцать часов в церкви по этому поводу будет проходить служба. Исходя из этих и других соображений, полковник пришел к выводу, что викарий был натуральным папистом, если только не иезуитом, но умело это скрывал, при этом Паркинс, который не очень был склонен дискуссировать на эту тему, для того, чтобы не вступить с ним в конфронтацию, вынужден был поддерживать разговор. Надо сказать, они так хорошо ладили этим утром после завтрака, что не возникало никаких сомнений в том, что они не расстанутся и после обеда.

Все послеобеденное время они увлеченно играли, забыв обо всем, до тех пор, пока еще можно было хоть что-нибудь различить на площадке и свет не начал подводить их зрение. Вдруг Паркинс вспомнил, что собирался посетить руины, на которых побывал вчера. – Не беда, – подумал он, – дело это не срочное. Утро вечера мудреней, лучше будет, если сегодня он пойдет домой в компании с полковником.

Не успели они завернуть за угол, как какой-то мальчишка летит им навстречу как угорелый, вдобавок ко всему, он чуть не сбил с ног полковника и вместо того, чтобы убежать, вцепился в него, тяжело дыша от быстрого бега, прилип – не оттащить. Полковник, естественно, начал того бранить, но очень быстро сообразил, что мальчишка этот до того перепуган, что дар речи потерял. На все вопросы, которые они ему задавали, не последовало ни единого ответа. Отдышавшись, паренек начал выть как ошалелый, и еще сильнее схватился ручонками за ноги

---

¹³⁸ Паписты (уст.) – часто встречавшееся в XIX в. среди православных и протестантов именование римо-католиков.

¹³⁹ Фома́, – иначе называемый Близнаец, – один из двенадцати апостолов (учеников) Иисуса Христа. Известный фразеологизм «Фома неверующий» (или «Фома неверный»), который употребляют для именованья человека, которого сложно в чем-либо убедить [1][2], связан с одним из эпизодов Евангелия от Иоанна: апостол Фома не смог поверить в Воскресение Христово до тех пор, пока своими глазами не увидел Христа воскресшим.

полковника. В конце концов, они его оторвали, но тот так и продолжал выть ни на секунду не замолкая.

– Что, черт побери, произошло? Куда тебя угораздило залезть? – спрашивали они его наперебой.

– Я видел, как оно махало мне из окна, – дико выл мальчик, – и очень испугался.

– Из какого еще окна? – раздраженно спросил полковник. – А ну-ка, возьми себя в руки, парень, ты же мужчина.

– Из окна в гостинице, которое выходит на улицу, – лепетал перепуганный мальчуган.

Паркинс уже собирался отпустить ребенка домой, но тут вмешался полковник. Он решил хорошенько расспросить мальчугана о том, что произошло на самом деле. Как сказал полковник, совсем непросто так сильно напугать сорванца, не каждый на такое способен, и если вдруг удастся выяснить, что какие-то подонки сыграли с ним такую злую шутку, то пусть они за это поплатятся. Он сумел выудить из мальчишки всё, что с тем приключилось. Дело было так, он играл на траве во дворе перед гостиницей вместе с другими ребятами. Потом его друзей позвали домой и они ушли, и он уже тоже собирался уходить, как вдруг, совсем случайно, посмотрел вверх и увидел, как в окне ему кто-то машет. В одном из окон была видна фигура какого-то человека в белых одеждах, только его лица различить было невозможно. Она манила его к себе, хотя это был совсем не человек, то есть, совсем не такой как все нормальные люди. – А свет был в комнате? – спросил его полковник. – Нет, он не видел никакого света. – А какое это было окно? Оно было на втором этаже? – Да, то было окно с двумя голыми тетеньками с обеих сторон на втором этаже.

– Ну, ладно, малыш, – сказал полковник, – после того, как узнал всё, что ему было нужно. – А теперь беги домой к маме. Там в окне был очень плохой дядя. В следующий раз возьми да и брось в него камень, ведь ты же мужчина – настоящий, храбрый англичанин. Хотя, нет, не делай этого. Ты лучше пойди и скажи дяде дежурному или хозяину, дяде Симпсону, да еще скажи им, что это тебя дядя полковник научил этому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.